

Гули Юлдашева

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИРАН И США

LATVIAN INSTITUTE OF
INTERNATIONAL AFFAIRS

ГУЛИ ЮЛДАШЕВА

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В СОВРЕМЕННОЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ИРАН И США**

Латвийский институт международных отношений

ТАШКЕНТ
«NISO POLIGRAF»
2018

УДК 327(100)
ББК 66.4(0)
Ю-31

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Профессор **Фредерик Старр**, Президент — основатель института Центральной Азии и Кавказа, программы исследований Шелкового Пути.

Профессор **Гульнара Мендикулова**, д.и.н., академик АИСН РК, кафедра всемирной истории ф-та истории, археологии и антропологии Казахского Национального Университета Аль-Фараби.

Профессор **Мирзохид Рахимов**, руководитель отдела новой и новейшей истории института истории Академии наук Республики Узбекистан.
Азизхан Ханходжаев, независимый консультант/практик по вопросам развития региона ЦА.

В данной книге изучаются геополитические и геоэкономические процессы в Центральной Азии через призму региональной политики и взаимодействия Исламской Республики Иран и Соединенных Штатов Америки.

На основе новейших фундаментальных работ, статей, аналитических докладов и данных международных организаций, личных контактов с экспертами, материалов конференций и СМИ, анализируются геополитические основы и ключевые подходы стратегий США и Ирана в отношении региона ЦА в период с 90-х годов по январь 2017 г.; определение и характер взаимодействия данных государств с другими ведущими региональными акторами и влияние ирано-американских отношений на политическое и экономическое (энергетические и транспортно-грузитные коридоры) развитие Центральной Азии.

Обосновываются идеи о том, что основным драйвером международных процессов остается стратегический интерес, направленный на обеспечение экономической и политической безопасности государств; в перспективе ожидается слияние предлагаемых моделей развития региона ЦА в комплексную систему взаимодействующих государственных союзов.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, включая практиков и теоретиков в области международной политики, преподавателей общественно-политических дисциплин и другие заинтересованные лица.

ISBN 978-9943-5082-4-8

© Г. Юлдашева, 2018
© «Niso Poligraf», 2018

ОТ РЕДАКТОРОВ

Глобальное значение Центральной Азии часто не справедливо игнорируется. Динамично развивающийся регион расположен на перекрестке стратегических евразийских путей и обладает огромным экономическим потенциалом. Его ценнейшие минерально-сырьевые ресурсы, выгодное геостратегическое положение дают все основания для выхода на мировой рынок. Устойчивое мирное развитие Центральной Азии открывает путь к развитию международных транзитных маршрутов и системы глобальной энергетической и политической безопасности.

В противоположность распространенному мнению, вызовы интеграции Центральной Азии в глобальное политическое и экономическое пространство связаны не только с внутренними проблемами. Регион окружен сложной сетью конфликтующих внешних геополитических влияний.

Автор монографии Гули Юлдашева, досконально изучив современную ситуацию в регионе, дает широкую панораму действительности, акцентирует место и значение Центральной Азии на мировой политической арене. Книга дает более глубокое и всестороннее понимание развития Центральной Азии, выводит из сложившихся стереотипов и позволяет осознать наши собственные возможности и оценить ошибки.

Латвийскому институту международных отношений доставила удовольствие совместная работа с д-ром Гули Юлдашевой в процессе подготовки этой своевременной и актуальной книги.

ОТЗЫВЫ

«Некоторые авторы коснулись отдельных сторон политики Ирана и Соединенных Штатов в пяти государствах: Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Но до появления книги д-ра Юлдашевой никто не рассматривал эти два государства вместе и в отношениях друг с другом. К великой чести Юлдашевой она вышла за рамки часто применяемых в исследованиях лозунгов и клише в отношении стратегий и политик обеих стран. Вместо этого она представляет их в практических терминах. Делая это, она позволяет читателю разглядеть те возможности в отношении их будущих траекторий, которые иначе не столь очевидны. Более того, Юлдашева рассматривала действия обеих стран с точки зрения Центральной Азии. В отличие от более ранних аналитических работ, она утверждает, что Центральная Азия — регион со своими особыми интересами и ценностями. — *Ф. Фредерик Старр, президент — основатель института Центральной Азии и Кавказа, программы исследований Шелкового Пути.*

«Монография четко показывает, почему нам необходимо минимизировать вызовы и угрозы, связанные с затянувшейся конфронтацией между Ираном и США, если мы хотим успешно интегрировать наши страны в глобальное экономическое пространство». — *Гульнара Мендикулова, профессор, Казахский национальный университет Аль-Фараби.*

«Современная Центральная Азия — регион, привлекающий сегодня большое внимание, вследствие своей хрупкости и интенсификации геополитического соперничества вокруг него. ... Монография д-ра Г. Юлдашевой является солидным, своевременным и хорошо обоснованным научным исследованием». — *Азизхан Ханходжаев, независимый консультант/практик по вопросам развития.*

«Книга профессора Гули Юлдашевой основана на богатом и очень интересном исследовательском материале и представляет собой хороший анализ. Уверен, что она будет важным вкладом в вопросы исследований истории ирано-центральноазиатских отношений, также как и существенным вкладом в компаративные исследования региональных отношений в Центральной Азии». — *Мирзохид Рахимов, профессор, руководитель отдела новой и новейшей истории Института истории Академии наук Республики Узбекистан.*

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Автор выражает благодарность коллективу Латвийского института международных отношений, его директору г-ну Андрису Спрудсу, за ценные советы и рекомендации, за предоставленную возможность публикации книги в Латвии. Искренняя признательность Диане Потемкиной за ее доброту и терпение в процессе редактирования и консультирования, подготовки книги к печати. Поддержка латвийских друзей в такой беспокойный период незабываема. Автор благодарен посольствам Исламской Республики Иран и Соединенных Штатов Америки в Узбекистане за их внимание, поддержку и ценные комментарии. Самые теплые слова родным и коллегам за поддержку и веру в успех дела. — *Гули Юлдашева.*

ВВЕДЕНИЕ

Конец XX — первые десятилетия XXI веков — период затянувшейся трансформации системы международных отношений (МО). Регион Центральной Азии (ЦА)¹ занимает в ней особое место в силу своего стратегического расположения на перекрестке путей древнего и ныне планируемого Шелкового пути, связывающих Восток и Запад. Регион также известен своими богатейшими нефтегазовыми, природными и гуманитарными ресурсами, уязвимостью проблем развития соседних стран Южной Азии и Ближнего Востока. Не случайно регион считают «Евразийскими Балканами»² так называемого «Хартленда»³, играющего столь важную роль в текущей геополитической и геоэкономической конкуренции в мире.

Одной из сложных проблем развития региона ЦА является факт столкновения здесь множества противоречивых геополитических устремлений и интересов. Государства Центральной Азии не только интегрируются в мировое сообщество, но и испытывают воздействие различных субъектов МО, выдвигающих собственную модель развития.

В этом плане следует учесть определяющую роль в системе международных отношений в силу имеющихся ресурсов, власти и влияния, такой супердержавы, как Соединенные Штаты, которые оказывают существенное влияние на международные тенденции, в том числе и в регионе Центральной Азии. С распадом Советского Союза наиболее

¹ Под «Центральной Азией» понимается регион постсоветской Центральной Азии.

² Центральная Азия — наиболее беспокойная зона Хартленда, согласно работе Zbigniew Brzezinski, *Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books, (1997).

³ «Хартленд» — термин, упоминаемый в работе сэра Хэлфорда Джона Маккиндера «Географическая ось истории»: *The Geographical Journal*, Vol. 170, No. 4, December 2004, pp. 298–321.

важные внешнеполитические процессы вокруг Центральной Азии сконцентрировались на фоне взаимоотношений Исламской Республики Иран (ИРИ) и Соединенных Штатов. Очевидно, что отношения двух держав уже косвенно повлияли и будут влиять в обозримой перспективе на регион ЦА и все мировое сообщество. В этой связи геополитические процессы в Центральной Азии следует рассматривать через призму взаимодействия этих акторов МО.

Почти все страны Центральной Азии с исторической, этнокультурной и религиозной точек зрения связаны с Ираном. С окончанием биполярного мира Иран получил шанс восстановить свой геополитический статус и влияние в Центральной Азии. Однако интересы Ирана приходят здесь в столкновение с региональной стратегией США. В результате возникшего двустороннего конфликта в него вовлекается множество других участников геополитического процесса в Евразии, включая центральноазиатские страны. В центре процессов находится геополитическая и геоэкономическая борьба за региональные энергоресурсы и транспортные коридоры в Центральной Азии. При этом ИРИ традиционно защищает энергомаршрут из Центральной Азии через свою территорию, как наиболее дешевый и экономичный. Наряду с растущим западным спросом на иранскую энергию это не всегда соответствует позиции США в отношении Ирана.

Актуальность темы определяется также геостратегическим значением Ирана в ближневосточных планах США, что в будущем предусматривает объединение Ирана и государств Центральной Азии в единое социально-экономическое пространство. Однако в данный момент это невозможно ввиду сохраняющейся напряженности между США и Ираном, и нестабильности в мусульманском мире. Современный период развития отличается все более активным вовлечением в геополитическую борьбу за переустройство мира исламских государств, о чем свидетельствует, в частности, обострение сунни-шиитских и этно-религиозных противоречий на Ближнем Востоке и в регионе Центральной и Южной Азии (ЦЮА). В деле урегулирования текущей ближневосточной ситуации велика роль США в качестве супердержавы, с одной сторо-

ны, и активного участника международной группы «5+1» по Ирану, с другой.

Другими центрами силы в Центральной Азии выступают Россия и Китай, которые наряду с США фактически определяют своей стратегией нынешний формирующийся миропорядок. В силу своего пограничного с Центральной Азией расположения, историко-культурных связей, регионального и глобального политико-экономического статуса они, естественно, имеют прямые и непосредственные интересы в регионе. К основным геополитическим акторам в Центральной Азии можно отнести: а) на глобальном уровне — США, ЕС; б) на региональном и межрегиональном уровнях — Россию, Китай, Иран, Турцию, Пакистан, Саудовскую Аравию и в последние годы — Индию.

Уровень их влияния, разумеется, различен, но эффективность их стратегий зависит от статуса ирано-американских отношений, которые фактически играют ключевую роль во многих региональных процессах. Несмотря на свою мощь и потенциал, Россия и Китай также уязвимы данному факту. Снятие санкций с Исламской Республики Иран в январе 2016г. открыло новую стадию развития Центральной Азии и международной системы. Все усилия, предпринятые до этого, были направлены на признание Ирана в качестве полноценного субъекта международных отношений. Сегодня основной целью является ускорение разработки эффективной модели с участием Ирана. Перспективы ее четко не обозначены, однако Иран будет играть существенную роль во всех ныне продвигаемых моделях развития Шелкового Пути.

В целом, ситуация вокруг Центральной Азии характеризуется такими противоречивыми тенденциями, как:

1. географическая и религиозно-культурная близость мусульманских государств, риски и вызовы фундаментализма и терроризма, часто ассоциируемые с их территорией;

2. географическая и историко-культурная близость России и Китая, риск поглощения одной из этих стран;

3. военно-технические и финансовые ресурсы США и ЕС, их глобальные интересы, иногда несовместимые с интересами близких региональных партнеров Центральной Азии.

Тем не менее, региональные предпочтения и геополитический выбор самого региона Центральной Азии влияют на консолидацию геополитического статуса той или иной региональной державы и, соответственно, определяют новый баланс сил и международный порядок.

В монографии анализируются основные подходы центральноазиатских государств к обеспечению экономической и политической безопасности в сложной глобальной среде со множеством конфликтных зон, угроз и вызовов. Проблема ирано-американских отношений достаточно подробно изучалась на Западе и в самом Иране. Впервые, однако, тема исследована в рамках столь продолжительного временного ракурса — 25 лет: с начала 90-х годов до завершения срока правления администрации Барака Обамы в январе 2017 года. Впервые влияние ирано-американских отношений на Центральную Азию рассматривается в контексте геополитического и геоэкономического вовлечения ключевых региональных игроков. Наряду с этим даны местные оценки процессов и тенденций в Центральной Азии.

Автор использовал фундаментальные работы, статьи, аналитические отчеты по геополитическим и геоэкономическим вопросам, современные официальные и неправительственные политико-законодательные документы и статистические данные, включая итоги опросов и данные международных организаций, экспертные и академические исследования, личные контакты с экспертами и дипломатами, материалы конференций и СМИ, и т.д.

Целью исследования является выбор подходящей модели международного развития для центральноазиатских государств в контексте усиления геополитической и геоэкономической конкуренции в регионе ЦА с существенной ролью в ней Исламской Республики Иран и Соединенных Штатов из тех, которые в наибольшей степени соответствуют установлению мира и стабильности в Центральной Азии. С этой целью анализируются геополитические тенденции во внешнеполитическом развитии центральноазиатского региона в условиях напряженных ирано-американских отношений; внешнеполитические процессы, в центре которых находится борьба

за геополитическое и геоэкономическое доминирование в Центральной Азии.

В качестве наиболее целесообразного избран междисциплинарный подход, сочетающий геополитический, системно-аналитический и стратегический методы, исторический, экономический и социологический подходы. Ключевым является системный анализ международных явлений и метод стратегического анализа.

Методо-теоретическая база исследования обусловлена, во-первых, интересами национальной и центральноазиатской безопасности. Не случайно, анализ официальных документов и концепций национальной безопасности центральноазиатских государств показывает общность глобальных вызовов и угроз региону ЦА, что позволяет утверждать о близости фундаментальных принципов, внешнеполитических целей и задач центральноазиатских государств⁴.

В первую очередь, это борьба с такими транснациональными угрозами и вызовами, как религиозный экстремизм, международный терроризм и сепаратизм, наркотрафик, торговля людьми, информационные атаки, распространение оружия массового поражения (ОМУ) и нелегальная миграция, и пр. Выходом из текущей внутренней и внешней нестабильности светские государства Центральной Азии видят в построении правовых демократических государств, продвижении политических и экономических реформ, интеграции в мировое сообщество, обеспечение адекватного баланса сил и интересов на международной арене.

Соответственно, в официальных политико-правовых документах центральноазиатских стран отчетливо прослеживается влияние либеральных и реалистических принципов организации внешней политики и стратегии. При всем этом доминирующими центральноазиатской внешней политики избраны принципы политического реализма. Так, в концептуально-правовых документах Республики Узбекистан (РУз) подчеркива-

⁴ «Внешняя политика Республики Узбекистан в документах» (Ташкент: 1992); Конституция Республики Таджикистан (в редакции от 22 июня 2003 г.) (Душанбе: 06.11.1994), <http://www.tajikistan.ru>; и др.

ется роль и значение государственного суверенитета, роль государства в качестве полноправного субъекта международных отношений, основополагающая роль национальных интересов и поддержания геополитического равновесия в регионе⁵.

Государствам Центральной Азии импонируют положения современных реалистов о неприменении в политике военной силы, идеи о регулировании отношениями ведущих держав, обеспечение легитимности и баланса сил формирующегося миропорядка, конструктивное партнерство США с другими державами. В то же время интересам региона ЦА созвучны идеи неолибералов о формировании дееспособной коллективной системы безопасности и всеобщего разоружения, демократизации общественной жизни, совершенствовании международного права, соблюдения международных норм и принципов внешней политики, усилении статуса ООН в международных делах и укреплении международных институтов.

Что касается методологии международных исследований, она исходит из заявленных принципов организации международного сотрудничества и, следовательно, опирается на совокупность неореалистических и неолиберальных подходов исследований. Однако в отличие от Запада, исследования международной жизни не были жестко привязаны к тем или иным методологическим рамкам, как в силу слабости развития самой политической науки в регионе, так и достаточно сильного влияния марксистских методов и идей в изучении общественных процессов. В целом, в странах ЦА стремятся сочетать наилучшие, проверенные временем достижения политической науки с местными приемами и способами анализа международных отношений, спецификой политической действительности.

В частности, для геополитических исследований в Узбекистане характерен анализ конкретного региона как единого политического пространства, что отвечает современным тенденциям развития геополитической науки. При этом наиболее оправданным считается применение системно-структурного подхода в исследовании международных отношений с опорой на неореалистические традиции.

⁵ Министерство иностранных дел Республики Узбекистан, <http://www.mfa.uz/ru/cooperation/policy/>

Другие методологические концепции, привлекаемые сегодня, в частности, из социологической и экономической науки, критической геополитики могут играть лишь вспомогательную роль. Они, на наш взгляд, могут раскрывать лишь отдельные, конкретные стороны взаимодействия государств на разных уровнях его развития. Важные, но не определяющие направленность политики.

Основным драйвером международных процессов остается стратегический интерес. Термин связан с политическим реализмом, так как отражает национальные интересы, определяющие безопасность, выживание и суверенитет государства как единой целостности. Стратегические интересы формируют основу направления и вектора внешней политики государства. Именно жизненно важные национальные интересы (ЖВНИ), в конечном счете, определяют политику государств, ради их реализации будут изыскиваться необходимые ресурсы и совершенствоваться тактика государств. Они непосредственно связаны с экономической и политической безопасностью государств. Реализация ЖВНИ открывает возможности решения:

1. на глобально-региональном уровне — приоритетных проблем безопасности, включая, прежде всего нерушимость границ и внутреннюю стабильность, экономическую выгоду, стимулирующую прогресс национальной экономики;

2. на региональном и локальном уровнях — других важных проблем, касающихся разработок и осуществления конкретных планов тех или иных проектов;

3. на государственном уровне — задач внутреннего реформирования и стабилизации обществ (совершенствование старых и создание новых институтов управления в сфере экономики и безопасности, т.п.).

Таким образом, определяющим фактором развития современных стран Центральной Азии является проблема региональной безопасности, что выдвигает на первый план метод стратегического анализа как наиболее адекватного данному исследованию. Метод стратегического анализа⁶ изучает жизненно важные национальные интересы ключевых междуна-

⁶ Положения о стратегическом методе приводятся здесь на основе учебных материалов покойного руководителя отдела геополитических исследований при Институте стратегических и межрегиональных исследований при Президенте РУз проф. Я.С. Уманского.

родных факторов, их взаимодействие или столкновение с интересами того или иного государства (региона). Совокупность методов и техники, использованной в процессе стратегического анализа, называется стратегическими методами. Стратегические методы формируют оценки, прогнозируют угрозы безопасности и осуществляют критический анализ формирующихся международных отношений на глобальном и региональном уровнях. Метод широко применяется в странах Центральной Азии и, в целом, СНГ при изучении внешней политики.

Таковы общие теоретические и методологические установки, которые приняты в качестве методологической основы данной монографии.

Исходя из этого, автор выдвигает следующие положения:

в перспективе не будет ни одной доминирующей в Центральной Азии модели развития. Причина — непреодолимые противоречия между ведущими региональными игроками и оппозицией. Наиболее вероятным видится слияние этих моделей в комплексную систему взаимодействующих государственных союзов.

Тем временем рост геоэкономических и геополитических угроз региону ЦА ведет к доминированию такой модели регионального развития, как китайская стратегия Одного Пояса и Одного Пути (ОПОП, ранее известная как Инициатива шелкового пути). Спонсируемый Россией Евразийский экономический союз находится в данный момент в аморфном состоянии, но склонен к частичному слиянию с китайским проектом. В будущем, однако, имеет все шансы развиваться в качестве отдельной реформированной и расширенной организации. Реализация американо-спонсируемого Нового шелкового пути (НШП)⁷ на деле ограничена только региональным военно-политическим сотрудничеством.

Факторами потенциального слияния в будущем этих моделей служат 1. региональная оппозиция доминированию какой-либо из этих моделей; 2. отсутствие единого лидера; и 3.

⁷ Далее в тексте: «Новый шелковый путь» или НШП, «Один пояс и Один Путь» или ОПОП, «Евразийский экономический союз» или «Евразийский союз».

принципы регионализма, что может обеспечить определенный баланс сил и интересов.

Объем изучаемых проблем и необходимость в их более подробной аргументации не позволяют представить данную монографию в краткой справочной форме. Более того, объективный подход требует изучения процессов на протяжении длительного исторического периода. С этой целью геополитические тенденции показаны в их динамике на протяжении 25 лет, особенно после 2006 года. Период с 1990 до 2006 года, раскрывающий общие предпосылки и региональные тенденции, завершается андиганскими событиями и началом нового этапа «холодной войны»; а период с 2007 г. по январь 2017 года охватывает последние годы правления администрации Буша, политику администрации Обамы и завершается приходом к власти в США администрации Дональда Трампа.

В первой главе раскрывается историко-политический контекст, на фоне которого развивались международные тенденции: эволюция центральноазиатской политики глобальной державы до 2011 года и подходы Ирана к современным геополитическим проектам развития. Во второй главе — анализируется центральноазиатская политика других региональных акторов через призму ирано-американских отношений. В третьей главе исследуются геоэкономические аспекты геополитических процессов в Центральной Азии — политика энергетических и транспортных коридоров и предварительные итоги геополитических тенденций для центральноазиатских государств. В заключение даны возможные рекомендации.

Надеемся, что монография будет полезной для широкого круга читателей, включая не только практиков и теоретиков в области международной политики, но и другие заинтересованные лица.

I. ПОЛИТИКА США И ИРАНА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

1.1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В современной системе международных отношений, вопреки всем неудачам последних лет, традиционно лидируют Соединенные Штаты Америки. Без учета их глобальной политики невозможно понять внешнеполитическое развитие региона Центральной Азии.

Значение Центральной Азии в современных геополитических процессах определяется:

геостратегическим расположением на стыке всех действующих, возможных и планируемых транспортных и трубопроводных магистралей;

богатыми природными и людскими ресурсами;

территориально-географической, историко-культурной и демографической близостью к нестабильному исламскому миру;

концентрацией в регионе большинства глобальных вызовов и угроз миру (территориальных, этно-национальных, религиозных, экологических и др.).

В этих условиях обеспечение устойчивого демократического развития региона ЦА, международный доступ к его природным ресурсам и интеграция центральноазиатского региона в глобальное экономическое пространство отвечает интересам стабильности и развития всей системы международных отношений, формированию в нем благоприятного для всех региональных акторов политического равновесия. Реализация этих задач во многом повлияет на расширение и упрочение глобального лидерства США в новом миропорядке, что в совокупности и определяет роль и значение Центральной Азии для Соединенных Штатов.

Данные императивы в политике США по Центральной Азии не изменялись в течение всего постбиполярного развития Центральной Азии. Однако отсутствие четкой стратегической концепции, путей и методов реализации планов ведущей державы в этом регионе, неоднородность и противоречивость вовлеченных в данный процесс геополитических и геоэкономических интересов как в самих США, так и за их пределами, отразились в чрезмерном затягивании стабилизации в Центральной Азии и в импульсивной реактивной стратегии США.

В этой связи уместно коротко проанализировать эволюцию основных тенденций и механизмов реализации стратегии США в Центральной Азии с 1991 по 2011 гг.⁸ для определения наиболее важных факторов воздействия политики США в Центральной Азии. Анализ данного периода позволяет понять первые концепции региональной политики США, подъемы и спады и восстановление стереотипов мышления периода «холодной войны» вокруг региона в годы администрации Обамы.

Формирование основ центральноазиатской стратегии США, начало геоэкономических и геополитических разногласий

1991—1993 гг. Распад Советского Союза и образование новых независимых государств означало для США начало новой эры, символизирующей победу западных идеалов и ценностей демократии⁹. Предполагалось, что в новом миропорядке гегмоном и эталоном западных ценностей будут отныне выступать Соединенные Штаты. Другой концептуальной основой стратегии США в Центральной Азии служит также теория демократического мира, исходящая из той предпосылки, что демократические государства обычно не склонны воевать друг с другом¹⁰.

⁸ Тенденции в центральноазиатской геополитике и подходы США к центральноазиатскому региону в период с 1991-2006 гг. обобщены в данной главе на основе монографии: Г. Юлдашева, *Ирано-американские отношения на современном этапе и их воздействие на геополитическую ситуацию в Центральной Азии* (Ташкент: Фан, 2006).

⁹ Francis Fukuyama, *The End of History and the Last Man* (Free Press, 1992).

¹⁰ Ray James Lee, *Democracy and International Conflict*, (University of South Carolina Press, 1995).

Тем временем для США важно обрести в Евразии таких «стратегически совместимых партнеров», которые при американском патронаже и руководстве «могли бы помочь оформить кооперативную трансевразийскую систему безопасности»¹¹. Таким «стратегически совместимым партнером» в силу своего геостратегического расположения могла бы стать постсоветская Центральная Азия.

Однако мало кто на Западе, за исключением специалистов-советологов, реально понимал, что собой представляет данный регион. Поэтому в первые годы после распада Союза наблюдалось выжидание и отслеживание событий, более тщательное изучение региона ЦА и определение концептуальных основ региональной политики. К числу значимых событий данного периода можно отнести лишь начало процесса ядерного разоружения Казахстана, что уже символизирует собой шаг в сторону стабилизации региона.

1994—1997 гг. К данному периоду в Вашингтоне складывалось более или менее адекватное понимание специфики региона и его геополитического окружения. Формировались основы долгосрочной стратегии США в Центральной Азии, в которой не произошло значительных перемен до сегодняшнего дня.

Существенную роль в формировании американской стратегии в Центральной Азии играло открытие к середине 1990-х годов богатейших залежей энергоресурсов на территории постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа¹², что выдвинуло экономический фактор на передний план. В условиях ирано-американской конфронтации и нестабильности на Ближнем Востоке энергоресурсы Каспия отныне призваны снизить зависимость США от ближневосточной нефти. Объединение в перспективе двух нефтеносных зон — Центральной Азии и Ближнего Востока приобретает для США как геополитические (в плане обеспечения в формирующемся новом миропорядке лидерства США), так и геэкономические интересы.

¹¹ Zbigniew Brzezinski, *The Grand Chessboard. American Primacy and its Geostrategic Imperatives*, (New York: Basic Books, 1997), 194 — 195.

¹² Именуемых с этого времени «зоной Каспия» или «Прикаспийским регионом».

Одна из важнейших составляющих данной стратегии — недопущение стран ЦА в сферу орбиты таких фундаментальных режимов, как Исламская Республика Иран, тем более, что большинство возможных в будущем евразийских транспортных и трубопроводных путей из региона ЦА могут в потенциале проходить через территорию ИРИ. Доминирование в Центральной Азии в этих условиях означает для США, помимо прочего, доступ к контролю над энергоресурсами и транспортными коридорами Ближнего Востока, Кавказа и Центральной Азии одновременно.

В связи с этим Запад выдвигает свой план прокладки транспортно-трубопроводных магистралей с участием центральноазиатских государств, что позволит в будущем соединить эти государства в расширенное евро-атлантическое сообщество. Данная задача, по мнению американского истеблишмента, во многом зависит от успеха политической и экономической модернизации государств центральноазиатского региона, что явится стимулом аналогичных процессов в странах, расположенных на Великом Шелковом пути. Основные идеи американской политики в Центральной Азии были изложены в октябре 1997 г. в «Стратегии Шелкового пути», выдвинутой сенатором Сэмом Браунбеком.

В качестве барьеров, однако, при реализации стратегии США в Центральной Азии выступают российские и иранские маршруты трубопроводов, в связи с чем в Америке выдвинули турецкий путь — трубопровод Баку — Тбилиси — Джейхан (БТЖ). По мнению Вашингтона, именно Турция может и должна служить «воротами» для выхода каспийской нефти на западные рынки и стать моделью светского пути развития для новых государств ЦА. Однако всемерное продвижение Вашингтоном стратегически значимого для США проекта БТЖ привело на деле к развертыванию в 90-х годах XX в. настоящей геоэкономической войны в регионе ЦА за доступ к энергоресурсам Каспия. Менее значимый в то время маршрут через территорию Афганистана не реализовался ввиду внутренней нестабильности страны.

В результате первоначальный курс администрации Билла Клинтона на стратегическое партнерство с Россией¹³ постепенно сменился стремлением ограничить сферу традиционного влияния РФ в странах ЦА. Серьезные перемены претерпели и американо-китайские отношения. Постепенно усиливающий в Центральной Азии свое экономическое присутствие Китай все больше рассматривался в Америке как главный кандидат на роль основного геополитического противника США.

С другой стороны, итоги войны в Югославии обострили разногласия США с их традиционными западно-европейскими союзниками, что осложнилось столкновением экономических интересов США и ЕС в нефтегазовой сфере и ростом соответственных различий в региональных геополитических подходах. Европейские партнеры выступили за поддержку иранских реформаторов и «конструктивный диалог» с Ираном¹⁴.

К специфике отношений США с центральноазиатскими государствами в этот период относится особое внимание Вашингтона на крупнейшее энергодобывающее государство Центральной Азии — Казахстан. Во внешнеполитической сфере поддержку США оказал Узбекистан как страна, в наибольшей степени подверженная угрозе исламского фундаментализма.

В целом республики Центральной Азии проявляют существенный интерес к развитию полномасштабных взаимоотношений с глобальной державой, учитывая ее экономический и военно-политический потенциал, поддержку в вопросах обеспечения региональной безопасности. Особое значение при этом для географически замкнутых стран региона имеет перспектива доступа к мировым рынкам на основе реализации всевозможных транспортно-энергетических проектов. В этой связи период с середины 90-х годов XX в. до андижанских событий 2005 г. был отмечен расширением контактов государств Центральной Азии с США в военной, политико-дипломатической, образовательной, научной, культурно-просветительской сферах, а также в области разработок энергопроектов.

¹³ Далее «Россия» или «РФ» (Российская Федерация).

¹⁴ Charles Lane, «Changing Iran. Germany's New Ostpolitik», *Foreign Affairs*, vol. 74, no. 6, November/December (1995): 77–89.

Усиление разногласий

1998—2000 гг. С приходом к власти в Иране умеренного реформатора Мохаммада Хатами и выдвиганием в 2001 г. его идеи «диалога цивилизаций» углубляются наметившиеся ранее геополитические и геоэкономические разногласия между США и их европейскими партнерами. Все большее количество стран, в том числе РФ, КНР и государства Центральной Азии, выступают сторонниками европейского подхода «конструктивного диалога» с Ираном.

Среди государств ЦА также возникает недовольство политикой противодействия США проектам с участием Ирана. В то же время в отношениях Ташкента и Ирана временами происходят перемены, как в связи с осторожной и гибкой тактикой Тегерана в отношении к Центральной Азии, так и с появлением надежд на укрепление провестернизированного курса Хатами и нормализацию ирано-американских отношений. Немаловажную роль начинает играть факт недостаточного, по мнению Узбекистана, внимания со стороны США к региональным проблемам безопасности, в частности, к все возрастающей нестабильности в Афганистане. Внимание к Таджикистану ограничено лишь включением его в январе 1994 г. в список стран иранского доминирования и возможного распространения исламского фундаментализма и терроризма.

2001—2005 гг. После событий в США 11 сентября 2001 г. существенно ускорилось вовлечение США в региональные процессы Центральной Азии, стабильность которой тесно увязывается теперь с существующими демократическими и социально-экономическими проблемами развития региона, с вопросами безопасности самих Соединенных Штатов. В этой связи также политическое переустройство Афганистана, завершение модернизации и вхождение в мировое сообщество стран ЦА увязываются в США с формированием нового американоцентричного мирового порядка¹⁵. В итоге

¹⁵ Находит свое отражение в соответствующих геополитических доктринах типа «Большой Ближний Восток», а позже в ее логическом продолжении — проекте «Большая Центральная Азия», где регион ЦА и Ближнего Востока объединяются в одну единую экспериментальную геоэкономическую зону. Что не находит должной поддержки в странах Центральной Азии с разнонаправленными политическими предпочтениями и интересами, и неодинаковым уровнем развития.

пересмотра в 2002 г. внешнеполитической доктрины США в регионе ЦА были приняты два документа, определяющих отныне стратегию США в отношении Центральной Азии:

1) «Акт в поддержку свободы в Афганистане», в котором становление демократии и гражданского общества предусматривается не только в Афганистане, но и во всей Центральной Азии;

2) Новая стратегия национальной безопасности, подтверждающая геополитические интересы США в Каспийском и Центральноазиатском регионах, а также готовность Вашингтона отстаивать эти интересы.

Активному вовлечению США в регион ЦА способствовали стратегические действия администрации Буша:

- опора на новые доктрины превентивных «односторонних действий» и ставка на «ad hoc коалиции доброй воли» при решении глобальных проблем безопасности;

- санкции против важного с геоэкономической точки зрения регионального соседа центральноазиатских государств — Ирана, включенного с 2002 г. в список стран — «осей зла»;

- оказание политического и экономического давления на центральноазиатские государства по вопросам гуманитарных прав и демократии;

- опора на Казахстан в качестве ключевого каспийского и влиятельного нефтегазового игрока в международной энергетической сфере, чье подключение к энергопроекту БТЖ имеет решающее значение в продвижении американских планов в Центральной Азии.

Односторонние действия и неэффективные в условиях глобализации экономические санкции существенно осложнили отношения США со многими региональными акторами в Центральной Азии, включая таких традиционных союзников, как ЕС и Турция. Ситуацию усугубляло также военно-техническое вовлечение США в зону милитаризованного в результате ожесточенных территориальных диспутов Каспия.

Реализация жизненно важных в Центральной Азии энерготранспортных проектов в условиях продолжения ирано-американской конфронтации, действия антииранских санкций и отсутствия достаточной экономической поддержки была фак-

тически приостановлена. Продолжение западного экономического давления на Центральную Азию и антииранская стратегия США, исключая участие Тегерана в энерготранспортных и иных проектах, на деле создали лишь почву для социально-экономической и политической нестабильности в регионе ЦА.

Недостаточность финансовой поддержки и инвестиций в экономику центральноазиатских государств в сочетании с давлением по вопросам гуманитарного развития и демократизации, усилением геополитических разногласий во взаимоотношениях с традиционными союзниками в итоге привели к дистанцированию региона ЦА от США и его ориентации на Китай, Россию и Иран.

Логическим завершением данных тенденций явилось закрытие американской авиабазы в Ханабаде (Узбекистан) и консолидация евроазиатских стран-партнеров в рамках ШОС и ЕврАзЭС¹⁶.

Переосмысление Вашингтоном центральноазиатских реалий вызвало сомнения в приоритетности Центральной Азии для интересов США¹⁷. В конечном итоге, однако, Вашингтон решает не отступать и признает, что в Центральной Азии у Соединенных Штатов три основных стратегических интереса — энергоресурсы, безопасность и расширение свободы путем реформ¹⁸. С целью позитивных изменений в сложившей-

¹⁶ Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), включавшее ряд республик бывшего СССР и функционировавшее в период 2001—2014 гг. С 1 января 2015 года переименовано в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) — экономический союз, созданный в рамках евразийской интеграции на базе Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии. Ныне государствами-членами Евразийского экономического союза являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация. При описании периода до 2015 г. использован термин «Евразийское экономическое сообщество».

¹⁷ Мерри Уэйн Е. (Merri Wane E.), «В Центральной Азии идет не такая уж большая игра», *Analytic*, Аналитическое обозрение, № 3 (Астана, 2001): 31, 33.

¹⁸ «Честные выборы могут сделать Казахстан «лидером в Центральной Азии», 21 ноября 2005 г., www.usinfo.state.gov/russian.

ся ситуации Запад во главе с США стремился усилить «точки опоры» и поддержал в 2009 г. заявку Казахстана на должность председателя ОБСЕ.

2006—2008 гг. В данный период неудачи американской стратегии в Центральной Азии дополнились неэффективностью всей ближневосточной и афганской политики Джордж Буша. Так, по данным социологических опросов¹⁹, 79% (по сравнению с 72% в 2005 г.) американских респондентов к «чрезвычайно важной» угрозе национальной безопасности отнесли международный терроризм. Другой, не менее опасной угрозой считали исламский фундаментализм — 58% (45% — в 2005 г.), источником которого являлся в том числе Иран.

В развернувшемся кризисе вокруг ядерной программы Ирана США отработывали вариант создания антииранской коалиции из числа своих традиционных партнеров и союзников. В связи с этим Вашингтон стремился ликвидировать разногласия с ЕС и вывести свои отношения с Анкарой на более высокий уровень стратегического партнерства. В этих условиях администрация Буша делает неоднозначные шаги по сближению с Москвой. Признавался тот факт, что выстраивание конструктивного партнерства с Россией способно пресечь формирование любой многополярной антиамериканской коалиции и стать противовесом растущей мощи Китая. Вашингтон пытался заручиться поддержкой России в своей ближневосточной стратегии, в процессе мирной реконструкции Афганистана и в ликвидации других потенциальных очагов нестабильности в регионе ЦА. Одновременно, однако, были продолжены официальные заявления о приоритетности для США экспорта нефти и газа из Казахстана в обход России и Ирана, и предпринималась попытка переориентировать регион на Южную Азию через создание новой электросети, связывающей Центральную и Южную Азию. Эта идея нашла отражение в реорганизации Госдепартамента США, в котором создано Бюро по делам Южной и Центральной Азии.

¹⁹ «Polls: Americans, Europeans Share Increased Fears of Terrorism, Islamic Fundamentalism», Washington, D.C., & Brussels: Transatlantic Trends. September 06, 2006, www.transatlantictrends.org.

Параллельно активизировалась деятельность американской дипломатии в Центральной Азии. Астане обещали дополнительные инвестиции в энергетический сектор, в том числе и в «диверсификацию» нефтяных и газовых экспортных маршрутов. Итогом данных усилий США стало подписание в июле 2006 г. соглашения между Азербайджаном и Казахстаном о транспортировке углеводородов из Казахстана через Каспийское море и далее по трубопроводу Баку-Тбилиси-Джейхан. Вместе с тем в Вашингтоне все более осознавали неэффективность и невозможность для США вести антитеррористическую войну без активного участия в ней Узбекистана. Хрупкость и нестабильность региона подвергало риску и дестабилизировало стратегическое партнерство США со странами ЦА, и препятствовало военно-политическому присутствию США в регионе. Совокупность вышеобозначенных тенденций сохраняла конфликтный потенциал и нестабильность в регионе ЦА на прежнем уровне.

2009—2011 гг. С приходом в 2009 г. к власти Барака Обамы американская политика в Центральной Азии существенно изменилась в части выбора средств и рычагов воздействия на регион, оставаясь при этом неизменной в вопросах продвижения приоритетных целей и задач США. В частности, тактика односторонних действий уступила акценту на восстановление и укрепление союзнических отношений, расширение стратегического партнерства и диалога с исламским миром, включая Иран. В интересах реализации стратегических целей в Центральной Азии администрация Обамы отдавала предпочтение более осторожным, сдержанным подходам в оценке проблем в области гуманитарных прав и демократии в регионе.

В соответствии с этим, а также в поисках противовеса возрастающей мощи Китая, Вашингтон объявил о «стратегической перезагрузке» отношений с Россией. С 2009 г. администрация Обамы запустила специальный механизм по расширению сотрудничества со странами Центральной Азии, где в ходе консультаций обсуждались вопросы развития торговли, прав человека, демократических реформ, оборонного сотрудничества и проблемы региональной безопасности, включая Афганистан.

Вместе с тем сохранение внутри США довольно сильной консервативной оппозиции новой администрации и неоднозначная ситуация в мире не дала ожидаемых результатов. Заявления Вашингтона носили больше декларативный расплывчатый характер, не преобразуясь в четкую действенную стратегию в отношении Центральной Азии.

В условиях очередного витка нестабильности в Афганистане и Пакистане, вокруг иранской ядерной программы, дестабилизации Кыргызстана и Таджикистана Узбекистан выдвинул инициативу создания контактной группы «6+3» с участием России, Китая и Ирана. Однако данная идея вследствие разногласий между США, Россией и Китаем осталась в тот период практически нереализованной.

Взамен Вашингтон предложил преобразование северного транзитного маршрута (или «Северная распределительная сеть») по поставкам военных грузов в Афганистан в разновидность современного Шелкового пути. В подкрепление этой идеи в 2011 г. США выдвинул проект «Новый шелковый путь»²⁰, на деле явившийся логическим продолжением прежней американско-спонсируемой концепции «Большая Центральная Азия».

Успех стратегии, по замыслам ее авторов, всецело зависел от реализации транспортно-транзитных маршрутов в Центральной Азии, объединяющих регион с Южной и Юго-Восточной Азией и далее с Европой. В идеале реализация подобного проекта содействовала бы стабилизации и экономическому возрождению всего центральноазиатского региона, превратив его в перспективе в центральный перекресток торговых маршрутов в Азии.

Соответственно, в США была провозглашена «жизненно важная роль» Центральной Азии в осуществлении долгосрочных планов Вашингтона по возрождению Великого Шелкового пути. Инструментами реализации данного плана выступили

²⁰ U.S. Department of State, Travel Diary: «India and the United States — A Vision for the 21st Century», DipNote, July 20, 2011. In: «Congressional Research Service»; «Стратегия нового Шелкового пути: проблемы и перспективы, интервью с проф. Фредериком Старром», 21 ноября 2011 г., <http://www.12.uz>, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1321863540>.

ТАПИ (см. Приложение 1) — активно продвигаемый Ашхабадом трансафганский энергопроект с участием Туркменистана, Афганистана, Пакистана и Индии, а также Северная распределительная сеть снабжения военных поставок в Афганистан, основную роль в которой играли Россия и Узбекистан. «Национальная военная стратегия» Барака Обамы предусматривала создание новых военных баз в Афганистане и на сопредельных с ним территориях. Прогнозируя конфликтный потенциал региона, США планировали для себя роль гаранта региональной безопасности и расширение военно-политического присутствия в Центральной Азии.

Соответственно, возрастало значение Узбекистана в американской политике, ключевой страны с точки зрения обеспечения региональной безопасности, военной инфраструктуры и геостратегического расположения на стыке всех возможных и действующих транспортно-коммуникационных и энергетических артерий в Центральной Азии. Одновременно Вашингтон продолжал поддерживать нефтегазовые Казахстан и Туркменистан, поощрял парламентскую демократию в Кыргызстане²¹ и вовлекал в осуществление региональных планов Таджикистан.

В этом плане Вашингтон²² рассчитывал, прежде всего, на те возможности (научно-технические, экономические, военно-политические и др.), которые только США могут предложить странам Центральной Азии. Список близких партнеров по-прежнему исключал Россию и Китай. Неоспоримым преимуществом Соединенных Штатов являются их военно-политические, экономические и научно-образовательные ресурсы, что при рациональном их использовании в международной политике способно содействовать укреплению стабильности и развития в Центральной Азии.

Приоритеты США в то время в регионе ЦА были обозначены бывшим заместителем госсекретаря по делам

²¹ «Брифинг помощника госсекретаря для журналистов в Кыргызстане», Кабар, март 2011г.. <http://www.kabar.kg/rus/analytcs/full/19023>.

²² Evan Feigenbaum, «Seven Critical Guidelines for U.S. Foreign Policy in Central Asia», *Council on Foreign Relations*, February 23, 2011, <http://www.businessinsider.com/seven-guidelines-for-us-central-asia-policy>.

Южной и Центральной Азии Робертом Блейком²³ и содержали следующие пункты:

- поддержка международных усилий в Афганистане,
- создание стратегического партнерства с Индией,
- налаживание более прочных и стабильных отношений с центральноазиатскими государствами.

Возросшая активность США в центральноазиатском направлении вели к росту международной напряженности и возрождению стереотипов мышления периода «холодной войны», о чем свидетельствовали неоднозначные отношения США с Россией и Китаем.

Действительно, с одной стороны, налицо явные признаки сближения США, ЕС и России. В стратегической концепции Североатлантического альянса от 2010 года подчеркивалось²⁴, что НАТО более не является угрозой для России. По мнению экспертов, новая стратегия НАТО должна послужить рамками для формирования глобальной антикитайской коалиции. Без России, признавали в США, практически невозможно решить афганскую проблему, вести борьбу с наркобизнесом и стабилизировать обстановку в Кыргызстане. Не случайно вице-президент Байден²⁵ призывал выйти за рамки так называемой «Большой игры» и «сфер влияния».

С другой стороны, часть экспертов²⁶ была справедливо озабочена тем, что закрепление США в Каспийском бассейне чревато сцепкой «санитарного кордона» — Прибалтика-Укра-

²³ Rick Rozoff, «Washington Intensifies Push into Central Asia», *Global Research*, January 30, 2011, <http://www.globalresearch.ca/war-without-borders-washington-intensifies-push-into-central-asia/23012>.

²⁴ Шамиль Султанов, «Война против Евразии. Размышления о новой стратегической концепции североатлантического альянса», *Россия-Исламский мир*, № 49, 08 декабря 2010 г., *Завтра*, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1292015400>.

²⁵ «Выступление вице-президента Байдена в МГУ 15 марта 2011 года», Белый Дом, Офис вице-президента, 10 марта 2011 г., <http://www.america.gov/st/eur-russian/2011/March/20110315105450x0.7276226.html>.

²⁶ Виктор Якубян, «Как долго Москва будет терпеть антироссийскую активность Бердимухамедова и Алиева», *ИА Регнум*, 19 января 2011 г., <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1295472840>.

ина-Закавказье со Средней Азией, то есть изоляцией России по всему южному периметру ее границ. В этой связи считали, что Соединенные Штаты и НАТО стремятся постепенно подменить ШОС «северной сетью снабжения» в качестве движущей силы экономической и военно-политической интеграции центральноазиатских государств.

В Вашингтоне, однако, настойчиво подчеркивали²⁷: «С 2014 года вопросы безопасности в стране будут решать афганские войска». При этом бывший спецпредставитель США по вопросам энергетики Евразии Ричард Морнингстар²⁸ заявлял, что главное — достижение энергоэффективности, в связи с чем Вашингтон поддерживал не только Nabucco, а весь Южный энергетический коридор — целый набор газопроводов, которые должны будут доставлять кавказский и центральноазиатский газ через Турцию в Европу. В этом плане не было исключено взаимодействие, как с Россией, так и с Ираном в случае урегулирования его ядерной проблемы.

Таким образом, несмотря на все неудачи и временные колебания, основные ориентиры долговременной американской стратегии по Центральной Азии существенным образом не изменились. Однако к концу первого десятилетия XXI века инструменты ее реализации претерпели значительную трансформацию.

1.2. ИРАНСКИЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Помимо США, ключевую роль во всех геополитических процессах вокруг региона Центральной Азии играет Иран. От урегулирования в том или ином формате современных американо-иранских разногласий во многом зависит формирование эффективной системы региональных экономических взаимосвязей, что может обеспечить решение приоритетной зада-

²⁷ «Американская сторона поддерживает решение Туркмении поставлять свой газ Набукко», *ИА Регнум*, 18 февраля 2011 г., <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1298009400>.

²⁸ «Мы поддерживаем не только Набукко», *Коммерсант.ру*, 09 декабря 2010 г.

чи развития стран ЦА — выход национальной продукции на мировой рынок и интеграцию в мировое экономическое пространство.

Иран также может играть серьезную роль в обеспечении стабильности и безопасности в странах ЦА, включая в целом страны СНГ и Россию с доминированием в ней мусульманского населения. Подобная роль Тегерана обусловлена, прежде всего, исторически — отсутствием во взаимоотношениях Ирана с данным регионом каких-либо крупных шиито-суннитских противоречий. Большинство этих народов на разных этапах истории вполне мирно сосуществовали в рамках тех или иных государственных образований. Более важным как в прошлом, так и настоящем является их общая культурно-цивилизационная принадлежность к исламскому миру. В настоящее время Исламская Республика привлекательна и тем, что представляет для постсоветских мусульман образец относительно просвещенной исламской демократии, успешно сочетающей достижения Запада и исламского Востока, о чем свидетельствует как уровень политической культуры иранского населения, так и довольно сильное влияние в стране прозападной элиты и молодежи. Особую роль играет и лидирующее влияние Ирана в исламском мире (в ОИК, напр.). С экономической точки зрения Иран предоставляет возможность участия во взаимовыгодных энергетических и транспортно-транзитных проектах, успешного реинтегрирования региона вдоль маршрутов Шелкового Пути. С военно-политической точки зрения — оказывать существенную помощь в подавлении различных террористических атак и радикальных движений, например, помощь Тегерана Ираку и Афганистану.

Так как Центральная Азия входит в сферу жизненно важной зоны экономических интересов ИРИ²⁹, с иранской точки зрения, она традиционно является очень выгодным рынком для Ирана. Активное сотрудничество с центральноазиатскими странами позволит укрепить региональный статус, престиж и роль Ирана в мусульманском мире, что особенно важно в

²⁹ Мохаммад Хатами, *Ислам, диалог и гражданское общество* (Москва: ROSSPAN, 2001), 46.

свете нынешнего ирано-саудовского конфликта; ослабить международную изоляцию региона и реинтегрировать его вдоль общей ближневосточно–центральноазиатской исторической линии. Наряду с этим Тегеран заинтересован в мире и стабильности у своих границ, что неразрывно связано с афганским фактором в силу географической, историко-культурной и этнической близости Афганистана. Отсюда кровная заинтересованность Ирана в активном участии в любом геополитическом проекте, охватывающем регион ЦА.

В этой связи интересна позиция Ирана к выдвигаемым в последние годы геополитическим проектам переустройства Центральной Азии.

Иран и стратегия «Новый шелковый путь»

Особый интерес в связи с разгоревшимися дискуссиями вокруг будущего центральноазиатского региона имеет позиция Ирана, прежде всего по концепции «Нового шелкового пути». Можно предположить, что в принципе при условии соблюдения кровных интересов Ирана подобная инициатива не противоречила бы интересам Тегерана.

Однако сомнения, существующие в большинстве стран СНГ и на Западе, в отношении реализации планов НШП, геополитическая напряженность в регионе и антииранские санкции США вкупе с международной изоляцией и давлением на Тегеран препятствуют активному вовлечению в регион Ирана. В этих условиях Иран вынужден искать альтернативные варианты регионального сотрудничества, в потенциале способные заблокировать стратегию НШП.

Так, не ограничиваясь двусторонними, довольно близкими отношениями с Россией и Китаем, Тегеран стремился войти в ряды ШОС. Параллельно, Тегеран тесно сотрудничает с Дели, в том числе в рамках выгодного для Центральной Азии и Европы проекта ТРАСЕКА (транспортный коридор Европа — Кавказ — Азия) и реализации в Афганистане проекта Чабахор (см.п.3.2). Одновременно Тегеран стремится наладить взаимоотношения со странами Персидского Залива и Центральной Азии, в частности, ускоряет реализацию планируемого транспортного

коридора Узбекистан – Туркменистан – Иран – Оман, урегулировать экономическое партнерство с Катаром³⁰ и сохранить второе после Китая торговое партнерство с Арабскими Эмиратами³¹.

Стратегии «Нового шелкового пути» препятствуют также отсутствие каких-либо существенных подвижек в афгано-пакистанском конфликте и американо-европейские разногласия по Ирану. Некоторые представители ЕС выступили против поддержки антииранских санкций Конгресса США, который, по словам европейцев, «демонстрирует безразличие к интересам европейских и азиатских союзников», экономически пострадавших от введения санкций³².

Азиатский проект регионального сотрудничества

Американская инициатива регионального сотрудничества вызвала к жизни другую международную программу развития под названием «Сердце Азии» (Кабул, 14 июня 2012 г.), объединяющую все заинтересованные в афганском урегулировании азиатские государства, включая Россию, Китай и Индию. Являясь на деле логическим продолжением и развитием американской идеи Шелкового пути, данная стратегия делает акцент на независимый от США многосторонний, чисто региональный подход. Сотрудничество с Соединенными Штатами, по мнению организаторов проекта, имеет определенные рамки, достаточно четко изложенные в материалах Стамбульского саммита 2011 г.

³⁰ «Катар готов сотрудничать с Ираном в разработке месторождения «Южный Парс», *Iran.ru*, 25 декабря 2013 г., www.iran.ru/news/economics/91951/Katar_gotov_sotrudnichat_s_Iranom_v_razrabotke_mestorozhdeniya_Yuzhnyy_Pars.

³¹ «Iran's Non-Oil Foreign Trade Turnover Tops \$70», January 23, 2017, <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/57992/irans-non-oil-foreign-trade-turnover-tops-70b>.

³² Peter Jenkins, «Nuclear-Related Sanctions on Iran are no Longer Justified», *Payvand.com*, December 03, 2013, <http://www.payvand.com/news/>. <https://lobelog.com/nuclear-related-sanctions-on-iran-are-no-longer-justified/>.

Интересы общей безопасности, культурно-цивилизационная и религиозная близость со многими участниками проекта стимулируют довольно активное участие Ирана во всех мероприятиях данного форума. Вместе с тем, по мнению самих участников азиатского проекта, требуемый эффективный механизм взаимодействия между странами-участницами пока не разработан, процесс развивается с большими трудностями, что ведет к недопониманию в межгосударственных отношениях.

Кроме того, следует учесть, что большинство членов региональных объединений («Сердце Азии», Движение Неприсоединения и др.) — развивающиеся государства со своими внутренними проблемами, что предопределяет их ту или иную зависимость от США. При этом самый влиятельный актор Движения Неприсоединения — Индия является стратегическим партнером США. Следовательно, как подтверждает опыт, подобные региональные союзы вряд ли способны что-то реально противопоставить Вашингтону, о чем свидетельствует и опыт их исторического развития. В настоящее время они также не лишены межгосударственных разногласий (Иран — Саудовская Аравия, Индия — Пакистан, Пакистан — Афганистан и пр.), что крайне осложняет достижение компромисса между их членами.

По всей видимости, участие в таком региональном форуме может на данном этапе являться для Ирана и других государств лишь дискуссионной площадкой для обмена информацией, выработки общей позиции по отдельным вопросам регионального развития, консолидации связей и расширению круга региональных партнеров Ирана.

Китайская модель Шелкового пути

Территориальная близость и историко-культурные связи, динамично развивающаяся экономика и растущий в мире геополитический вес предопределяют активную роль и специальный статус Китая в геостратегии Ирана.

Иранское руководство видит в Китае не только великую державу, но и независимую, неприсоединившуюся, развивающуюся азиатскую страну, чья военно-политическая и экономи-

ческая поддержка имеет особое значение в период нынешней нестабильности на Ближнем Востоке, Центральной и Южной Азии, сложности ирано-американских отношений.

Поддержка Ираном китайской версии Шелкового пути — Инициативы «Одного Пояса и Одного Пути» (см. п.2.4), однако, не означает отказ Ирана от собственных экономических и политических интересов, которые в будущем могут не всегда совпадать с интересами Китая.

Общая оппозиция Ирана и Китая униполярной системе и долгосрочному присутствию США в регионе ЦА ориентирует эти страны в сторону России. Пекин и Тегеран отдают должное экономическому и военному потенциалу России, ее интересам в Центральной Азии, способности противостоять американскому присутствию в регионе. Иран, Россия и Китай заинтересованы в скорейшей стабилизации и мирной реконструкции Афганистана, выступают против односторонности в мировой политике, так называемых «двойных подходов» США и поддерживают ведущую роль ООН в новом миропорядке. Что, однако, не исключает их собственные геополитические цели в Центральной Азии (см., напр., п. 2.3 and 2.4). Но, по сравнению с неэффективной ближневосточной и афганской политикой США интересы России и Китая не создают непосредственной угрозы и вызова региону в области экономики и безопасности и, с экономической точки зрения, более плодотворны, что вполне объясняет участие Ирана, России и Китая в двусторонних и многосторонних военно-политических и экономических соглашениях по Центральной Азии, включая строительство коридора Север — Юг и возрождение Великого шелкового пути.

Евразийская модель

Географическое соседство и сложность ситуации в регионе ЦА и на Ближнем Востоке побуждают Иран сохранять и евразийский вектор партнерства, подразумевающий наряду с известной центральноазиатской ориентацией, прежде всего, более широкую интеграцию с Россией и Китаем.

Не случайно посол Ирана в России Мехди Санаи подчеркивает³³ заинтересованность Тегерана в формировании свободной экономической зоны со странами ЕАЭС, что позволит ИРИ установить более тесные экономические связи со странами-членами организации. В этом плане первостепенное значение для Ирана имеют отношения с Россией. Иран и Россия кровно заинтересованы в политической, экономической и социальной стабильности в центральноазиатском регионе, в противодействии распространения здесь радикального экстремизма. Обе стороны, в частности, понимают необходимость консолидации совместных усилий на Каспии для привлечения к сотрудничеству государств Центральной Азии — «такое сотрудничество нейтрализует вмешательство надрегиональных сил в этом регионе»³⁴. Их также сближает общность позиций по Афганистану, Сирии, невмешательство ИРИ во внутренние дела России (исламский фактор). В целом, как полагают в Тегеране³⁵, российские «отношения с Ираном играют ключевую роль в бассейне «Великого Среднего Востока», т.е. Персидского залива и Индийского океана. Иран может значительно влиять на обеспечение стабильности и безопасности в странах СНГ– южных соседей России» и в регионах РФ с мусульманским населением.

При том России крайне важно сохранять контроль над страной, расположенной в самом центре формирующейся евразийской сети транспортных и трубопроводных путей из Центральной Азии. При нынешнем раскладе геополитических сил в Центральной Азии потеря влияния России в Иране означала бы существенное ограничение ее присутствия в регионе ЦА и на Ближнем Востоке.

В то же время на данном этапе сотрудничество Ирана с ЕАЭС представляется проблематичным.

³³ «Iran Interested in Free Trade Zone with Eurasian Economic Union», *IRNA*, January 15, 2015, <http://www.irna.ir/en/News/81921505/>.

³⁴ «Сотрудничество России и Ирана «нейтрализует вмешательство надрегиональных сил в регионе», 22 июля 2003 г., <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1058887800>.

³⁵ Сагафи Амери Насер, «Политика безопасности России», *Аму-Дарья*, № 6, (Тегеран: Осень 2000), 17–18.

Во-первых, слабость и дефрагментированность самой организации, перспективы развития которой на ближайшее будущее неясны. Приоритет политического над экономическим в евразийской политике России и давление, оказываемое ею на другие государства-члены ЕАЭС, что признают уже и сами российские эксперты³⁶, ведут к тому, что Казахстан, крупнейший центральноазиатский актер, имеет свои внешнеполитические и экономические предпочтения, не всегда совпадающие с интересами Москвы. Два других влиятельных государства Центральной Азии — Узбекистан и Туркменистан не входят в организацию. Без участия всех центральноазиатских государств в ЕАЭС значение организации существенно снижается, что создает для Ирана определенные трудности согласования своей экономической политики в регионе ЦА.

Во-вторых, в силу потенциального российско-китайского соперничества и дефрагментированного состояния ЕАЭС говорить об эффективности и взаимодополнении проектов ЕАЭС и ШОС, ЕАЭС и проектов Шелкового пути Китая на нынешнем этапе их развития не приходится. Даже совокупный экономический потенциал членов ЕАЭС несопоставим с экономической мощью Китая, а потому ставит эти государства в финансовую и технологическую зависимость от Пекина. Такая ситуация не может не ограничить интерес Ирана к данной организации.

В-третьих, сомнительно, чтобы Тегеран поддерживал стремление России³⁷ стать одним из решающих центров в Евразии и контролировать доступ к энергоресурсам и транспортно-коммуникационным коридорам из Центральной Азии. Вполне понятно, что Иран имеет свои долгосрочные геополитические планы на Ближнем Востоке, не обязательно связанные с Москвой. Об этом можно судить по диверсификации внешнеполитических и экономических предпочтений Тегерана (ЕС, Турция и др.).

³⁶ Игорь Панкратенко, «Евразийский экономический союз: крах проекта?», 9 марта 2016 г., *Eurasiadiary.ru*, <http://eurasiadiary.ru/news/specialist-view/10929>.

³⁷ Евгений Примаков, «Мир без сверхдержав. Многополярный мир и шансы США», *Известия*, 22 августа 2003 г.

В четвертых, дружественные отношения Тегерана с Россией неоднозначны³⁸. Это партнерство было омрачено в недавнем прошлом поддержкой Москвы антииранских санкций и проблемами в военно-технической сфере. Поэтому многое в партнерстве Иран — ЕАЭС сегодня зависит также от уровня двусторонних отношений РФ и Ирана.

Наряду с этим есть ряд причин и в пользу формирования в долгосрочной перспективе общего экономического пространства Ирана с потенциально расширенным и реформированным составом ЕАЭС, включающим, возможно, в свой состав Узбекистан (на приемлемых условиях).

Во-первых, не стихающий кризис на Ближнем Востоке и неоднозначность ирано-американских отношений вынуждают иранское руководство быть более гибким в региональной политике и сохранять ирано-российский союз в интересах своей безопасности, в качестве возможного противодействия политике США. Эту роль способен в потенциале сыграть Евразийский экономический союз в случае активного вовлечения в него Ирана. В этой связи Тегеран заявляет о серьезности своих намерений на развитие отношений с Россией³⁹.

Во-вторых, чрезмерное усиление в Центральной Азии Китая также не отвечает интересам, как Ирана, так и самих центральноазиатских государств, тем более что в программном документе октября 2012 года содержится призыв китайских лидеров к «маршу на запад», то есть к Центральной Азии. Китайская торговля со странами Центральной Азии увеличилась с момента распада Советского Союза, достигнув 46 млрд. долларов⁴⁰. В этом плане партнерство Ирана с Россией

³⁸ Hossein Kebriaeezadeh, «Future Outlook of Military Cooperation Between Iran and Russia», *Iran Review*, March 05, 2016, <http://www.iranreview.org/content/Documents/Future-Outlook-of-Military-Cooperation-between-Iran-and-Russia.htm>.

³⁹ «Иран имеет серьезные намерения на развитие отношений с Россией. Посол Ирана в РФ Мехди Санаи», *Iran.ru*, 3 декабря 2013 г., www.iran.ru/news/politics/91602/Iran_imeet_sereznyie_namereniya_na_razvitie_otnosheniy_s_Rossiey_posol_Irana_v_RF_Mehdi_Sanai.

⁴⁰ Эмили Фенг (Emili Feng), «Марш на Запад: региональная интеграция в Центральной Азии», *Huffington Post*, 13 января 2014 г., www.huffingtonpost.com/china-hands/marching-west-regional-integration_b_4581020.html, *In-ozpress.kg*, 16 января 2014 г., www.centrasia.ru/newsA.php?st=1389873120.

вносит некоторый баланс в их тройственные взаимоотношения. В перспективе Иран, по всей видимости, намерен расширить и укрепить сферу своего влияния в зоне Ближнего Востока и, возможно, Евразийского экономического союза, где экономические интересы Пекина и Тегерана не всегда могут соответствовать друг другу.

Таким образом, Иран стремится заручиться свободой действий в зонах своего интереса, опираясь на систему сдержек и противовесов и активное сотрудничество с партнерами в рамках всех региональных формирований (ШОС, ЕАЭС, «Сердце Азии», Движение Неприсоединения, ОИК и др.). Отсюда некоторая противоречивость иранских действий.

Не исключено, что Иран надеется в перспективе войти в ШОС и способствовать взаимовыгодному партнерству Запада с евроазиатским регионом. При этом, учитывая твердые позиции иранских консерваторов, можно утверждать, что страна не откажется от основополагающего исламского курса развития.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ I

Основные ориентиры американской стратегии в Центральной Азии практически не изменились и в целом направлены на обеспечение энергетической и политической безопасности США, построение американоцентричного миропорядка, основанного на балансе сил и интересов ведущих держав мира. Однако США не имеют прежнего политического влияния и сами зависимы от региональных сил и действий своих союзников.

Роль Центральной Азии существенно возрастает в связи с перемещением центральноазиатского региона в эпицентр геополитической борьбы трех ведущих держав — США, Китая и России. Каждая из держав предлагает свои модели геополитического развития — американский НШП, китайский ОПОП и российский ЕАЭС.

Противоречивые подходы США, формируемые участием множества лоббирующих в Вашингтоне групп, осложняют многостороннее региональное партнерство. Отсюда

несоответствие декларируемых целей и реальной политики США.

Регион ЦА рассматривается в Тегеране через призму его экономической и политической безопасности в регионах ЦЮА и Ближнего Востока, обеспечения роли Ирана в качестве «ворот» в Центральную Азию и транзитного маршрута нефтегазовых трубопроводов и транспортных путей.

Ни один из выдвигаемых ныне проектов развития ЦЮА не может быть реализован без участия Ирана, в связи с чем мировые державы стремятся привлечь Иран на свою сторону. Иран способен содействовать или блокировать осуществление этих проектов с учетом его особого статуса в Центральной Азии и крупной шиитской диаспоры в Афганистане. Отсюда осторожная, двойственная политика Тегерана: с одной стороны, вовлечение в деятельность различных региональных структур; с другой, борьба за окончательное снятие санкций и нормализацию отношений с Западом.

II. ГЕОПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИРАНО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В данной главе политические процессы рассматриваются сквозь призму ирано-американских отношений в их эволюции и динамике: до 2006 года и, более подробно, с 2007 года до января 2017 года.

К началу второго десятилетия XXI века борьба за новый миропорядок и принципы разделения в нем интересов и сил ведущих держав, прежде всего США и России, вступает в новую фазу, обусловленную целой серией международных событий: ближневосточным и украинским кризисами, переговорами по ядерной проблеме Ирана, выводом войск из Афганистана и подъемом Китая. Особенностью нового этапа ожесточенной геополитической борьбы становится использование таких инструментов политики, как территориальные захваты и расширение сферы действия международных санкций. Борьба за иранские энергоресурсы ведет к углублению международного раскола и конечной реориентации центральноазиатских стран на китайские проекты Шелкового пути.

Основные центры региональной политики в Центральной Азии — Россия и Китай имеют прямые и непосредственные интересы в регионе, учитывая пограничное расположение с Центральной Азией, историко-культурные связи, региональный и глобальный политико-экономический статус. Отношения с Ираном этих акторов частично проанализированы в п. 1.2, ниже мы сконцентрируемся на их отношениях с США в изучаемый период.

2.1. ПОЛИТИКА США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИРАНУ (2007 — ЯНВАРЬ 2017)

В период с 2007 по январь 2017 гг. США продолжают придерживаться в своей центральноазиатской политике

основных положений «Акта в поддержку свободы в Афганистане» (2002 г.). Это очевидно из Акта подотчетности по Афганистану за 2015 год, в котором подчеркивается необходимость «поддержки афганских усилий при построении сильной региональной экономической взаимосвязи с соседними странами»⁴¹.

Наряду с известными положениями американской стратегии по Центральной Азии эксперты открыто подчеркивали, что «рыночные реформы в Центральной Азии служат национальным интересам Соединенных Штатов, позволяя открывать новые рынки для американских товаров и услуг, и являясь источником энергии и минералов»⁴². В этой связи Акт Конгресса США от 17 января 2014 года санкционировал (P.L. 113-76, Sec. 7044) выделение 150 миллионов долларов на программы развития в Южной и Центральной Азии (ЮЦА), связанные с программой преобразований в Афганистане⁴³. Кроме того, с сентября 2015 года в качестве целенаправленной стратегии и с учетом различий между светскими, более развитыми государствами Центральной Азии и исламским, разоренным войной, Афганистаном, Соединенные Штаты выдвинули механизм «С5+1» (государства ЦА и США).

Центральноазиатское партнёрство с США осуществлялось в основном на военно-политическом уровне и увязывалось с проблемой обеспечения безопасности Афганистана и региона ЦА. С этой целью в Ташкенте с 2013 года до осени 2016 года функционировало региональное представительство НАТО. Дополнительно, в августе 2015 г. Пентагон завершил безвозмездную поставку Министерству обороны Узбекистана 328 современных бронемашин, что стало крупнейшим актом военной помощи США центральноазиатским странам за всю историю. В феврале 2016 года Пентагон опубликовал программу партнерства по борьбе с терроризмом, предусматривающую выделение в 2016—2017 годах странам Центральной Азии

⁴¹ Afghanistan Accountability Act of 2015, passed Senate amended April 28, 2016, <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/senate-bill/1875>.

⁴² Jim Nichol, «Central Asia: Regional Developments and Implications for U.S. Interests», *Congressional Research Service*, March 21, 2014, <http://www.crs.gov>.

⁴³ Там же.

50 млн долл.⁴⁴. Всего за время независимости республики Центральной Азии получили около 8,8 млрд долларов помощи. Одновременно администрация Обамы планировала расширить сотрудничество с центральноазиатскими странами в сфере экономики, энергетики, экологии, образования и культуры⁴⁵.

В то же время США продолжили противодействовать доминированию Ирана и России в регионе. В этом смысле функционирование Северной распределительной сети на практике не трансформировалось в планируемую систему транспортно-транзитных путей, а только обострило существующие противоречия между региональными игроками. В частности, между Соединенными Штатами и Россией в связи с возрастающим влиянием в Центральной Азии Вашингтона и сохранению части американского контингента в Афганистане на неопределенный период.

С другой стороны, возрастала роль Ирана в вопросах интеграции регионов Центральной и Южной Азии, в перспективе — всего Ближнего Востока. Более того, иранская карта активно использовалась региональными акторами при решении своих геополитических вопросов (Россия, Китай, др.). Данный процесс, однако, был осложнен затяжным сирийским кризисом. Начавшись в 2011 году, он вовлек почти всех центральноазиатских акторов и сопровождался ирано-саудовской (шиа-суннитской) конфронтацией.

В совокупности эти дестабилизирующие факторы формировали благоприятную среду для роста вызовов и угроз в регионе ЦА (наркотрафик, ИГ, экстремизм, нелегальная миграция, т.п.). По этой причине темпы региональной экономической интеграции и, следовательно, процесса реализации евро-атлантической стратегии в Центральной Азии (Новый шелковый путь) замедлялись.

К этому времени в США доминировали два подхода к региону Центральной Азии: за окончательное свертывание американского присутствия в регионе и более активное

⁴⁴ Александр Вл. Шустов, «США расширяют военную помощь Средней Азии», 12 апреля 2016 г., <http://nationalsafety.ru/n153275>.

⁴⁵ «New U.S. Assistance Programs in Central Asia», Fact Sheet. Office of the Spokesperson, Washington, DC November 01, 2015, 5, <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/11/249051.htm>.

вовлечение США в центральноазиатский регион. Критики американской стратегии в Центральной Азии утверждали, что концепция Новый шелковый путь является не более, чем романтической иллюзией и не имеет ничего общего с реальной действительностью. Северный маршрут столкнулся с проблемами его коммерциализации.

Ожидалось, что значение Центральной Азии в качестве ворот в Афганистан будет снижаться в стратегических подходах США. При этом американские эксперты⁴⁶ исходили из причин внутреннего характера для региона ЦА. Регион останется вне сферы досягаемости американской дипломатии преобразований, поскольку имеет собственную внутреннюю и региональную динамику развития, собственное геополитическое окружение.

С нашей точки зрения, к началу 2016г. американская стратегия Нового шелкового пути фактически потеряла свое прежнее значение для региональной политики США. В условиях ближневосточных событий и нестабильности в Центральной и Южной Азии (в первую очередь, на территориях Афганистана и Пакистана), сопровождаемых геополитическим напряжением вокруг региона и роста радикализма в Центральной Азии, государства Центральной Азии сомневались в эффективности любых американско-спонсируемых проектов.

Отсутствие четкой и действенной концепции по Центральной Азии не снижали интереса ведущей державы к региону — ее развитие может иметь далеко идущие негативные последствия для США. Отсюда следовали рекомендации более внимательного учета интересов и проблем стран региона ЦА⁴⁷.

Даже пессимисты⁴⁸ были склонны считать, что в долгосрочной перспективе внутренние перемены в государствах Центральной Азии могут способствовать продвижению американских инициатив типа НШП. Тем временем они подчеркивали интерес США в

⁴⁶ Eugene Rumer, Richard Sokolsky and Paul Stronski, «U.S. Policy Toward Central Asia 3.0», *Carnegie Endowment*, January 25, 2016, <http://carnegieendowment.org/>.

⁴⁷ Stephen Blank, «AWOL: U.S. Policy in Central Asia», October 30, 2013, <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/12848-awol-us-policy-in-central-asia.html>.

⁴⁸ Eugene Rumer, Richard Sokolsky and Paul Stronski, «U.S. Policy Toward Central Asia 3.0».

- предотвращении распространения из региона оружия массового поражения;
- гарантировании того, чтобы Центральная Азия не стала прибежищем для радикальных исламских боевиков;
- формировании энергетического рынка, связывающего регион с Афганистаном, Европой, Южной и Восточной Азией;
- продвижении региональной интеграции в Центральной Азии.

Наиболее важной среди этих задач является нормализация отношений с соседним Ираном, что само по себе уже может существенно содействовать миру и безопасности в огромном регионе ЦЮА. С целью устранения препятствия на пути региональной стратегии США и ЕС организовали международные переговоры по иранской ядерной программе, являющейся камнем преткновения в развитии западного диалога с Тегераном. Несмотря на некоторые разногласия, США и Европа были едины в их общей оппозиции украинской политике Москвы и, позже, сирийским событиям, а также интенсификации террористических актов во всем мире.

В этой связи здесь анализируются следующие основные, с точки зрения автора, факторы: иранский, афганский, саудо-пакистанский и российский.

Иран

К началу второго десятилетия текущего века ирано-американские отношения во многом стали зависимы от ядерной программы Ирана. Вопрос о ее развитии, несомненно, один из основополагающих для иранского народа. Все группы и политические партии поддерживают внешнюю позицию страны в этом вопросе. Предполагаемое стратегическое значение для будущего успеха на международных переговорах по ядерной программе Ирана предопределило победу на президентских выборах в 2013 г. Хасана Рухани.

Как отмечалось в докладе МАГАТЭ по ядерной проблеме Ирана от 22 мая 2013⁴⁹, Иран продолжал

⁴⁹ Hassan Beheshtipour, «Analysis of Yukiya Amano's New Report on Iran's Nuclear Activities», *Iran Review*, May 27, 2013, www.iranreview.org.

а) устанавливать центрифуги второго поколения (IR-2m) на своем ядерном объекте в Натанзе (количество такой техники увеличивается со 180, указанных в предыдущем докладе, до 689 в нынешнем отчете);

б) конвертировать уран до 20% уровня;

в) развивать ядерное оборудование в Араке;

г) расширить запасы обогащенного до 5% урана.

Учитывая недостаточные технические возможности Ирана для создания атомной бомбы, большинство экспертов считало бесперспективными военные действия против Ирана. Война только подстегнет разработки ядерного оружия в Иране и может завершиться не в пользу Запада. В этой связи на Западе всерьез изучали возможность конструктивного диалога с Тегераном. Аналитики⁵⁰ Международной кризисной группы подчеркивали, что только переговоры, основанные на взаимных компромиссах, могут изменить нынешнюю ситуацию.

Для Ирана участие в переговорах по ядерной программе было необходимо для решения назревших проблем региональной (наркотики, беженцы, терроризм и пр.) и внутренней безопасности. К этому побуждало и состояние экономики: уровень инфляции с начала 2013 года достиг 42%, а темпы роста экономики сократились за этот же период на 5,4%⁵¹.

С учетом этих реалий 23 ноября 2013 г. представители Ирана и «шестерки» международных посредников в Женеве подписали промежуточное соглашение в виде «Совместного плана действий» (СПД), которое определяет как первоочередные, так и заключительные действия сторон по урегулированию иранской ядерной проблемы. 20 января 2014 г. СПД вступило в силу. В соответствии с ним Иран ограничивает часть своей ядерной программы, а Запад размораживает некоторые ее активы в своих банках и снимает с Тегерана ряд экономических санкций.

Вместе с тем США и его западные союзники продолжали обвинять Иран

- в поддержке терроризма;

⁵⁰ «In Heavy Waters: Iran's Nuclear Program, the Risk of War and Lessons from Turkey», *International Crisis Group*. Middle East and Europe Report, no.116, February 23, 2012, www.crisisgroup.org.

⁵¹ «Иран в уходящем 1392 году. Вопросы национальной безопасности», *Iran.ru*, 17 марта 2014 г., www.iran.ru.

- в нарушении гуманитарных прав;
- во вмешательстве в региональные дела (Сирия, Ливан, Газа, Ирак, Афганистан, Йемен, Бахрейн).

Для успокоения оппозиции администрация США обратила внимание на то, что ключевые антииранские санкции остаются на месте⁵². СПД — всего лишь первый шаг в направлении всеобъемлющего решения проблемы.

Переговорный процесс международного сообщества с Ираном ускоряется после аннексии Россией Крыма в марте 2014 года. В результате в апреле 2015 года на переговорах «шестерки» с Ираном согласован Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по иранской ядерной программе. 15 июля 2015 г. Иран и страны «шестерки» (США, Франция, Великобритания, Германия, Китай и Россия) заключили соглашение по ядерной программе в обмен на отмену санкций против Ирана.

20 июля 2015 г. СБ ООН единогласно принял резолюцию 2231 в поддержку сделки по иранской ядерной программе, которая предусматривает порядок снятия с Тегерана в течение 10 лет международных санкций — при условии, что он будет действовать по плану СВПД. Принятием резолюции СБ ООН также ввел в действие механизм возобновления всех прежних ограничений в случае нарушения сделки Исламской Республикой.

Приблизительно в то же время МАГАТЭ подтвердило, что признаков незаявленного ядерного материала и незаявленной ядерной деятельности в Иране не обнаружено. В этой связи с января 2016 г. начался процесс поэтапного снятия санкций с Исламской Республики Иран.

В числе причин внешнеполитического характера, предшествовавших данному шагу, можно выделить следующие:

- В преддверии завершения своего президентского срока Барак Обама был крайне заинтересован в выполнении предвыборных обещаний в отношении Ирана и улучшении

⁵² Sherman Wendy, «Iran Policy and Negotiations Update», Testimony. Written Statement Before the Senate Committee on Foreign Relations. Washington, DC: February 04, 2014. www.state.gov.

имиджа США на международной арене путем формирования основ новой ближневосточной политики США.

- Наряду с расширением сотрудничества ИРИ с Китаем и Россией на территорию Ирана активно возвращаются страны Европы (Германия, Франция, Италия, Великобритания и пр.).

- В геополитическом плане Вашингтон не склонен уступать кому-либо богатую энергоресурсами страну (Иран) и стремится найти приемлемую для всех систему сдержек и противовесов в МО.

- Сотрудничество с Ираном необходимо в плане нарастающей борьбы мирового сообщества с ИГ⁵³ и стабилизации в Афганистане. Не случайна в этой связи и привязка данного вопроса к переговорам с сирийской оппозицией, состоявшимся 18 декабря 2015г. в Нью-Йорке. Согласно достигнутому договору от 13 ноября 2015 года, Совет Безопасности гарантирует мирное решение сирийского кризиса, что невозможно без вовлечения в процесс Ирана.

В целом, однако, оппозиция и антииранские стереотипы мышления достаточно сильны в США, а потому говорить об ирано-американском сближении преждевременно. Правительства Ирана и США очень осторожны в подходах к расширенному диалогу⁵⁴, но они не исключают постепенное расширение коммуникации в неядерных сферах, балансирование интересов Вашингтона в Афганистане, Йемене и Ираке. Администрация Обамы считала, что диалог по ядерной программе Ирана продуктивнее вести при условии выполнения обязательств всеми сторонами, исключая при этом дестабилизацию на Ближнем Востоке в связи с ожидаемой консолидацией статуса ИРИ⁵⁵.

⁵³ Исламское государство, возникшее приблизительно в 2013 г. — далее «ИГ» или «ИГИЛ» (Исламское государство Ирака и Леванта). Арабское название «Даеш».

⁵⁴ «House Rejects Iran Nuclear Deal», *Nytimes.com*, September 12, 2015, http://www.nytimes.com/2015/09/14/world/middleeast/us-and-iran-both-conflict-and-converge.html?_r=1; «Ayatollah Khamenei's Letter to President Hassan Rouhani about the JCPOA», *Iran Review*, October 22, 2015, <http://www.iranreview.org/content/Documents/Ayatollah-Khamenei-s-Letter-to-President-Hassan-Rouhani-about-the-JCPOA.htm>.

⁵⁵ «Конгресс США завершают дебаты по поводу соглашения с Ираном», *ТАСС*, 14 сентября 2015 г., <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2258788>.

В конце своего президентского срока Барак Обама планировал «усиление» многостороннего ядерного соглашения по Ирану таким образом, чтобы будущий американский президент и его команда не смогли бы сорвать международное соглашение. Запланированные меры включали «шаги, обеспечивающие американский бизнес лицензией на вхождение в иранский рынок и снятие дополнительных санкций США»⁵⁶ против Ирана.

Однако Иран по сути воспринимается, как плохой актер, дестабилизирующему влиянию которого в регионе необходимо противодействовать в каждый поворотный момент в партнерстве с такими традиционными союзниками, как Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Израиль и Египет. Кроме того, пессимисты считали, что «счет итогов послабления иранских санкций включает более \$10 миллиардов наличными и золотом». Даже «в лучшем сценарии Иран при этом договоре будет обладать ядерным оружием уже немногим лет через десять»⁵⁷. В результате, в последние дни 2016 года сенаторы в подавляющем большинстве одобрили еще на 10 лет инициативу о продлении жестких экономических санкций против Ирана.

Между США и Ираном сохраняются разногласия по отношению к Сирии: администрация Обамы была заинтересована в смещении Президента Сирии Башара Асада от власти, Иран, напротив, защищал режим (см. далее п. 2.3). В то же время предыдущая администрация США была, очевидно, недовольна ростом ирано-российского партнерства в Сирии. Хотя официально поддерживала любое мирное решение сирийского кризиса.

Таким образом, политика Обамы по Ирану была непоследовательной и двойственной. На деле она не достигла провозглашенных целей. Президент Дональд Трамп негативно оценивает СВПД по Ирану, что оставляет американо-иранские отно-

⁵⁶ «US President Obama Seeks to Fortify Iran Deal before Leaving Office: Officials Source», *Payvand News*, November 16, 2016, <http://www.payvand.com/news/16/nov/1117.html>.

⁵⁷ Johnson Scott, «Whole Lotta Lyin' Going on», December 31, 2016, <http://www.powerlineblog.com/archives/2016/12/whole-lotta-lyin-goin-on.php>.

шения в неопределенности, в том числе сохраняет основные вызовы центральноазиатским странам — геополитическую и геоэкономическую напряженность.

Афганистан

До настоящего времени затянувшиеся ирано-американские противоречия в условиях санкций и отсутствия согласия между региональными акторами препятствуют урегулированию большинства афганских проблем и формируют неоднозначный характер ирано-афганских отношений. Это частично объясняется территориальной близостью и связанным с этим фактором безопасностью. В частности, в 2015 году на территории Исламской Республики проживало 2,5—3,0 миллиона (1 миллион зарегистрированных и 1,5—2,0 млн незарегистрированных) афганских беженцев⁵⁸, что создает внутреннюю нестабильность страны. Более того, Иран находится на основном маршруте наркоторговли, источника опиума и героина, из Афганистана в Восточную Европу. В этой связи Иран очень заинтересован во внутренней стабилизации в Афганистане.

Иранская позиция стабильна и неизменна в сохранении единого Афганистана, формировании стабильной, предсказуемой и дружественной страны, не создающей внутренние и внешние проблемы и, по мере возможности, содействующей реализации геоэкономических планов в регионе.

Во многом это соответствует интересам Кабула, о чем свидетельствует то, что Иран занимает даже в условиях нестабильности 5% внешнеэкономического экспорта и 9.1% импорта Афганистана⁵⁹. Более того, в последние годы Тегеран ежегодно тратит более 50 млн долларов, содействуя Афганистану в борьбе с наркоторговлей⁶⁰. К тому же наряду с центрально-

⁵⁸ *World Factbook*, Iran Country Profile, January 12, 2017, <http://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/ir.html>.

⁵⁹ «Afghanistan Economy 2013», *Theodora.com*, June 24, 2013, <http://www.theodora.com>.

⁶⁰ «Iran-Afghanistan Bilateral Ties Unaffected by Western Sanctions — Official», *Trend News Agency*, February 14, 2013, <http://en.trend.az/iran/2119355.html>.

азиатскими странами оба государства в высшей степени заинтересованы в формировании сети транспортных магистралей и трубопроводов, объединяющих их с Центральной Азией.

Однако в условиях сохраняющихся ирано-американских противоречий более эффективному и широкомасштабному партнерству Ирана с Афганистаном препятствуют: 1. политика антииранских санкций, ограничивающих здесь реализацию проектов с участием Ирана; 2. вызовы и угрозы, возникшие в результате геополитического противостояния различных держав; 3. опора Вашингтона на пакистано-саудовский альянс в регионе (см. ниже).

Антииранские санкции затрагивают наиболее важные для Афганистана энергетическую, финансовую и транспортную сферы.

Так, большую часть энергии Кабул получает от соседнего Ирана, что составляет 15% всей поставляемой в страну нефти⁶¹. Однако реализация любых энергетических соглашений с Ираном находится под угрозой в связи с санкциями международного сообщества. Проблематичным в этих условиях остается и газопровод Иран — Пакистан, прогресс которого зависит также от стабилизации внутренней ситуации в Пакистане и нормализации афгано-пакистанских и афгано-иранских отношений.

С другой стороны, в результате санкций США и ЕС возникли проблемы в финансовой и рыночной системе Афганистана⁶². В транспортной сфере давление Вашингтона, требующего положить конец ирано-спонсируемым проектам, вызвало напряжение в афганских бизнес кругах⁶³. Все это существенно дестабилизировало афганский рынок.

Тем временем геополитические противоречия между вовлеченными региональными акторами создают почву для процветания различных региональных вызовов и угроз,

⁶¹ «Санкции против Ирана сказались на экономике Афганистана», *Regnum.ru*, 14 мая 2013 г., www.regnum.ru.

⁶² Omar Samad, «Iran's Influence in Afghanistan after U.S. Pullout», United States Institute of Peace, *The Iran Primer*, January 17, 2013, <http://www.iran-primer.usip.org>.

⁶³ SAJAD. «US Urge Afghanistan to End Trade Ties with Iran», September 02, 2012, <http://www.khaama.com>.

дополнительно осложняющих взаимоотношения Ирана и Афганистана.

Наркоторговля. Не прекращающийся поток наркоторговли с территории Афганистана и Пакистана в страны ЦА, Европы и Персидского залива представляет опасность, как для Ирана, так и для всего региона ЦА. По официальным данным Министерства здравоохранения, в Исламской Республике насчитывается 2.2 млн наркопотребителей, около 2,75% населения⁶⁴. Соответственно, Тегеран ежегодно тратит около 1 миллиарда долларов на борьбу с наркотиками⁶⁵.

Беженцы. В Иране, согласно официальной точке зрения, находится около 3 млн. афганских беженцев. Поток беженцев в преддверии вывода миротворческих войск из Афганистана возрастает, что вынуждает Тегеран репатриировать афганских беженцев. В частности, по оценкам ООН, Иран депортирует в первой половине 2012 г. 711 афганских беженцев в день⁶⁶, что вызывает недовольство Кабула.

Водоснабжение осложняется в условиях санкций и противодействия США более тесному сближению Тегерана и Кабула и решению проблемы совместного пользования водными ресурсами реки Гильменд, берущей начало в горах центрального Афганистана.

Культурные и религиозные разногласия. В условиях связанной международным сообществом изоляции Иран вынужден поддерживать в Афганистане своих соплеменников шиитов посредством финансирования их культурной и религиозной активности, средств массовой информации, что вносит дополнительный дисбаланс в отношения с Кабулом. Взрыв шиа-суннитского конфликта на Ближнем Востоке способствовал углублению сунни-шиитского разделения на территории Афганистана. В частности, Афганистан на

⁶⁴ Ramin Mostaghim, Shashank Bengali, «Iran's Growing Drug Problem: 'No Walk of Society is Immune'», *Los Angeles Times*, December 19, 2016, <http://www.latimes.com/world/la-fg-iran-drug-addiction-2016-story.html>.

⁶⁵ «The Significance of the Tajik-Afghan Border», *Stratfor.com*, May 22, 2013.

⁶⁶ Omar Samad, «Iran's Influence in Afghanistan After U.S. Pullout».

данном этапе сталкивается с тактикой «расширения медресе», распространяемой с территории соседнего Пакистана⁶⁷.

Терроризм. Сохраняются в потенциале угрозы со стороны различных террористических групп («Аль-Кайда», «Джундулла», ТТП и др.) вблизи границы с Ираном. Очевидно, что их деятельность только активизируется в условиях отсутствия согласия между региональными акторами. О чем свидетельствовало появление на территории Афганистана в последние два года боевиков ИГ, что обостряет внутривнутриполитическую ситуацию в стране и создает угрозы центральноазиатским странам (напр., на границах с Туркменистаном и Узбекистаном).

В конце 2015 года, по официальным данным, количество боевиков в Афганистане составляло до 50 тысяч, в основном исламистское движение «Талибан» — около 40 тысяч, количество боевиков ИГ — 2-3 тысяч человек⁶⁸. По неофициальным данным, в стране находится 40 тысяч боевиков, из них 3500 — сторонников ИГИЛ.

Сложность заключается не только в воздействии внешних факторов на страну, но и в отсутствии единства внутри самого Афганистана по отдельным вопросам безопасности. В частности, разногласия в вопросах привлечения к процессам преобразования страны талибов. Афганское правительство ранее было против любого вовлечения талибов в правительственные структуры, указывая на то, что почти все проблемы являются результатом их военных операций и подрывных действий, поддержанных соседним Пакистаном. Однако, не видя выхода из ситуации из-за многочисленности талибов, сегодня они, похоже, стремятся вести переговоры с представителями талибов под предводительством США. К примеру, представители «Талибан» и афганского правительства встретились с неназванным американским дипломатом для проведения секретных переговоров в Катаре в сентябре

⁶⁷ Александр Шпунт, «Иран и Саудовская Аравия в схватке за Афганистан», 19 октября 2016 г., <https://regnum.ru>, http://www.iran.ru/news/analytics/102944/Iran_i_Saudovskaya_Araviya_v_shvatke_za_Afganistan.

⁶⁸ «Российский Генштаб обнаружил данные о численности боевиков в Афганистане», ТАСС, 08 октября 2015 г., <http://tass.ru/politika/2327999>.

и октябре 2016 года. Эксперты отмечали⁶⁹ отсутствие пакистанских официальных лиц на встрече. Не было заявлено о каких-либо позитивных результатах встречи.

В отличие от некоторых представителей афганского истеблишмента и вопреки идеологическим разногласиям с талибами, Тегеран считает необходимым продолжение с ними диалога и поиск точек соприкосновения. Более того, не исключает в перспективе партнерство с США по Афганистану.

Актуальность вопроса о талибах — еще один пункт противоречий для внешних акторов. В частности, он стал предметом соперничества в американо-российской борьбе за региональное доминирование (см. ниже), что может вновь продлить процесс достижения регионального мира.

Саудо-пакистанский фактор

В результате разногласий с Ираном Вашингтон стремится в своей исламской политике традиционно опереться на пакистано-саудовский тандем. Особенно актуальным это стало в преддверии вывода основной части миротворческих войск из Афганистана в 2014 г. и по мере осознания Вашингтоном решающей роли Исламабада в стабилизации Афганистана. Однако замысел Вашингтона осложнился началом переговорного процесса с Ираном. В этих условиях позиция США чаще всего была реактивной и двойственной.

С одной стороны, Вашингтон декларировал принципы регионализма, заложенные в основу концепции НШП, подчеркивал важную роль государств региона в поддержании афганского прогресса, мира и стабильности во всем регионе, не препятствовал диалогу Ирана с Пакистаном.

С другой стороны, процесс примирения сторон вышел из под контроля США и развивался чрезвычайно медленно, с периодическими вспышками насилия со стороны Пакистана и Саудовской Аравии. Причина в том, что в случае успешного

⁶⁹ «Afghanistan: Taliban, Afghan Officials Held Secret Talks in Qatar», *Stratfor*, October 18, 2016, <https://www.stratfor.com/situation-report/afghanistan-taliban-afghan-officials-held-secret-talks-qatar>.

завершения переговоров с Ираном международной группы «5+1» по ядерной проблеме Саудовская Аравия будет обречена на снижение своего геополитического и экономического влияния и веса в регионе Ближнего Востока и Центральной Азии, а также в рамках ОПЕК. Вместе с ней в потенциале может быть ограничена и ведущая роль Исламабада и с этим влияние пакистанских талибов в зоне «Афпак». В целях противодействия такой тенденции Эр-Рияд и Исламабад осуществляли ряд совместных, направленных против интересов Тегерана мер в наиболее важных для них зонах — в Афганистане и Сирии.

Несмотря на это, сохраняются факторы, позволяющие подерживать ситуацию в позитивном русле.

Во-первых, Саудовское королевство, по общему признанию, переживает внутривосточный кризис. В духовно-идеологическом плане нет единства, перспективы развития страны не вполне ясны, даже с учетом наличия финансовых и иных ресурсов. Иранское общество, напротив, более мобилизовано и динамично развивается даже в условиях санкций. Оно более либеральное и просвещенное, имеет значительный опыт сотрудничества с Западом.

Во-вторых, последние десятилетия подтверждают стратегическое значение и незаменимую роль Ирана при урегулировании региональных проблем в Центральной и Южной Азии, Среднего и Ближнего Востока. Тем более, что военно-политический потенциал Ирана может в случае дальнейшего нагнетания событий быть подкреплен силами стран ОДКБ и ШОС, что является серьезным препятствием на пути саудовско-пакистанских амбиций.

В-третьих, без урегулирования отношений с Ираном Пакистан, даже при финансовой подпитке со стороны Саудовской Аравии, не может решить большинство своих региональных проблем, связанных с Афганистаном. Тем более, что Исламабад и Эр-Рияд сами борются с проявлениями терроризма на территории своих стран.

В конечном итоге, без конструктивного участия Ирана не может быть и речи о достижении стабильности на огромной территории Центральной и Южной Азии и Ближнего Востока, не говоря уже о реализации какой-либо геополитической

модели развития. Отсюда — поиск компромиссного решения проблем региональной безопасности. В любом случае, роль долговременного союзника США Саудовской Аравии, очевидно, незаменима в качестве противовеса Ирану в региональной геополитике и вопросах энергетической безопасности.

Россия

В геополитических интересах США «предотвратить любой процесс в Евразии, способный привести к формированию единой доминирующей державы»⁷⁰. Одной из главных составляющих данного процесса является, конечно, Россия, чье сближение в последние годы с Ираном не отвечает интересам евроатлантического сообщества.

Вместе с тем, учитывая политические неудачи последних лет, географическую и культурно-духовную близость республик Центральной Азии к Ирану и России, Запад периодически делал позитивные жесты в сторону Москвы. Как утверждали в Госдепартаменте США, стратегия НШП предусматривает участие всех региональных государств, включая Иран и «жизненно важные партнеры» — центральноазиатские страны, и нацелена на «долгосрочные, существенные результаты»⁷¹.

Однако, несмотря на определенные успехи во взаимоотношениях США и России, геополитическое соперничество между ними только нарастало в преддверии завершения переговоров «шестерки» по Ирану. Так, в целях решающего перевеса в борьбе с Западом Россия вела с Ираном переговоры о закупке в больших объемах нефти (500 тыс. баррелей в день); добивалась защиты своих интересов в переговорах по иранской ядерной программе и по ситуации вокруг Сирии; ускорила процесс подготовки Договора об учреждении ЕАЭС; в противовес аме-

⁷⁰ «The Geopolitics of the United States, Part 1: The Inevitable Empire», *Stratfor.com*, July 04, 2015, <https://www.stratfor.com/analysis/geopolitics-united-states-part-1-inevitable-empire>.

⁷¹ «Assistant Secretary Blake on U.S. Policy in Central Asia», Forum of the Central Asia-Caucasus Institute, SAIS, Washington, DC. January 25, 2012, <http://translations.state.gov>.

риканской модели НШП поддерживала китайскую инициативу по созданию ОПОП и, наконец, в конце сентября 2015 г. начала военные операции в Сирии.

Успех предпринятых усилий мог означать победу российской энергетической стратегии и построение в Евразии ирано-российского механизма безопасности. Что незамедлительно сказалось бы на европейской энергосистеме, полностью зависимой от поставок российского газа. Более того, это противоречило бы уже упомянутым (п. 1.1) геоэкономическим и геополитическим планам США.

В ответ Евросоюз и США обсуждали совместные планы по диверсификации энергопоставок в страны-члены НАТО в обход России. Обе стороны призывали теперь к введению санкций против Москвы и ограничению партнерских отношений с Россией в рамках международных структур. Одновременно США добились снижения цен на энергоресурсы и поддержки с помощью саудо-пакистанского альянса радикальных оппозиционных движений в Сирии. Наряду с этим Вашингтон контролировал афганский процесс и поддерживал активный диалог с лидерами центральноазиатских стран.

Независимость центральноазиатских стран приобрела для США особое значение. В частности, в период 2012—2016 гг. Узбекистан 11 раз посетили делегации Конгресса США и делегации Вооруженных Сил США — 21 раз. Кроме того, в марте-апреле 2014 г. бывший помощник Госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии Ниши Бисвал посетила с визитами Узбекистан, Казахстан и Кыргызстан. В октябре-ноябре 2015 г. бывший Госсекретарь США Джон Керри в рамках своего первого визита в Центральную Азию встретился с лидерами внешнеполитических ведомств Центральной Азии в формате диалога между США и центральноазиатскими республиками, известном как «С5+1».

С другой стороны, Вашингтон старался привлечь Иран к процессу поиска политических путей урегулирования сирийского кризиса. В результате, в сентябре 2015 г. Тегеран принял участие в 70-м заседании Генеральной Ассамблеи ООН, осенью — в венских международных переговорах по Сирии. В целом, однако, отношения остаются напряженными.

Отношения администрации Обамы с Москвой стали еще более напряженными к концу его правления. В частности, США были против растущего российского сотрудничества с талибами. Россия выдвинула идею формирования новой внеблочной системы безопасности в Афганистане в рамках российско-китайского формата сотрудничества с участием других внешних акторов, таких, как Иран, Индия, США, Пакистан и Турция. Для начала Россия, Китай и Пакистан участвовали в московских переговорах с талибами, но без представителей афганского правительства. Россия призывает к гибкости в отношении талибов, считая, что движение представляет собой местные силы и необходимый оплот в войне против глобальной силы — Исламского государства. В отличие от этого, генерал Джон Никольсон⁷², главнокомандующий вооруженными силами США в Афганистане, утверждал, что официальная легитимность, которую придает Россия талибам, основана не на реальных фактах и может быть использована только для существенного подрыва мер, предпринимаемых афганским правительством, и поддержки боевиков. На деле это, по его мнению, означает соперничество России с НАТО.

Разумеется, нельзя игнорировать элементы геополитического соперничества. Инициированные Москвой переговоры на деле пытались заменить собой предположительно неэффективный процесс, начатый ранее в рамках Четырехсторонней координационной группы (QCG), состоявшей из представителей Афганистана, Пакистана, Китая и США. Тем более, афганские эксперты рекомендуют⁷³ продолжить прямые переговоры между правительством и талибами с целью стабилизации региона. Представляется разумным то, что прямые переговоры между внутренними акторами должны варьировать и влиять на решения международных акторов по афганской ситуации.

⁷² Томас Жослин (Thomas Joscelyn), «Российское правительство открыто выступает на стороне «Талибана», *The Daily Beast*, 4 января 2017 г., <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1483541580>.

⁷³ «Four Decades of Efforts for Peace and Reconciliation in Afghanistan: Analysis of the Impediments and Barriers to Sustainable Peace», *Afghan Institute for Strategic Studies*, January 12, 2017, www.aiss.af.

Однако, учитывая текущие реалии, современную афганскую тактику России можно считать правомерной.

Во-первых, растущее число боевиков ИГ и другие вызовы с Афганистана требуют быстрых и решительных действий. Согласно последним оценкам⁷⁴, 15 сентября 2016 года приблизительно 57,2% из 407 районов страны находились под контролем или влиянием афганского правительства, спад почти на 15% с ноября 2015 года.

В условиях продолжающейся нестабильности в Сирии, Ираке, Йемене и др., и хрупкой ситуации в государствах Центральной Азии нельзя ждать следующего взрыва насилия в регионе, необходимо предпринять превентивные меры. В этом смысле Москва, по всей очевидности, учла занятость США в тот момент предвыборными внутренними проблемами, сложные взаимоотношения афганского правительства и Пакистана, чтобы предпринять первый раунд обмена мнениями с двумя важными партнерами — Китаем и Пакистаном. Очевидно, в перспективе рамки переговоров расширятся, включая других региональных акторов, в том числе афганское правительство.

Во-вторых, вполне реально то, что талибы стремятся поддержать, и, более того, защитить международные проекты в Афганистане (CASA-1000, ТАПИ, др.). Они заинтересованы в получении финансовых доходов, что невозможно в условиях войны, изоляции и отсутствия внешних инвестиций. Большинство их, хотя и противостоят афганскому правительству и борются за свои права, устало от войн и кровопролития. Кроме того, как справедливо отмечают немецкие и афганские эксперты,⁷⁵ в Афганистане наблюдается рост активности ИГ — опасного конкурента на нелегальном пространстве. На наш взгляд, данный фактор является более важным как для афганцев, так и других региональных акторов, так как подвергает опасности весь регион ЮЦА и способен превратить его в другую зону

⁷⁴ Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction, SIGAR, January 30, 2017, <https://www.sigar.mil/pdf/quarterlyreports/2017-01-30qr.pdf>

⁷⁵ Виталий Волков, «Зачем талибы меняют свою стратегию в Афганистане?», «DW», 7 декабря 2016 г., [dw.com, http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1481122020](http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1481122020).

конфликта, наподобие Сирии. Следовательно, талибы могут стать естественными союзниками в этой ситуации.

В третьих, Иран, хотя и не участвовал в тройственных переговорах, всегда выступал за мирные переговоры с талибами. Значит с его стороны нет препятствий в этом вопросе.

Переговоры с талибами, конечно, не гарантируют установление немедленного мира и безопасности в стране, учитывая сохранение большинства упомянутых выше вызовов и угроз. Однако конструктивное партнерство с талибами может восприниматься как первый шаг в сторону стабилизации в регионе, становления определенного баланса государственных интересов, ограничения радикальной активности путем уничтожения почвы для распространения чуждых экстремистских сил (ИГ).

В этом контексте приход к власти администрации Дональда Трампа не привнес что-либо кардинальное в стратегию США в центральноазиатском и иранском направлении.

2.2. ИРАНСКИЙ ФАКТОР В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ СТРАТЕГИИ ЕС

Общие предпосылки и тенденции до 2006 года

До второй половины первого десятилетия XXI века у глобального актора центральноазиатской политики — Евросоюза не было четкой стратегии по Центральной Азии. Согласно мнению большинства западных экспертов, интересы ЕС и США в Центральной Азии совпадают по таким вопросам, как стабильность, доступ к энергоресурсам, развитие демократии, гуманитарных прав и рыночной экономики⁷⁶.

Однако экономические интересы европейских стран выходят за пределы рамок, определенных США в отношении ИРИ, не исключая в перспективе взаимоотношений Евросоюз — Центральная Азия в рамках сотрудничества стран ЦА с

⁷⁶ Bachmann Thietmar, «The Silk Road's Safety Support: The German Approach to Central Asia», «Центральная Азия в XXI веке: сотрудничество, партнерство и диалог», материалы межд. науч. конф. 13–15 мая 2003 г. (Ташкент: Шарк, 2004), 96.

ИРИ. Иран и Центральная Азия представляют для Евросоюза единое экономическое пространство с точки зрения освоения нефтегазовых ресурсов, осуществления совместных энергопроектов. Вместе с тем это — огромный потенциальный рынок для сбыта европейских технологий, промышленных товаров и «ноу-хау», а также сфера реализации геополитически выгодных для ЕС транспортно-коммуникационных проектов.

В этом плане общим для этих стран и Ирана стремлением в рамках сотрудничества с Евросоюзом является вхождение этих стран в международные структуры, удовлетворение потребностей региона в крупных инвестициях, выход на мировые рынки. Тегеран рассчитывает на иностранные энергокомпании, чтобы противостоять снижению своих нефтяных запасов и шире использовать собственные газовые ресурсы, которые до сих пор практически не эксплуатировались. Общая сумма заключенных Ираном в 2004 г. договоров составляла 10 млрд. долл.⁷⁷

Сотрудничество ИРИ с ЕС в определенном смысле стимулирует разногласия ЕС — США по Ирану и Ближнему Востоку, что в сочетании с ирано-российским военно-политическим и экономическим партнерством и активным участием России, Китая и центральноазиатских государств в транспортном проекте Север — Юг может сбалансировать политику США в Центральной Азии. В перспективе в Тегеране не исключают расширения сотрудничества с Евросоюзом в Центральной Азии, включая вопросы региональной безопасности, что находит поддержку в регионе ЦА.

Однако развитие двусторонних ирано-европейских отношений все еще находится под непосредственным влиянием американской стратегии. С конца 1990-х годов экономические интересы ЕС в ИРИ, прежде всего, в нефтегазовой сфере, сталкиваются с действием антииранских санкций США, и как следствие — значительные расхождения в позициях ЕС и США

⁷⁷ «Khatami: Tehran's Opposition to War Does not Mean Support for Baghdad», *IRNA*, February 05. 2004, <http://www.irna.ir/ru/>; «Iran Bids to Build Itself World's Major Gas Producer», *IRNA*, February 16, 2004, <http://www.irna.ir/ru/>.

по Ирану. Европа противостоит концепции «оси зла» и поддерживает иранских реформаторов и «конструктивный диалог» с Ираном, что в сочетании с вливанием в иранскую экономику европейских инвестиций и передовых технологий будет стимулировать рост в стране умеренных сил и сможет стать рычагом для развития иранского общества⁷⁸.

По мнению экспертов, «критический диалог» ЕС с Ираном в жесткой увязке с обсуждением политико-гуманитарных вопросов вынуждает Иран идти на некоторые уступки.

Однако ко второй половине 2003 г. давление США по иранскому вопросу наряду с участвовавшими вспышками международного терроризма в разных регионах мира вновь сближают Евросоюз и Соединенные Штаты. В Европе поддерживают позицию США в оценке преобразований иранских реформаторов, которые больше не представляют собой влиятельную силу⁷⁹.

Тем не менее, позиция Германии в отношении ядерной программы Ирана не изменилась: «Не существует никакой альтернативы диалогу с ИРИ, и мы должны продолжать свои переговоры с Тегераном»⁸⁰. В ЕС надеются, что ИРИ в ближайшем будущем сможет играть конструктивную роль в ближневосточной политике, в связи с чем европейский блок поддерживает принятие Ирана в ВТО⁸¹. В ходе встречи министров иностранных дел стран ЕС в Люксембурге принято решение о начале переговоров по углублению торговых и политических связей с Ираном.

Таким образом, несмотря на периодические колебания, в Европе назревают существенные внешнеполитические перемены. Действительно, при выгодном раскладе сил и установлении контроля над иранскими запасами нефти и

⁷⁸ Charles Lane, «Changing Iran. Germany's New Ostpolitik»; «UK Pressed to Clarify Differences with US Policy Towards Iran», *IRNA*, April 26, 2002, <http://www.irna.ir/ru/>.

⁷⁹ RFE/RL reports, vol.7, January 19, 2004, <http://www.rferl.org>.

⁸⁰ Йошка Фишер, «Позиция Германии по ядерной программе Ирана не совпадает с позицией США», *IRNA*, 26 августа 2004 г.

⁸¹ *PIA «Новосту»*, January 15, 2004; «Patten Calls for Long-Term Constructive EU-Iran Ties», *Payvand.com*, February 13, 2004.

газа Европа получает уникальную возможность приобрести независимый от США статус в Евразии; возможность избежать зависимости экономического развития Европы от США. Подобные настроения в Европе подтверждаются социологическими данными⁸²: за пять лет XXI века процент европейцев, поддерживающих лидерство США на глобальной арене, снизился с 64 до 37%. При этом большинство европейцев (55%) поддержали более независимый подход к вопросам безопасности и дипломатии в отношениях между США и ЕС.

Однако Европейский Союз не стремился обострять отношения с ключевым союзником — США. Без снятия антииранских санкций и стабильной обстановки в ближневосточном и центральноазиатском регионах невозможно говорить и о продвижении европейской стратегии в этой части мира. Отсюда — усилия «тройки» (Англия, Франция, Германия) были направлены на ослабление различий европейских и американских подходов по ядерной программе Ирана, недопущение военного конфликта между Ираном и США и примирение сторон. Одновременно продолжаются переговоры с Ираном.

Со своей стороны, Тегеран утверждал, что пакет предложений ЕС по «ядерному досье» Ирана «неприемлем» — он «не обеспечивает интересы Ирана, противоречит Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и Парижским соглашениям между Ираном и «европейской тройкой»⁸³.

Таким образом, различия в подходах к Ирану и нарастание ирано-американских противоречий служит в последние годы основным источником разногласий между ЕС и США. Эта тенденция оказывает непосредственное влияние на реализацию коммуникационно-транспортных и энергетических проектов в Центральной Азии. Евросоюз не мог реализовать взаимовыгодные проекты с участием Ирана и Центральной Азии без оглядки на позицию США. На практике это сохраняло зависимость Европы от российской энергетической политики и, следовательно, частично способствовало экономическому ос-

⁸² «Poll: Americans, Europeans Share Increased Fears of Terrorism, Islamic Fundamentalism».

⁸³ Николай Терехов, «Иран назвал «неприемлемым» пакет предложений Евросоюза», *РИА «Новости»*, 6 августа 2005 г.

лаблению Еврозоны. В этом смысле американо-европейское напряжение выходит за рамки разногласий по центральноазиатской политике.

2007 — январь 2017

В эти годы ослабевшие после экономического кризиса и санкций против Ирана страны ЕС в наибольшей степени, по сравнению с США, заинтересованы в нормализации отношений с Ираном. Отсюда исход иранской дилеммы упирается, прежде всего, в решение ирано-американских противоречий. В этом плане Вашингтон вынужден учесть следующее.

- Последние неудачи американской стратегии в Афганистане, на Ближнем и Среднем Востоке, где роль Ирана в обеспечении безопасности могла быть более продуктивной. Тем более, что речь идет о сохранении безъядерного статуса Ближнего Востока и постепенной стабилизации афгано-пакистанской зоны.

- Роль Ирана в Центральной Азии, где завершение в перспективе процесса интеграции регионов Центральной и Южной Азии невозможна без подключения Тегерана к большинству центральноазиатских проектов. Тем более, что Тегеран фактически уже сотрудничает через посредников в афганских проектах⁸⁴.

Помимо этого, евразийская «арка кризиса», охватывающая Ближний Восток, Южную и Центральную Азию, привела к беспрецедентному росту активности и силы групп ИГ и к формированию огромного потока беженцев в Европу, что со второй половины 2015 года ведет к серии международных кризисов. Нестабильная ситуация в Афганистане разжигает второй крупнейший поток беженцев в Европу (после Сирии). В этой ситуации, сопровождаемой всеобъемлющим геополитическим давлением всех вовлеченных в Ближний Восток акторов и усилением в мире статуса России и Китая, европейские страны выдвигают более действенную и эффективную, по сравнению

⁸⁴ Frederick Starr, «Afghanistan Beyond the Fog of the Nation Building: Giving Economic Strategy a Chance», Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, www.silkroadstudies.org (January, 2011): 12, <http://www.silkroadstudies.org/new/docs/silkroadpapers/1101Afghanistan-Starr.pdf>.

с предыдущей, стратегию сотрудничества в Центральной Азии в области экономики и безопасности.

Основные цели ЕС остаются неизменны в части продвижения западных ценностей и интеграции центральноазиатских государств, решении проблем безопасности и экономики. Их подходы фактически во многом совпадают с американской стратегией в регионе. Однако Европейский Союз не уверен в способности государств Центральной Азии преодолеть текущую фрагментацию и общие переходные трудности (слабые правительственные институты, гражданское общество, проблемы демократии, т.п.). Именно эти проблемы в большинстве своем и тормозили, по мнению Запада, успешное партнерство между Западом и Центральной Азией. Сегодня они также могут служить вызовом их вовлечения в регион.

Вместе с тем европейские лидеры признают позитивные перемены в регионе ЦА, произошедшие в последние 25 лет независимости. В частности, они указывают на «ветер перемен» в центральноазиатских экономиках; стабильность в странах ЦА; перемены в ментальности населения; определенный прогресс в вопросах демократии; региональную активность центральноазиатских стран, включая Туркменистан. Более того, Евросоюз оптимистичен в отношении преобразований и новой региональной политике Узбекистана.

В этой связи Европейский Союз готов к «стратегическому терпению» и возобновлению долгосрочного и поэтапного вовлечения в регион. Европа готова выделить один миллиард евро в период 2014—2020 гг. для укрепления безопасности и развития демократических институтов в государствах Центральной Азии. Стремясь к диверсификации поставок энергоносителей, Евросоюз теперь более активно реализовывает «Южный газовый коридор», включающий ранее заброшенный Транскаспийский проект.

Таким образом, европейская стратегия становится более гибкой, реалистичной, прагматичной, нацеленной на последовательность, стабильность и длительность с учетом регионального присутствия России, Китая и Ирана. Новую стратегию планируется сконцентрировать на вопросах совершенствования правительственных институтов, ускорения эконо-

мических и социальных преобразований в Центральной Азии, что является предпосылкой для строительства региональных энерготранспортных сетей, включая иранский транспортный маршрут. Большое внимание будет уделено вопросам борьбы с экстремизмом и терроризмом, усилению взаимосвязи между региональными акторами и сдерживанием региональных амбиций Китая. Тем более, что Европа заинтересована в продвижении модели регионального развития «Ближний Восток — Евросоюз — Центральная Азия». Это означает, помимо всего, восстановление исторических связей региона с Ираном.

В этом смысле успешное заключение соглашения по Ирану в июле 2015 года стало триумфом европейской внешнеполитической стратегии в этом вопросе и подтверждением действенности эффективного многостороннего подхода к решению международного кризиса вокруг иранской ядерной программы⁸⁵. Европа чувствует свою ответственность за реализацию основных положений достигнутого соглашения, считая что двойственные подходы США к Ирану на деле предоставляют странам ЕС больше рычагов для воздействия на сферу торговли, экономических отношений и гуманитарных прав. В отличие от жестких требований ЕС призывает сегодня к созданию благоприятных условий для выполнения Тегераном соглашения.

В этой связи ЕС планирует:

- координацию европейской политики по ИРИ;
- развитие двухсторонних отношений с ИРИ;
- вовлечение Тегерана в вопросы урегулирования международных кризисов, в первую очередь, на территории Сирии, Ливана, Йемена и Афганистана;
- консолидацию глобального режима нераспространения ОМУ;
- конструктивное вовлечение Ирана в решение проблем гуманитарного права;
- усиление институционального и политического присутствия ЕС в Иране.

⁸⁵ Eldar Mamedov, «The EU's Emerging Post-Deal Iran Strategy», *LobeLog*, September 15, 2015, <http://www.payvand.com/news/15/sep/1085.html>.

В то же время Еврокомиссия намерена сделать Иран в следующее десятилетие основным газовым поставщиком в Европу. К 2030 г. Евросоюз, по мнению западных экспертов, может ежегодно импортировать из Ирана до 35 млрд куб.м газа, что предположительно должно сократить их зависимость от российского газа⁸⁶.

Тем временем в период непосредственно после подписания соглашений СВПД по Ирану европейские компании и правительственные институты пытались быстро заполнить временно пустующую нишу в иранском энергетическом и транспортном секторе. В частности, иранский нефтяной сектор и немецкий «Дойче бэнк» восстановили сотрудничество⁸⁷, между Германией и Ираном было подписано шесть Меморандумов по сотрудничеству в транспортной сфере⁸⁸. В свою очередь, французский нефтегазовый гигант «Total» намеревался завершить до 20 марта 2017 года инвестиционную сделку с Ираном на сумму 2 миллиарда долларов. Согласно подписанному двустороннему Меморандуму, «Total» планирует после реализации СВПД инвестировать в иранскую нефтехимическую промышленность⁸⁹.

Таким образом, Европейский Союз сохраняет свои собственные геэкономические интересы в отношении Ирана и Центральной Азии, которые должен учитывать их глобальный союзник — Соединенные Штаты.

⁸⁶ «EU Sees Iran as Major Gas Supplier», *Payvand.com*, September 15, 2015, <http://www.payvand.com/news/15/sep/1089.html>.

⁸⁷ «Возобновлено сотрудничество между Ираном и германским Deutsche Bank», 22 октября 2016 г., http://www.iran.ru/news/economics/102999/Vozobnovleno_sotrudnichestvo_mezhdu_Iranom_i_germanskim_Deutsche_Bank.

⁸⁸ «Иран и Германия подписали 6 меморандумов о сотрудничестве в сфере транспорта», 24 октября 2016г., http://www.iran.ru/news/economics/103017/Iran_i_Germaniya_podpisali_6_memorandumov_o_sotrudnichestve_v_sfere_transporta.

⁸⁹ «Компания Total завершит инвестиционную сделку на сумму 2 млрд с Ираном к концу года», 22 октября 2016 г., http://www.iran.ru/news/economics/103000/Kompaniya_Total_zavershit_investicionnuyu_sdelku_na_summu_2_mlrd_s_Iranom_k_koncu_goda.

2.3. РОССИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ВОКРУГ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Общие предпосылки и тенденции до 2006 года

Россия является ведущим региональным актором в современной центральноазиатской геополитике, что обусловлено ее тесной всесторонней близостью с центральноазиатскими странами, общим советским наследием, общими текущими вызовами и угрозами безопасности. Более того, Центральная Азия является для России одной из главных сфер противостояния с глобальной державой. В этой связи международная ситуация в регионе ЦА определялась в рассматриваемый период прежде всего результатами взаимодействия трех основных акторов региональной геополитики — США, РФ и ИРИ.

Стремление Москвы к контролю маршрутов энергоносителей в Центральной Азии сталкивалось с возрастающими энергетическими планами США в регионе. Задачи антитеррористической кампании и международная изоляция США по вопросу Ирана в постиракский период требовали от США более гибкого и сбалансированного отношения с РФ. Вашингтон пытался заручиться поддержкой России в своей ближневосточной и афганской стратегии. В этом плане консолидация стратегического союза с Россией в 2001 г. позволила администрации Буша не только нейтрализовать растущее ирано-российское оборонное партнерство, но и вызвало соответственные изменения в каспийской политике РФ (поиски возможного участия российских компаний в проекте БТЖ)⁹⁰.

Москве в определенной степени было выгодно⁹¹ присутствие США в регионе ЦА — оно блокировало проникновение в регион экстремистского ислама и служило потенциальным

⁹⁰ «Россия может присоединиться к реализации проекта строительства нефтепровода «Баку — Джейхан», Инф.ан.центр *Минерал*, 29 января 2002 г., <http://www.mineral.ru/News/1122.html>.

⁹¹ Артем Улунян, «Москва-Пекин» в Центральной Азии: новая стадия регионального соперничества», *Российские вести*, № 23, 23-29 июня 2004 г., <http://www.CentrAsia.Ru/newsA>.

противовесом растущей мощи КНР, содействовало роли РФ в качестве независимого поставщика топлива в Европу⁹².

Основным условием партнерства США — РФ, однако, являлось прекращение российско-иранского военно-технического сотрудничества, включая поставки ядерного оборудования. В Москве полагали, что отказ в военно-техническом содействии Ирану лишь усилит тягу ИРИ к обладанию ядерным оружием, а продолжение сотрудничества, напротив, будет способствовать укреплению позиций прагматиков на внутривосточной арене Ирана и нейтрализации радикальных исламистских подходов⁹³.

Новый уровень российско-американских отношений не означал устранения элементов конфронтационного мышления с обеих сторон, обусловленного во многом сохранением военного присутствия США в Турции, Грузии, Центральной Азии, бассейне Персидского залива и в Афганистане, а также продолжающейся конкуренцией за контроль над энергоресурсами и транспортными коридорами на Кавказе и в Центральной Азии. Пользуясь концентрацией внимания США на иракском кризисе, Россия стремилась расширить деятельность ЕвразЭС и усилить свои экономические и политические позиции в Центральной Азии. Одновременно Москва выступала активным посредником в переговорном процессе между ИРИ и Западом⁹⁴.

Суть позиции России заключалась в том, чтобы международный кризис вокруг Ирана не перешел в военный конфликт и сохранить в интересах своей геостратегии долгосрочные партнерские связи с Ираном.

⁹² Сергей Лопатников, «США очень необходима каспийская нефть», *Аргументы и факты*, 18 августа 2004 г.

⁹³ Евгений Примаков, «Иран: что дальше? Ситуационный анализ», Россия в глобальной политике, *Iran.ru*, 16 июня 2003 г., <http://www.iran.ru>.

⁹⁴ «Лавров: Переговоры с Ираном не сорваны», фрагменты стенограммы выступления и ответов на вопросы СМИ министра иностранных дел России Сергея Лаврова по итогам переговоров с министром иностранных дел Палестинской национальной администрации Н. Кудвой. (Москва, 25 августа 2005 г.), <http://iranatom.ru/news>.

2007 — январь 2017

В этот период такие события, как подписание Венского соглашения по иранской ядерной программе и, следовательно, возросший риск для Москвы потерять свои позиции на Ближнем Востоке и, частично, в Центральной Азии, не менее важная угроза сползания ближневосточного кризиса на южные границы России, ужесточила политику Москвы. Дальнейшая консолидация ирано-российского партнерства по взаимовыгодным направлениям, включая Центральную Азию, стала одним из внешнеполитических приоритетов Москвы.

Основными факторами, определяющими успех российской внешней политики на этой стадии, стали следующие: ближневосточная политика США; двухсторонние отношения с Ираном; развитие российско-европейского партнерства по решению украинского конфликта.

Ближневосточная политика США

Каждая из сторон стремится урегулировать сирийский кризис в направлении, выгодном для них международном балансе сил. Иран в силу историко-культурной и географической взаимосвязи с Сирией мог бы стать важным партнером в вопросе стабилизации региона. В этой связи США и Россия ищут способы урегулирования своих разногласий, щадящие их региональные интересы.

Основное, официально декларируемое противоречие в этом вопросе касается сохранения у власти Башара Асада и поддержки Вашингтоном радикальных групп типа Жабхат Аль-Нусра.

Американские эксперты считают, что любое соглашение между Москвой и Сирийской национальной коалицией неуместно, если оно не пользуется поддержкой повстанческих групп. Сирийская национальная коалиция не отражает интересы всех воюющих групп, большинство из которых добиваются ограниченного тактического успеха в борьбе против Дамаска и ИГ⁹⁵.

⁹⁵ «Iraq-Syria Battlespace: August 2015», *Stratfor.com*, August 31, 2015, <https://www.stratfor.com/analysis/will-russia-intervene-syria>.

Москва предприняла попытки создать собственную анти-террористическую международную коалицию под эгидой ООН для борьбы с ИГ и в урегулировании ситуации на Аравийском полуострове. В качестве основной причины иракского кризиса в России часто рассматривают недалёковидную конспирологическую политику США, спонсирующую процесс с помощью радикальных суннитских государств типа Саудовской Аравии с целью перекройки Ближнего Востока в соответствии со своими геополитическими планами.

Однако любые конспирологические теории в условиях глобализирующегося мира вызывают, как правило, сомнения. Маловероятно, чтобы США были заинтересованы в нагнетании ирано-саудовских, а с ними шиито-суннитских противоречий и появлении новых очагов нестабильности на Ближнем Востоке.

Во-первых, Иран с геостратегической точки зрения расположен на стыке важных для реализации американских планов зон Персидского Залива, Центральной и Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока в целом. Продолжение нестабильности здесь ставит региональную стратегию США не только под угрозу, но и потенциально угрожает безопасности самих Соединенных Штатов с динамично увеличивающимся составом мусульманского населения — от 2,6 миллиона в 2010 году до прогнозируемого 6,2 миллиона в 2030 году⁹⁶.

Во-вторых, нельзя недооценивать геоэкономический потенциал государства. Не случайно первые нефтяные монополии США начали проникать в Иран уже в 1921 г. Интерес этот, отнюдь, не иссяк со временем.

В-третьих, Иран, как уже отмечалось, является потенциально значимым партнером США в вопросах обеспечения безопасности в Центральной и Южной Азии, Среднего и Ближнего Востока.

В-четвертых, в США, судя по внешнеполитическим действиям администрации Обамы, прекрасно понимают внутри-

⁹⁶ Владислав Мальцев, «Соединенные шариаты Америки. Окружение Обамы подозревают в связях с арабскими радикалами», *Lenta.ru*, 1 июля 2014 г., <http://antiterrortoday.com/ru/glavnoe-segodnya/vybor-moderatora/4632-soedinennye-shariaty-ameriki-okruzhenie-obamy-podozrevayut-v-svyazyakh-s-arabskimi-radikalami>.

политические проблемы Королевства Саудовской Аравии и преимущества более динамично развивающегося Ирана. Отсюда — поиски такого решения проблем региональной безопасности, которые в перспективе способны привести к некоему компромиссу в отношениях Ирана с Саудовской Аравией. Базисом для этого служат стратегические договоренности и экономическая зависимость Эр-Рияда от США.

В то же время, однако, известные просчеты администрации Обамы в ближневосточной политике (Сирия, Ирак и пр.) породили условия для просачивания радикальных элементов с одной территории на другую и послужили благоприятной почвой для их оформления с 2013 г. в Исламское Государство (ИГ). В результате ближневосточная ситуация начинает представлять опасность как для России и Ирана, так и для других государств, включая государства ЦА.

Вместе с тем в условиях нарастания проблем глобальной безопасности американо-российское партнерство могло бы носить, если не дружественный, то, по крайней мере, конструктивный характер. Вполне очевидно, что Соединенные Штаты, ЕС и Россия заинтересованы

- в успешном урегулировании ситуации в зоне «Афпак» и Сирии для предотвращения распространения нестабильности, экстремизма, незаконного оборота наркотиков за пределы данных регионов;
- в сдерживании все возрастающего влияния Китая в Центральной Азии и сопредельных с ним регионах;
- в противодействии растущей после 2014 г. нестабильности региона Центральной Азии;
- в восстановлении мира и порядка на Украине. В частности, Евросоюз рассчитывает, что Россия будет участвовать в поддержке восстановления экономики Украины⁹⁷.

Напряженная ситуация вокруг Сирии вынудила Вашингтон начать процесс объединения сирийских подходов с Россией. 27 февраля 2016 г. вступила в силу резолюция Совета Безопасности ООН о прекращении всех военных действий

⁹⁷ «Дипломат надеется, что Россия поддержит украинскую экономику», РИА «Новости», 11 апреля 2014 г., <http://www.ria.ru>.

в Сирии, включая военные операции России и коалиции, возглавляемой США. За этими действиями последовал визит бывшего Госсекретаря Джона Керри в Москву в июле 2016 г. с целью обсудить координацию единой тактики по Сирии. США и Россия объявили о заключении предварительного соглашения по координации авиаударов против Исламского Государства и Фронта Нусра, филиала Аль Кайды в Сирии.

Однако предпринятые попытки наладить конструктивное партнерство США и России по Сирии не дали ожидаемого результата. Подходы сторон продолжают отличаться в вопросах дифференциации радикальных групп и так называемой умеренной оппозиции. Неудача взаимопонимания в сотрудничестве по Сирии обернулась почти полным выводом сил США из Сирии осенью 2016 года. Последующее углубление ирано-российского военного партнерства в Сирии, усиленное в конце того же года присоединением к альянсу Турции, содействовало сохранению напряжения в двусторонних отношениях.

В частности, 29 декабря 2016 г. президент Владимир Путин издал указ о сокращении российских войск в Сирии, что совпало с началом прекращения огня при содействии Турции и России. Обе страны, каждая в отдельности, обвинили Соединенные Штаты в поддержке тех, кого они относят к «террористическим группам» — Исламское Государство и курдские группы. Мария Захарова, спикер внешнеполитического ведомства России, отметила, что политические перемены, предусмотренные в ежегодном законопроекте по оборонной политике и утвержденные бывшим президентом США Бараком Обама 23 декабря, приведут к тому, что оружие в конечном счете попадет «в руки джихадистов, с которыми длительное время сотрудничала мнимая ‘умеренная’ оппозиция»⁹⁸.

Одновременно Россия и Турция выдвинули резолюцию Совета Безопасности в пользу российско-турецко-иранских соглашений по Сирии. ООН одобрила их усилия и 31

⁹⁸ «Russia, Turkey: US Supporting Syria ‘Terrorist’ Groups», December 28, 2016, <http://www.aljazeera.com/news/2016/12/russia-turkey-syria-161228050019245.html>.

декабря 2016 года приняла Резолюцию безопасности 2336, разделяющую попытки России и Турции положить конец насилию в Сирии и запустить политический процесс. Соединенные Штаты занимали пока пассивную роль. Судя по новым ближневосточным неудачам и фактическому поражению в регионе США, ясно, что Вашингтон был не удовлетворен курсом событий.

Таким образом, американо-российские разногласия в конце срока администрации Барака Обамы только углубились и достигли уровня их милитаризации. В то же время борьба против общего врага — ИГ — оставляет дверь открытой для сотрудничества сторон.

Ирано-российские отношения

Несмотря на недовольство со стороны США, Москва и Тегеран стремятся оформить более тесное экономическое, прежде всего энергетическое и военно-политическое партнерство, не исключая создание зоны свободной торговли (ЗСТ) ЕАЭС с Ираном и расширение военного партнерства РФ и ИРИ на Каспии.

В этом смысле для двусторонних отношений важно военно-техническое сотрудничество на Каспии для противодействия потенциальным, с точки зрения российских экспертов⁹⁹, планам США сыграть на противоречиях прибрежных государств и создать базы своего влияния в Центральной Азии.

Болеетого, в ходе состоявшихся 17 августа 2015 г. переговоров в МИД РФ Россия и Иран подтвердили сотрудничество в вопросах реализации Венских договоренностей, совместного плана урегулирования обстановки в Сирии, в области мирного использования ядерной энергии и ряде экономических проектов¹⁰⁰. Дополнительно в планах России монополизация

⁹⁹ Владимир Скопирев, «Барьеры на пути сотрудничества России с Ираном сняты», *ng.ru*, 18 сентября 2015 г., <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1439934660>.

¹⁰⁰ Сергей Лавров, «Переговоры с Джавадом Зарифом были весьма содержательными», *Iran.ru*, 18 августа 2015 г., http://www.iran.ru/news/analytcs/98211/Sergey_Lavrov_Peregovory_s_Dzhavadom_Zarifom_byli_vesma_soderzhatelnymi.

газового сотрудничества с Ираном. С этой целью Москва готовилась выделить Ирану займ в 7—8 миллиардов для финансирования совместных проектов¹⁰¹.

Существенную роль в отношениях Москвы и Тегерана играет и обстановка в Сирии.

Для Москвы стабильность Сирии играет приоритетную роль в деле защиты национальной безопасности и сохранения геополитического статуса на Ближнем Востоке, также в определенной мере в обеспечении энергетической стратегии России. Нестабильность Сирии с потенциалом расширения деятельности радикальных группировок на российский мусульманский Кавказ и центральноазиатский регион представляет реальную угрозу для территориальной целостности и стабильности России.

Иранские интересы в Сирии также связаны с геополитической и национальной безопасностью. Сирия относится к приоритетным для Тегерана исламским странам с тесными историко-культурными взаимосвязями. Поэтому с точки зрения безопасности сирийский вопрос для Ирана взаимоувязан с палестино-израильской и иракской проблемами. В этом смысле Тегеран заинтересован в сохранении своего традиционного шиитского союзника в регионе — режима Башара Асада. Не менее важную роль играет Сирия и в построении долгосрочных отношений с Турцией в сфере экономики и безопасности.

Исходя из этих соображений, осенью 2015 г. Россия и Иран приступили к совместным военным операциям на территории Сирии. Вопреки общим интересам, однако, стали четче проступать препятствия и разногласия Ирана и России по вопросам внешнеполитической ориентации и в подходах к региону:

1. В истории Ирана был период длительной колониальной зависимости от Великобритании и партнерства с США при иранском шахе. В настоящее время активизировались контакты со своей родиной многочисленной в США иранской

¹⁰¹ «Иран проведет переговоры по обмену газом с Россией, Туркменией и Азербайджаном», *Review.uz*, 18 ноября 2015 г., <http://review.uz/index.php/novosti-main/item/5581-iran-provedet-peregovory-po-obmenu-gazom-s-rossiej-t-urkmeniej-i-azerbajdzhanom>.

диаспоры. Кроме того, даже в период санкций сохраняются связи в образовательной сфере (ежегодно около 5 тысяч иранских студентов обучается в США). Само согласие Аятоллы Хаменеи на переговоры и возобновление сотрудничества с Западом свидетельствует о том, что даже религиозное руководство вынуждено считаться с требованиями этой быстро прогрессирующей части населения. Сегодня этот фактор довольно сильного прозападного настроения в иранском обществе не всегда безразличен России.

2. Очевидно, что слабость российской экономики и банковской системы, недостаток инвестиций и технологий также затрудняют прогресс в ирано-российских отношениях. Следует учесть внутреннюю экономическую ситуацию в ИРИ: в 2016 году темпы инфляции, по некоторым данным, составляли 12,60%, в то время как безработицы — 12,70%, темпы роста безработицы среди молодежи — 30,20%¹⁰². В случае отсутствия экономического прогресса, что связано с потоком крупных инвестиций и высокой технологии в регион, ситуация может выйти из-под правительственного контроля с учетом также нестабильного соседства (Ирак, Сирия, др.). В этом плане роль и место России в иранской внешней политике на долгосрочный период будет, очевидно, уступать научно-технологическим, инфраструктурным, логистическим и финансовым возможностям других держав.

3. В то же время перспективы решения энергетических проблем с учетом экономических трудностей России весьма сомнительны, а возможность диверсификации маршрутов доставки энергоресурсов в обход России достаточно реальна. Теоретически и практически это полностью соответствует положениям политического реализма, отражая стремление развивающихся государств к установлению политического равновесия, выгодного для всех баланса сил и интересов в регионе. Для центральноазиатских стран подобная тактика оправдана интересами внутривнутриполитической и социально-экономической стабильности, требующими безотлагательного

¹⁰² *Ieconomics*, <http://ieconomics.com/iran-inflation-rat>.

принятия решений и удовлетворения потребностей населения (безработица, миграция, наркотрафик и пр.). Более того, Иран и Россия остаются конкурентами в сфере энергетических маршрутов из регионов ЦА и Кавказа. Тегеран может использовать ситуацию в своих интересах, что подтвердилось недавней активизацией в обход России ирано-турецких отношений.

4. Что касается Сирии, то здесь также очевидно, что продолжительная война без ясно обозначенной конечной цели может привести оба государства к зависимости от других держав, что в конечном счете может внести разлад в отношениях между Москвой и Тегераном. Основной проблемой является их различное видение будущего Ближнего Востока, что влияет на выбор союзников и инструментов их политики. В то время, как Россия не столь категорична¹⁰³ в вопросе о Башаре Асаде, Иран выступает против отстранения сирийского президента от власти. С иранской точки зрения¹⁰⁴, любое решение по Сирии не должно выходить за рамки требований сирийского народа и ООН, должно координироваться с правительством Сирии и соответствовать международным законам.

5. Роль России для Ирана будет, по всей видимости, определяться степенью гарантирования Москвой региональной безопасности с учетом евро-атлантического, саудо-арабского и энергетического факторов. Однако Иран не был удовлетворен, как сотрудничеством Москвы с такими его суннитскими противниками, как Турция и Саудовская Аравия, так и стремлением поддерживать диалог с США и Евросоюзом.

6. Изначально иранские консерваторы не приемлют идею вовлечения США в процесс урегулирования сирийского кризиса. Они неоднократно подчеркивали, что отношения с Америкой будут ограничены лишь вопросом ядерной програм-

¹⁰³ «Russia Calls for a New Syrian Constitution», November 11, 2015, <http://www.worldaffairsjournal.org/content/russia-calls-new-syrian-constitution>.

¹⁰⁴ Амир Абдоллахьян, «Венские переговоры по Сирии были конструктивными», *IRNA*, 8 декабря 2015 г., <http://www3.irna.ir/ru/News/2988740/>.

мы. Россия, напротив, несмотря на сложные отношения с Западом, активна в диалоге по Сирии под руководством западных стран.

7. На деле Иран оказался между молотом и наковальней. С одной стороны, необходимо балансировать американское присутствие дальнейшим развитием ирано-российских отношений. Тем более, что разногласия с США носят устойчивый, долговременный характер. С другой, серьезной настрой на заключение с «шестеркой» окончательного соглашения по ядерному доюзе в духе win-win, то есть так, чтобы это стало выигрышным как для Ирана, так и всех стран, участвующих в переговорном процессе. Не случайно президент ИРИ Хасан Рухани подчеркивает¹⁰⁵, что его правительство будет улучшать отношения Ирана со всеми странами мира на основе принципов взаимного уважения и защиты взаимных интересов. Более того, в Тегеране подчеркивают, что на Западе «могли бы найти в Тегеране подходящего партнера, если «скорректировали» бы свою политику на Ближнем Востоке»¹⁰⁶.

Вопреки серьезным препятствиям, два наиболее весомых фактора: географическая близость и стремление консервативных кругов ИРИ и РФ к поддержанию стратегического противовеса политике глобальной державы будут, по всей видимости, и дальше определять ирано-российское партнерство. Тем более, что в силе остаются коренные противоречия духовно-идеологических основ политических систем Запада и Востока, нынешнего исламского режима в Тегеране и подходов, так называемых американских «ястребов».

В этих противоречивых условиях Иран, с одной стороны, не отвергает «помощь крупных держав», в частности, России и Китая; с другой, стремится к «достижению модели прочной безопасности, возможно, исключительно при условии

¹⁰⁵ «Рухани: Иран будет развивать связи со всеми странами мира», *Iran.ru*, 25 марта 2014, http://www.iran.ru/news/politics/93024/Rouhani_Iran_budet_razvivat_svyazi_so_vsemi_stranami_mira.

¹⁰⁶ «How Paris Attacks have Strengthened Iran's Position over Syria», November 19, 2015, <http://www.theguardian.com/world/iran-blog/2015/nov/19/paris-attacks-iran-strengthen-rouhani-isis-assad>.

активного участия региональных держав»¹⁰⁷. Под этим, по-видимому, подразумевают, прежде всего, центральноазиатские государства. При этом огромной остается роль России, Китая и ШОС.

Украинский фактор

Непримиримые на сегодняшний день подходы по Украине фактически замораживают до неопределенного времени российско-европейские отношения, а с ними и жесткие санкции, установленные ЕС и США против России.

Наряду с этим, объективная экономическая взаимозависимость России и ЕС может в перспективе привести стороны к более сбалансированному конструктивному сотрудничеству с вовлечением в них ИРИ.

Так, Россия — третий по величине торговый партнер ЕС, на долю которого в 2013 г. приходилось 9,5% внешней торговли Европейского Союза, около 7% всего экспорта товаров из ЕС и 12% всего импорта ЕС.¹⁰⁸ Россия на треть удовлетворяла потребность ЕС в нефти и природном газе, почти на четверть — в угле и нефтепродуктах¹⁰⁹.

Неудивительно, что принятие жестких мер против России — процесс довольно сложный и неоднозначно трактуемый в самой Европе. Для России главным в этой ситуации является «сохранить не поврежденными существующие экономические и политические отношения с Европой и не оттолкнуть от себя

¹⁰⁷ Мехди Санай, «Выступление его превосходительства господина Лариджани, председателя парламента Исламской Республики Иран на заседании дискуссионного клуба «Валдай» в городе Сочи», Facebook post, https://www.facebook.com/SanaiMehdi/posts/179321119077170?notif_t=notify_me.

¹⁰⁸ «Саммит ЕС — Россия: статистика по торговле товарами между ЕС 28 и Россией», 24 января 2014 г., http://eeas.europa.eu/delegations/russia/press_corner/all_news/news/2014/20140124_ru.htm.

¹⁰⁹ Владимир А. Чижов, «Россия и Европейский союз — 20 лет спустя», *Международная жизнь*, июнь 2014 г., <http://www.russianmission.eu/en/node/1378>.

никого другого в мире»¹¹⁰. Возможный ущерб от разрыва связей будет намного превышать текущие проблемы в российско-европейских отношениях.

Следует учесть и различия в подходах ЕС и США по Ирану, формирование сети транспортно-трубопроводных маршрутов из Центральной Азии, большинство из которых ориентировано на достижение рынков ЕС и не исключает участия в них России.

С другой стороны, ущерб ЕС в 2014-2015 годах от введения санкций против РФ оценивался в €90 млрд¹¹¹. В целом, это небольшая сумма, но она непропорциональна для восточно-европейских государств и других членов ЕС, вовлеченных в отношения с Москвой. В любом случае некоторые представители ЕС призывали к изучению сотрудничества с Евразийским экономическим союзом¹¹². Однако Евросоюз предпочитает поддерживать отношения с Евразийским экономическим союзом в качестве уполномоченного представителя в отношениях с Россией. ЕС полагает, что внутри этой организации будут действовать более жесткие нормы, по сравнению с функционирующими в двусторонних отношениях с Россией.

Стоит напомнить, что в будущем Иран намеревается разделить общее экономическое пространство с Евразийским союзом. Тем временем, ирано-российские и ирано-центрально-азиатские отношения будут, очевидно, зависеть от исхода нынешнего кризиса в российско-европейских отношениях. В этих обстоятельствах очень важна умело выстроенная прагматическая и взаимовыгодная политика России и США, компромисс и координация их действий с другими внешними акторами, в первую очередь, с Ираном, в сфере безопасности и экономики.

¹¹⁰ «Россия, Европа и США — кто разрубит Украинский узел?», *antiterrortoday.com*, 1 июля 2014 г., <http://antiterrortoday.com/ru/analitika-doklady/analitika/4643-rossiya-evropa-ssha-kto-razrubit-ukrainskij-uzel>.

¹¹¹ «Лавров: важно, чтобы в ЕС здравый смысл взял верх над «ястребиными» настроениями», *ТАСС*, 17 сентября 2014 г., <http://itar-tass.com/politika/1447390>.

¹¹² «Чижев: резолюция Европарламента критична по отношению к России», *ТАСС*, 18 сентября 2014 г., <http://itar-tass.com/politika/1452099>.

В ближайшее время не стоит ожидать резких перемен курса Запада к Москве. Но это не исключено в среднесрочной перспективе.

2.4. КИТАЙ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ВОКРУГ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Общие предпосылки и тенденции до 2006 года

Влиятельным актором в Центральной Азии, роль которого постепенно и устойчиво возрастает, является Китай, вынужденный соразмерять свои интересы с состоянием ирано-американских отношений, что влияет в определенной мере на реализацию долгосрочных региональных планов Пекина.

Помимо экономических интересов, усилия Пекина направлены на предотвращение сотрудничества террористических групп в исламских странах с сепаратистскими группами в китайском Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Борьба против религиозного экстремизма не исключает развития отношений с Ираном, что демонстрирует прагматизм и гибкость китайской политики. На данном этапе Иран рассматривается Пекином скорее в качестве экономического, нежели политического конкурента в Центральной Азии, что основывается на понимании нынешних стратегических возможностей Тегерана и осознании факта несовместимости политических режимов Ирана и стран региона ЦА.

Для центральноазиатских стран роль Китая и Ирана имеет большое значение в качестве возможного противовеса притязаниям других геополитических сил; их потенциала в борьбе против региональных угроз безопасности; доступности и близости их рынков; роли этих стран в качестве важных транзитных маршрутов для поставок центральноазиатских товаров на международные рынки.

Иранская стратегия США и Китай

Основным препятствием для успешного развития ирано-китайского партнерства в Центральной Азии является иранская стратегия США, препятствующая крупным инвестициям

и активному участию в крупномасштабных проектах с вовлечением Ирана. В частности, Соединенные Штаты остро реагируют на ирано-китайские соглашения в атомной области. Под давлением США двустороннее сотрудничество в этой сфере приостановлено в 1999 г. Однако некоторые китайские компании не раз подвергались санкциям¹¹³. Пекин воспринимает всесторонние санкции в международной политике контрпродуктивными и допускает мирное использование ядерной программы, так как не видит опасности со стороны нынешнего политического режима в Иране. Однако это не соответствует интересам США, склонным сменить, по мере возможности, текущий иранский режим.

С другой стороны, Китай участвует в попытках США ограничить возможности ИРИ в развитии ядерного оружия. Очевидно, такой подход предпринимается, как с целью не допустить изоляцию Китая на международной арене и сохранить его основных экономических партнеров — США и ЕС, так и под давлением таких региональных стейкхолдеров, как Саудовская Аравия.

В то же время Китай обходит введенные санкции в проектах особой экономической важности для страны. В частности, сохраняя право проложить трубопровод через территорию Ирана к Персидскому заливу, Пекин дает понять, что озабочен в целом не американскими санкциями, а только экономическим аспектом бизнеса. В целом, антииранские санкции до последнего времени обеспечивают Пекин возможностью без каких-либо препятствий усилить свои позиции в Центральной Азии.

Однако в условиях чрезмерного затягивания ирано-американской конфронтации и санкций против Тегерана Китай не может реализовать свои стратегически важные проекты. Пекин исходит из того, что в обозримом будущем экономические трудности Ирана не позволят ему стать сильным соперником Пекина. Напротив, он может стать полезным партнером в

¹¹³ «Chinese Firms Punished over Iran», *BBC news*, January 18, 2005, <http://www.bbc.com>; Bilefsky Dan, Sanger E. David, «Europeans Criticize U.S. Sanctions as Potential Risk to Iran Talks», *The New York Times*, International Herald Tribune, December 29, 2005.

вопросах противодействия региональной политике США. Поэтому с точки зрения экономики и безопасности Китай бойкотирует¹¹⁴ с 2010 года любое продление экономических санкций против Ирана на уровне Министерства иностранных дел и совместно с Россией. Ясно также, что Пекин против любого военного вмешательства в регион Ближнего Востока, поскольку это резко ограничит поток энергоресурсов из региона, будет содействовать распространению религиозного экстремизма и насилия вблизи китайских границ и на территории страны (СУАР).

В то же время иницилируемая Москвой идея Евразийского экономического союза под эгидой России рассматривается в Пекине как попытка интеграции, противоречащая интересам Китая в Центральной Азии. Китайские эксперты придерживаются компромиссной формулы решения проблем региональной безопасности в Центральной Азии. Они считают, что различные подходы не являются взаимоисключающими, могут быть объединены в одну целостную стратегию и опираться на позитивные стороны партнерства, взаимопонимание и доверие, исключать конфронтацию и «игру» ведущих держав. В этом контексте американо-китайское сотрудничество может быть полезным. Данное партнерство Пекин стремится уравновесить более тесным сотрудничеством ОДКБ и ШОС.

Ирано-китайское партнерство

Приход к власти Сейида Мохаммада Хатами и его концепция Диалога цивилизаций в значительной степени способствовало росту взаимопонимания как между государствами ЦА и Ираном, так и между Ираном и Китаем. Стимулом для активизации ирано-китайского сотрудничества в регионе становится и международная антитеррористическая кампания, последовавшая за сентябрьскими событиями 2001 г.

¹¹⁴ «Китай не хочет поддерживать санкции против Ирана», 10 февраля 2010 г., <http://www.inozpress.kg/news/view/id/15059>; Очередная прессконференция 2 февраля 2010 г. у официального представителя МИД КНР Ма Чжаосыуа, 02 февраля 2010 г., <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdh/t656077.htm>.

Двусторонние отношения постепенно высвобождаются от каких-либо политических соображений, связанных с иранской ядерной программой или экономическими санкциями против Тегерана. Очень скоро Китай становится третьим торговым партнером Ирана в Азии и четвертым в мире. Основное внимание в диалоге уделяется сотрудничеству в нефтяной сфере. Сырая нефть составляет 98% иранского экспорта в Китай, благодаря чему Иран обеспечивает 18% китайских потребностей в импорте данного сырья¹¹⁵.

Одновременно Пекин и Тегеран заинтересованы во взаимоприемлемом балансе отношений с Россией (для КНР — также с США) и формировании предпосылок для дальнейшего развития отношений с центральноазиатскими государствами, что предусматривает активное участие ИРИ и КНР в энергопроектах Центральной Азии и в строительстве транспортных коридоров.

Существенна роль Ирана в реализации китайских энергопроектов в Центральной Азии и в развитии транспортных магистралей с участием государств региона, сеть которых через территорию Китая и Ирана снижает зависимость Пекина от американского рынка и предоставляет альтернативный выход на мировые рынки для государств ЦА. В частности, в декабре 2005 был открыт трубопровод длиной в 1000 км, соединивший Казахстан с Китаем. Это первый центральноазиатский экспортный маршрут, проложенный в обход российской территории. Иранский проект Шелкового пути предполагает возможность энергетического транзита через территорию Казахстана в Китай, иранские судоходные линии на Каспийском море объединяют порты Энзели и Нау Шахр в Иране и Эктау в Казахстане. С целью защиты от потенциальной блокады энергетических поставок из Ближнего Востока Китай придает большое значение «второму евразийскому мосту» через Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и Иран в Европу.¹¹⁶

¹¹⁵ М. Тулиев, «Состояние и перспективы развития ирано-китайских отношений», 20 ноября 2003 г., <http://www.iimes.ru/rus/stat/2003/20-11-03.htm>.

¹¹⁶ *In Kazakhstan Oilfields*, January 21, 2004, <http://www.eurasianet.org>.

Проект, предполагающий проведение железной дороги Кашгар — Ош — Андижан рассматривается Китаем как часть данного «моста»¹¹⁷. Тем временем Иран координирует строительство железнодорожного коридора Китай — Ближний Восток — Европа.

В то же время Пекин активизирует вопрос объединения государств ЦА в рамках ШОС и углубляет с ними торгово-экономические отношения. В частности, китайско-узбекский товарооборот в 2003 г. составил \$347 млн, что вдвое больше, чем в 2002. Одновременно Пекин выделил центральноазиатским партнерам по ШОС по \$900 млн кредита для реализации экономических проектов¹¹⁸.

Кроме того, Китай пытался сформировать энергетический клуб Азии, согласно решению саммита ШОС в Душанбе 15 сентября 2006 г. Подобные тенденции не безразличны и Тегерану, что отражается в его стремлении присоединиться в будущем к рядам ШОС.

Таким образом, усилия Китая направлены на обеспечение своей территориальной и приграничной целостности, поиск путей достижения взаимоприемлемого баланса в отношениях США-РФ, а также на создание предпосылок для дальнейшего развития отношений с регионом ЦА. Последнее предполагает активное участие в центральноазиатских энергопроектах, жизненно важных для растущих энергопотребностей КНР, и в строительстве транспортных коридоров, соединяющих Китай с европейскими и азиатскими рынками.

Многое в развитии рассмотренных геополитических тенденций зависит от уровня взаимоотношений США и ИРИ. Так, до явной активизации политики КНР в регионе ЦА в 2004 г. стратегическое партнерство США-РФ было основано на противодействии угрозе международного терроризма. Однако продолжение ирано-американской конфронтации послужило благоприятной почвой для формирования таких альянсов, как Россия — Китай, Иран — Россия, и трехсторонних союзов

¹¹⁷ Ахат Ходжаев, *Китайский фактор в Центральной Азии*, (Ташкент: Фан, 2004), 78.

¹¹⁸ Виктор Абатуров, «Ташкентский саммит в развитии сотрудничества», *Экономическое обозрение*, № 6, (58), 2004, 24—25.

типа РФ — ИРИ — КНР, направленных против региональной стратегии США.

2007 — январь 2017

В эти годы Китай пытается сохранить приемлемый баланс интересов и сил между США и Россией, что необходимо для продвижения стратегии Одного Пояса и Одного Пути.

В этом смысле главными внешнеполитическими векторами Пекина являются государства ЦА и Иран. При этом Пекин вынужден учитывать соответствующие стратегии США и России.

Центральная Азия

Экономический кризис в России и Европе, занятость США своими внутренними и внешними проблемами предоставляют Пекину шанс постепенного усиления своих позиций в Центральной Азии. Китай стремится на деле возглавить важные региональные процессы как в рамках ШОС, так и на двустороннем уровне.

Так, в начале 2015 года министр иностранных дел КНР Ван И официально заявил, что центром внешней политики КНР будет концепция «Один Пояс — Один Путь», согласно которой КНР планирует экономический путь от Китая к Европе через всю Евразию. Для реализации проекта Пекин учредил Фонд Шелкового пути объемом \$40 млрд., а также Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, на который выделено 50 млрд долларов. Согласно планам, эти средства будут использованы для строительства железных дорог, портов, необходимой инфраструктуры и развития экономических и культурных отношений между странами Шелкового пути и КНР¹¹⁹.

15 февраля 2016 года в Тегеран прибыл первый транзитный железнодорожный состав из Китая через Казахстан и Туркменистан.

В рамках новой внешнеполитической стратегии Пекина стремительно возрастает роль Узбекистана в качестве источника и транзитной страны в деле реализации китайских транспортно-транзитных и энергетических проектов в Центральной

¹¹⁹ «Новый шелковый путь: как КНР изменит экономическую карту мира», 2 марта 2016 г., <http://rusnext.ru/economy/1456861013>.

Азии. К ним относятся, например, проект строительства железной дороги Китай — Кыргызстан — Узбекистан и строительство трубопровода «Центральная Азия — Китай». Совокупный объем китайских инвестиций в узбекскую экономику составил более 6,5 миллиардов долларов, в то время как двусторонняя торговля составила в 2015 году 4,1 миллиарда¹²⁰. По мнению местных экспертов, Узбекистан, не связанный с Россией интеграционными обязательствами, как никто другой подходит на роль ключевого регионального партнера в вопросах урегулирования внутриафганских проблем.

Однако центральноазиатские страны осторожны в отношениях с Китаем. К примеру, Ташкент воздерживается от интенсивных контактов в рамках ШОС и выступает против предлагаемой Пекином инициативы о зоне свободной торговли.

При всей своей позитивной нацеленности на решение социально-экономических проблем и вопросов региональной безопасности ОПОП на деле означает попытки реструктуризации ближайшего соседства в интересах Китая. Как заметил китайский ученый Йян Пенг, «Китай должен использовать возможность трансформировать не оправдывающие себя международные механизмы ... включая международные или региональные организации, режимы и законы»¹²¹.

Существуют и такие барьеры, как трудности для Пекина одновременно наладить отношения с центральноазиатскими странами, Россией и США; культурные и ментальные различия между КНР и центральноазиатскими странами; конкуренция между ОПОП и ЕАЭС; отсутствие конкретного наполнения ОПОП¹²².

¹²⁰ «Китай выделит Узбекистану 2,7 миллиардов долларов», 30 июня 2016 г., <https://www.gazeta.uz/ru/2016/06/30/china/>.

¹²¹ Pei Minxin, «How China and America See Each Other and Why They are on a Collision Course», *Foreign Affairs*, March/April 2014 issue, <http://www.foreignaffairs.com/articles/140755/minxin-pei/how-china-and-america-see-each-other>.

¹²² Константин Л. Сыроежкин, «Концепция ОПОП и ее влияние на отношения с государствами Центральной Азии», материалы межд. семинара «Вызовы и возможности для экономической энергетической интеграции Северо-Западной Азии: перспективы для Кореи», Алматы, 22 мая 2015 г.

Большинство проблем в этом ряду в принципе разрешимы или уже находятся на стадии их решения. Наиболее важным препятствием, однако, останутся культурные различия. Исторически, при всех тесных контактах тюркский и конфуцианско-буддийский мир никогда не сливались в единое целое. На данном этапе этому будет способствовать диверсификация внешнеполитических предпочтений центральноазиатских стран. Роль Китая в возникающей системе международных отношений будет таким образом сводиться к роли государства-балансира.

Иран

Иран заинтересован в экономическом сотрудничестве с Китаем. Существенную роль при этом играют их совместные усилия тесно координировать свою политику в вопросах строительства Шелкового пути XXI века. Маршрут поставок китайской продукции через территорию Ирана соответствует интересам всех трех сторон — Китая, стран ЦА и Ирана, так как это приведет к росту их внешней торговли и сделает Иран связующим звеном, объединяющим Центральную Азию с внешним миром. Особую значимость для всех сторон имеет потенциальная помощь Китая в решении общих проблем региональной безопасности.

В этой связи оба государства придают большое значение развитию торгово-экономических связей. В частности, после снятия санкций в январе 2016 года Китай, наряду с Индией, остается ведущим импортером иранской нефти. В 2017 году ожидалось, что китайские фирмы будут ежеквартально получать на 3—4 миллиона баррелей больше иранской нефти, чем за предыдущий год¹²³. Объем двусторонней торговли постоянно возрастает, с \$500 млн в первые годы после исламской революции в Иране до \$27 млрд в последние

¹²³ Chen Aizhu, «China's Iran Oil Imports to Hit Record on New Production: Sources», January 05, 2017, <http://www.reuters.com/article/us-china-iran-oil-idUSKBN14P15W>.

годы¹²⁴. За 10-месячный период 2016 года Китай импортировал 6,54 миллиардов долларов и экспортировал в Иран нефтяные товары на сумму в 8,4 миллиардов долларов¹²⁵. В то же время Иран намеревается построить стратегически важный центр по экспорту нефтехимических товаров в регионе порта Чабахор. Близость Чабахора к рынкам Китая и Индии делают его особенно привлекательным для географически изолированных государств ЦА.

Для закрепления достигнутого успеха 22—23 января 2016 года в ходе визита в Иран Председатель КНР Си Цзиньпин, обсуждая план двустороннего стратегического сотрудничества на следующие 25 лет, подписал 17 двусторонних соглашений в различных сферах. В ближайшее десятилетие товарооборот между странами планируется увеличить до 600 миллиардов долларов. Однако эксперты обращают внимание на то, что до приезда в Иран председатель КНР Си Цзиньпин посетил и Саудовскую Аравию, где китайская и саудовская стороны договорились об установлении всестороннего стратегического партнерства¹²⁶.

Достаточно ясно, что Пекин стремится в интересах безопасности и экономической выгоды способствовать конструктивному сотрудничеству Тегерана и Эр-Рияда и снижению уровня их противостояния. Обе страны важны с энергетической точки зрения. И ОПОП возможен только в условиях мира и стабильности.

¹²⁴ «Иран и Китай обладают достаточным потенциалом для дальнейшего дружественного сотрудничества», *Iran.ru*, 31 июля 2014 г., http://www.iran.ru/news/economics/94234/Iran_i_Kitay_obladayut_dostatochnym_potencialom_dlya_dalneyshego_rasshireniya_dvustoronnego_sotrudnichestva.

¹²⁵ «Iran's Non-Oil Foreign Trade Turnover Tops \$ 70», January 23, 2017, <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/57992/irans-non-oil-foreign-trade-turnover-tops-70b>.

¹²⁶ Сейид Мохаммад Амин-Абади, «Кто стратегический союзник Китая на Ближнем Востоке: Иран или Саудовская Аравия?» (نیچے درج کردہ اہم ترین ممالک کے ساتھ ایران اور سعودی عرب کے درمیان کے تعلقات کا جائزہ لیتے ہوئے)، *Iran.ru*, 3 марта 2016 г., http://www.iran.ru/news/analytics/100289/Kto_strategicheskij_soyuznik_Kitaya_na_Blizhnem_Vostoke_Iran_ili_Saudovskaya_Araviya.

Ирано-китайское партнерство во многом зависит от региональной политики России и Китая.

Россия

Россия продолжает оставаться основным евразийским партнером Китая. В частности, в 2014 году товарооборот между двумя странами приблизился к 100 миллиардам долларов, однако тенденция с этого момента пошла на спад. Согласно китайским оценкам, в первые три квартала 2016 года объем товарооборота насчитывал лишь немного выше 50 миллиардов долларов¹²⁷.

В то же время с осуществлением некоторых китайских проектов в Центральной Азии, в частности, железнодорожного маршрута Китай — Туркменистан — Казахстан, Москва опасается, что проект ОПОП может проходить через всю Евразию, даже не заходя на территорию России. Таким образом, Россия может быть отрезана от маршрутов Шелкового пути. Пекин же в ответ заверяет, что «Китай — это рынок, который поглотит все, что Россия ни предложит»¹²⁸. Активность Китая в Центральной Азии объясняется тем, что он стремится обеспечить себе гарантированные поставки энергоресурсов, в то время как Россия в достаточной степени не удовлетворяет его потребности.

В последние годы заметно определенное сближение Индии с союзом Россия — Иран — Китай. Это тройственное сотрудничество генерирует идею стратегического союза Иран — Китай — Россия и Индия, координацию и взаимодействие между ШОС и БРИКС¹²⁹. Однако российско-украинский конфликт

¹²⁷ Catherine Putz, «China and Russia Aim to Increase Trade Turnover to \$ 200 Billion by 2020», November 08, 2016, <http://thediplomat.com/2016/11/china-and-russia-aim-to-increase-trade-turnover-to-200-billion-by-2020/>.

¹²⁸ Владимир Скосирев, «Си Цзинпин прокладывает новый Шелковый путь», *Ng.ru*, 22 января 2016 г., http://www.ng.ru/world/2016-01-22/1_china.html.

¹²⁹ БРИКС — группа, состоящая из пяти государств — Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка.

существенно снижает ведущую роль России в данном союзе, по крайней мере, в обозримом будущем. Возможная консолидация этих организаций способна лишь усилить роль Китая в Центральной Азии при поддержке динамично развивающегося Ирана.

В частности, в ходе четвертого саммита по взаимодействию и выработке мер доверия в Азии, прошедшем в Шанхае в мае 2014 г., Председатель КНР Си Цзинпин подчеркнул необходимость формирования новой региональной архитектуры безопасности¹³⁰. Альянс в сфере безопасности между Ираном, Китаем и Россией, усиленный в будущем партнерством с другими азиатскими странами, позволит, согласно мнению этих государств, защищать их интересы в процессе взаимодействия с США и ЕС. В этой связи российские эксперты¹³¹ обосновывают новые формы сближения с Тегераном с предоставлением ему полноправного членства в ШОС и права присоединения к БРИКС. Однако есть ряд факторов, свидетельствующих о маловероятности развития подобной тенденции.

Во-первых, в Москве сегодня нет особого оптимизма по поводу будущего ирано-российского сотрудничества¹³².

Во-вторых, сохраняется достаточный потенциал конкуренции Москвы и Пекина в Центральной Азии.

В-третьих, между государствами-членами БРИКС нет единства для консолидации этой организации, что осложняется доминирующим финансовым положением в этом союзе Китая. Так, из \$100 млрд первоначального пула Китай внес \$41 млрд, в то время как Бразилия, Россия и Индия каждая по отдельности

¹³⁰«Iran-Russia-China Alliance US Nightmare: Academic», <http://www.presstv.com/detail/2014/05/22/363702/us-fears-iranrussiachina-alliance/>, May 22, 2014.

¹³¹ Владимир Алексеев, «О вступлении Ирана в ШОС и БРИКС», *Iran.ru*, 21 июля 2014 г., http://www.iran.ru/news/analytics/94170/O_vstuplenii_Irana_v_ShOS_i_v_BRIKS.

¹³² Владимир Ефимов, «Могут ли Россия и Иран стать стратегическими партнерами?», *Iran.ru*, 14 июня 2014 г., http://www.iran.ru/news/analytics/94124/Mogut_li_Rossiya_i_Iran_stat_strategicheskimi_partnerami.

внесли только \$18 миллиардов¹³³, что уже создает основу для будущего асимметричного развития организации.

Тем не менее, это не снижает значения более тесного регионального партнерства в интересах безопасности и развития.

В этой связи во время саммита ШОС в Уфе (2015 г.) российский Президент Владимир Путин предложил совмещение двух проектов — Евразийского экономического союза и китайского варианта Шелкового пути, что будет представлять собой логистическое и транспортное объединение с целью модернизации инфраструктуры Центральной Азии за счет китайских инвестиций. В случае прогресса российско-китайское сотрудничество может привести не только к коренной трансформации Центральной Азии, но потенциально изменить весь азиатско-тихоокеанский регион, чего опасается Запад¹³⁴.

С этой целью Россия не исключала в тот период подготовку соглашения о будущем континентальном партнерстве ЕАЭС и ШОС. На данном этапе, однако, маловероятно, чтобы Китай был заинтересован в усилении своего потенциального соперника. России придется столкнуться с жесточайшей геэкономической конкуренцией, что не исключает в интересах безопасности формирование предпосылок к будущему многостороннему партнерству.

На наш взгляд, однако, два основных фактора: историко-культурная и демографическая близость, и международный терроризм будут в конечном итоге способствовать постепенному преодолению имеющихся на сегодняшний день барьеров между Россией и центральноазиатскими странами и содействовать в долгосрочной перспективе консолидации ЕАЭС, континентальному партнерству ЕАЭС с ШОС. В усло-

¹³³ Екатерина А. Шарова, «Основные итоги VI саммита БРИКС. Экономические аспекты», *Iran.ru*, 21 июля 2014 г., <http://www.riss.ru/analitika/3411-osnovnye-itogi-vi-sammita-briks#.U9hsZvnUvPR>.

¹³⁴ Митеш Мистри, «Китайский дракон и русский медведь хорошо уживаются вместе в Центральной Азии», 18 августа 2015 г., <https://www.the-newshub.com/politics/chinese-dragon-and-russian-bear-stand-together-in-central-asia>, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1439893440>.

виях хронической нестабильности на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, возрастающих угроз со стороны ИГ и других радикальных формирований, для центральноазиатских государств и России жизненно важным приоритетом становится решение внутренних неотложных социально-экономических проблем, являющихся благоприятной средой для подпитки и расширения влияния террористов. В этом ракурсе консолидация регионального партнерства под эгидой держав, обладающих для противостояния этим угрозам необходимыми финансово-экономическими и военно-политическими ресурсами, жизненно важно для безопасности всего региона ЦА. Что касается реализации крупных межгосударственных проектов, в том числе ОПОП, это объективно и вполне ожидаемо. Исторически, в процессе борьбы с общими вызовами и угрозами в межгосударственном арсенале есть и пути преодоления или ограничения их тем или иным способом.

Америка

В последние годы ирано-китайское сотрудничество в экономической, военно-технической, атомной и других сферах играет на деле роль специфического китайского рычага давления на региональную политику США. Приход к власти президента Хасана Рухани и начало переговоров по ядерной программе Ирана на деле легитимизирует латентно развивающиеся ирано-китайские отношения. С другой стороны, Вашингтон также оказывает существенное давление на неугодную политику Пекина в отношении Ирана. Эти две противоречивые тенденции в отдельные периоды снижают, в другие — обостряют темпы ирано-китайского партнерства.

Так, вероятность формирования группы государств (Китай, Россия, Иран и центральноазиатские государства), объединенных в единый самодостаточный энергетический блок, явно беспокоит Запад. В качестве противодействия Вашингтон продолжает оказывать давление по иранскому вопросу. В частности, в начале 2012 г. Вашингтон ввел санкции против трех китайских фирм, обвинив их в поставках

веществ и материалов, которые могут быть использованы для производства оружия массового поражения.

Со своей стороны США сталкиваются в СБ ООН с противодействием Китая санкциям в отношении Ирана. По мнению Пекина, «санкции, принятые на двустороннем уровне, препятствуют нормальному торговому сотрудничеству других государств с Ираном»¹³⁵. Пекин использует и такой инструмент против Вашингтона как углубление военно-технического партнерства с Ираном. Так, в 2014 г. Пекин был намерен увеличить свои военные расходы более, чем на 12% и довести их до уровня \$132 млрд, что вызвало беспокойство в Соединенных Штатах¹³⁶. Летом 2013 г. Иран и Китай подписали договор по вопросам безопасности, нацеленный на подготовку совместных мер противодействия международному экстремизму и терроризму. В мае 2014 г. Китай посетил Али Багери, бывший вице-секретарь иранского Совета по национальной безопасности.

Однако Пекин учитывает роль и значение глобальной супердержавы, стратегическое партнерство с которой предотвращает вызовы национальной безопасности Китая, содействует существенному экономическому росту и территориальной целостности государства. Поэтому даже жесткие китайские консерваторы не возражают против диалога ШОС — НАТО, поскольку Пекин не заинтересован в продолжительной конфронтации с Вашингтоном. Для Соединенных Штатов стратегическое значение Китая состоит в его активном интересе к урегулированию проблем региональной безопасности и ведущей роли Пекина в ШОС. Вашингтон вынужден считаться с присутствием этой динамично развивающейся державы в Центральной Азии и примирить данный факт с региональной политикой США. Более того, Вашингтон принципиально не возражает против присутствия Пекина в каспийских проектах, учитывая растущее соперничество Пекина и Москвы в регионе

¹³⁵ «В отношениях с Ираном Китай строго выполняет только санкции ООН», 23 мая 2012 г., <http://www.vestikavkaza.ru/news/58534.html>.

¹³⁶ «Иран, Китай и оборонная специфика Шелкового пути в третьем тысячелетии», *IRNA*, 12 мая 2014 г., http://inosmi.ru/irna_ir/20140512/220199836.html.

ЦА и внутренние проблемы Китая. К тому же Китаю необходим доступ к важнейшим зарубежным рынкам, главным образом в США, чтобы обеспечить себе дальнейший экономический рост.

С другой стороны, американские отношения недостаточно стабильны, чтобы устранить ключевые санкции против Ирана, поэтому часть китайских экспертов считает необходимым примирение США и Ирана. В качестве партнера обеих сторон Китай, вынужден осторожно регулировать тройственные отношения, и воспринимает себя больше жертвой, нежели получающей выгоду стороной. В случае какого-либо конфликта интересы Пекина в поддержании стабильных энергопоставок и стабильного рынка товаров будут серьезно подорваны¹³⁷.

Исходя из этих реалий, Вашингтон и Пекин стремятся разрешить свои разногласия на различных конференциях и семинарах, в ходе всевозможных консультаций и саммитов. В условиях украинского и иракского кризисов интересы США и Китая могут быть более сбалансированы по вопросам раздела сфер интересов и образования нового мирового порядка.

Так, в процессе шестого раунда американо-китайского стратегического и экономического диалога (9—10 июля 2014, Пекин) и пятого раунда консультаций на высоком уровне США и Пекин приходят, по мнению западных экспертов, к некоторым позитивным выводам¹³⁸.

Следует добавить, что некоторые иранские эксперты не исключают возможность формирования в будущем системы региональной безопасности под эгидой ШОС и США, где ШОС мог бы играть роль посредника в партнерстве между региональными странами и Западом.

Действительно, Пекин активно поддерживает миротворческий процесс, возглавляемый США в Афганистане, включая участие в афганских переговорах с Исламабадом. Параллельно

¹³⁷ Jin Liangxiang, «The Prospect of the Iran Nuclear Issue and China — Iran Economic Relation», January 08, 2014, <http://www.chinausfocus.com/foreign-policy/the-prospect-of-the-iran-nuclear-issue-and-china-iran-economic-relations/>.

¹³⁸ Xue Junying, «Strategic Reaffirmation on China — US Relations», July 14, 2014, <http://www.chinausfocus.com/foreign-policy/strategic-reaffirmation-on-the-china-us-relations/>.

Китай увеличивает прямые инвестиции в США. По некоторым данным, в первом полугодии 2015 года они достигли рекордной суммы — \$6,4 млрд., в этот же период было заключено 88 сделок¹³⁹.

Стоит при этом обратить внимание, что американо-китайский договор о тесном сотрудничестве, включая военно-политическую сферу, запланирован в результате соглашения об ирано-китайском оборонном партнерстве в мае 2014 года.

Однако до конца 2016 года растущая мощь Пекина приходит в столкновение с планами США по формированию Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), что углубляет их давнее глобальное соперничество. С целью противостояния все еще мощным Соединенным Штатам и их потенциальным амбициям в Азии Китай ускоряет формирование Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (впервые предложено в 2012 году), которое включает девять государств — Австралию, Индию, Китай и Юго-Западные азиатские страны, но оставляет «за бортом» США. Наряду с этим, предположительно для поддержки юаня, Китай отказался стать основным кредитором министерства финансов США, сократив долю облигаций до 1,12 триллионов. И, что более важно, 2 января 2017 г. Пекин запустил первый в истории 12-километровый железнодорожный маршрут из китайской провинции Чзетзиан в Лондон. В целом, утверждают эксперты, китайско-британское партнерство охватывает 60 стран мира, что составляет около 60% населения мира, концентрирующих 75% глобальных энергетических ресурсов. Через 10 лет объем торговли вдоль образующейся трансевразийской сети может достигнуть 2,2 триллиона долларов¹⁴⁰.

В то же время Германия, ключевой поставщик передовой технологии, уже является основным европейским пунктом назначения для китайских внешних прямых инвестиций общей стоимостью в 10,8 миллиардов в первой половине

¹³⁹ «Китайцы все больше инвестируют в США», 23 сентября 2015 г., *Kommersant.ru*, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1442977740>.

¹⁴⁰ Цатурян Саркис, «США как жертва «финансовой экспансии»: Китай переводит деньги в Евросоюз», *Regnum*, 9 января 2017 г., <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1483981500>.

2016 года¹⁴¹. Американские эксперты чрезвычайно обеспокоены китайской финансовой экспансией в Старый Мир¹⁴².

Разумеется, формирование трансевразийской транспортной сети отвечает интересам центральноазиатских государств, стремящихся достичь мировых рынков с помощью альтернативных, надежных и комфортабельных маршрутов. Открываются новые возможности существенно сократить геополитическое напряжение, по крайней мере, между Россией и европейскими странами. Взаимовыгодная торговля будет позитивно влиять на экономики вовлеченных стран.

Обладая такой общественной поддержкой Англии, прагматичная и деловая администрация Дональда Трампа способна достичь некоторого прогресса в отношениях с традиционным союзником США. Тем не менее, все торговые вопросы, связанные с Европой, должны будут преодолеть определенное давление со стороны Конгресса. В этой связи ясно, что урегулирование американо-китайских отношений требует времени. В любом случае, представляется, что двусторонние торговые соглашения с ЕС и другими государствами будут преобладать в период администрации Трампа, что сможет в некоторой степени сдерживать китайские амбиции. В частности, привлечение центральноазиатских стран к более выгодным альтернативным западным проектам может частично ограничить сферу китайской активности.

По всей видимости, предстоит сложный процесс согласования позиций и условий ведения бизнеса в регионе Центральной и Южной Азии. Очевидно, что Дональд Трамп, имея собственный успешный опыт ведения крупного бизнеса и при этом отстаивая экономические и геополитические интересы США, вряд ли согласится на простое следование инициативе

¹⁴¹ Philippe Le Corre, Jonathan Pollack, «Global Rise: Can the EU and U.S. Pursue a Coordinated Strategy?», Goeconomics and Global Issues Paper 1, October 2016, <https://www.brookings.edu/research/chinas-global-rise-can-the-eu-and-u-s-pursue-a-coordinated-strategy/>.

¹⁴² Ashley Cowburn, «Brexit will be a 'Great Thing' for UK, Says Donald Trump», January 15, 2017, <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/donald-trump-brexit-the-times-interview-michael-gove-great-thing-a7528871.html>.

ОПОП. Он, безусловно, будет продвигать свои собственные условия ведения торговли и охраны маршрутов, и сдерживать Китай в торговой, финансовой и, по мере необходимости, в военной сферах. Иначе говоря, будет стремиться сохранить и упрочить лидерство США в данном процессе.

Со своей стороны, страны ЕС, в направлении которых планируется большинство центральноазиатских маршрутов, готовы признать статус рыночной экономики Китая. Однако выборы 2017 года в таких европейских странах, как Германия, Франция и Италия, и внутренний кризис в ЕС, замедляют процесс западного сближения с Китаем, а, следовательно, реализацию совместных проектов. Темпы трансформации зависят от внутренней ситуации в каждой из стран ЕС и их способности эффективно решать проблемы своего развития.

2.5. ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Общие предпосылки и тенденции до 2006 года

Турция — один из активных внерегиональных игроков в Центральной Азии, представляющих исламский мир. В отличие от ИРИ, это светское государство, придерживающееся суннитской разновидности ислама (99,8%)¹⁴³.

Страна отличается выгодным географическим положением, обладает историко-культурными, религиозными и лингвистическими связями с регионом ЦА. По этой причине Турция считает себя идеальной моделью для центральноазиатских государств.

Геополитические планы Анкары ориентированы на политическую и экономическую интеграцию Центральной Азии и Кавказа под своим патронажем, что потенциально могло бы содействовать решению внутривосточных проблем, укреплению ее статуса и влияния на международной арене. В экономическом плане турецкая стратегия предусматривает доступ своего бизнеса к энергоресурсам региона ЦА и контроль

¹⁴³ «World Factbook», Turkey Country Profile, May 08, 2017, <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/tu.html>.

над маршрутами каспийских энергоносителей. Основным инструментом реализации этих задач в Центральной Азии в 90-е годы являлся спонсируемый США проект экспортного нефтетрубопровода Баку — Джейхан.

Вместе с тем реализация турецкой геостратегии в Центральной Азии осложнялась,

во-первых, существенными расхождениями в позициях стран ЦА и Турции¹⁴⁴. Первоначальные контакты в регионе, базирующиеся на концепции пантюркизма, не принесли ожидаемых результатов в силу доминирования в этих странах сугубо прагматичной оценки своего этнокультурного «брата» и нежеланием иметь в его лице нового опекуна. Государства Центральной Азии сделали выбор в пользу развития двусторонних отношений, ограничив их преимущественно сферой культуры и образования, строительства и экономики. Сотрудничество со странами ЦА в военной области и в сфере безопасности так и не вышло за пределы учений Центразбата. Более того, негативное влияние на взаимоотношения Турции и Узбекистана, в частности, оказывают действия таких нелегальных религиозных организаций, как «Нурчи» во главе с проповедником Фетхуллах Гюленом.

Во-вторых, Турция оказалась неспособной обеспечить финансово-экономическую и политическую помощь региону ЦА, озабоченная собственными внутриполитическими проблемами и взаимоотношениями с ЕС.

В-третьих, попытки укрепить статус Анкары в регионе ЦА через такой ключевой фактор, как безопасность в Афганистане, оказались в этот период безрезультатными. Вестернизированная модель Турции не соответствует менталитету консервативно настроенного мусульманского населения Афганистана. В 2000-е годы молодые афганцы, тесно контактируя с зарубежьем, становятся все более либеральными. Однако они еще не составляют большинства в традиционном афганском обществе.

¹⁴⁴ Закир Чотаев, «Влияние Турции на развитие государств Центральной Азии», *Центральная Азия и Кавказ*, № 2(26) (2003): 88.

В-четвертых, определенным барьером на пути достижения взаимопонимания с центральноазиатскими государствами является также конкуренция между Турцией и Россией как в выборе маршрутов энергоносителей, так и во влиянии в регионе ЦА, а также решимость центральноазиатских республик строить свои отношения с западными странами без посредников.

И, наконец, Турция испытывает геополитическое давление, связанное с решением ЕС отложить прием этой страны в члены Европейского Союза. Рост антиамериканских настроений в период антитеррористической кампании и усиление исламского фактора во внутривосточной жизни страны существенно влияют на уровень взаимодоверия между Анкарой и Вашингтоном и ослабляют влияние США на внешнюю политику Турции.

Переплетение перечисленных факторов с внутривосточными проблемами в самой стране, стремление сохранить взаимоприемлемый баланс в отношениях с исламским миром в условиях глобальной антитеррористической борьбы и уязвимости самой Турции угрозе религиозного экстремизма приводят турецкий истеблишмент к переосмыслению приоритетов в политике в пользу нефтедобывающих стран Ближнего Востока.

Исламская Республика Иран — крупнейшая на Ближнем Востоке нефтедобывающая страна и влиятельный член ОИК. В этой связи в Турции придерживаются тактики, избранной еще в 1980-е годы Тургут Озалом: проявлять терпение и развивать нормальные отношения с ИРИ при условии исключения с иранской стороны экспорта исламского фундаментализма.

Несмотря на определенные разногласия, в частности, обеспокоенность Ирана военно-политическими отношениями Израиля и Турции, Анкара и Тегеран имеют общие позиции по ряду проблем региональной безопасности, включая недопущение раскола Ирака и создание курдского государства на его территории. Прагматизм внешнеполитических ведомств в Турции и Иране выражается в понимании того, что на официальном уровне они не соперники, а скорее, взаимодополняющие союзники на Кавказе и в Центральной Азии.

Постепенно битва «моделей»¹⁴⁵ уступает место трезвым политическим и экономическим расчетам. К тому же с приходом к власти в Турции происламского правительства Абдулла Гюля у Ирана и Турции появились новые возможности.

При этом становится все очевиднее, что Анкара и Тегеран ориентируются в сторону умеренной «мягкой» формы ислама в качестве инструмента, способного облегчить сотрудничество как со странами ЕС, так и со светскими государствами Центральной Азии. Новые тенденции в ирано-турецких отношениях прослеживаются и в согласовании двусторонних подходов не только к региону ЦА, но и к далеко идущим проблемам, включая установление «справедливого мира» на Ближнем и Среднем Востоке. В этом русле в ноябре 2001 г. возобновляются поставки иранского природного газа в Турцию. В 2003 г. объем железнодорожных грузоперевозок между Турцией и Ираном увеличился по сравнению с 2002 г. на 100%¹⁴⁶. Одновременно оба государства стремятся взаимодействовать и на многосторонней основе, о чем говорит, в частности, планируемое с участием Анкары строительство ирано-китайской железнодорожной магистрали через регион ЦА.

Переориентация политики Турции на Ближний Восток в немалой степени вызвана активизацией ирано-европейских контактов и нарастанием американо-европейских разногласий по ИРИ. В период действия антииранских санкций у Турции появляется шанс укрепить свои позиции в регионе ЦА. Однако растущая в обход санкций переориентация европейского капитала на Иран все больше сужает поле деятельности турецкого бизнеса и сокращает шансы на самокупаемость жизненно важного для Турции проекта Баку — Джейхан. В ус-

¹⁴⁵ Нурмухаммад Наврузи, «Столкновение Ирана и Турции в Центральной Азии», *Центральная Азия и Кавказ*, № 29 (Весна, 2000): 113–142; Хосейн Касеми, «Турция и Кавказ: опасения за региональную безопасность», *Аму-Дарья* № 15 (Тегеран, Осень-Зима 2004): 116–131.

¹⁴⁶ «Железнодорожники Ирана и Турции развивают двустороннее сотрудничество», *IRNA, Iran.ru*, 12 июля 2004 г., http://www.iran.ru/news/politics/22043/Zheleznodorozhniki_Irana_i_Turcii_razvivayut_dvustoronnee_sotrudnichestvo; «Iran vibrat turetskii marshrut postavok gaza v Evropu», *Нефтегазовая вертикаль*, 30 июля 2004 г., <http://www.ngv.ru/lenta>.

ловиях, когда санкции против Ирана постепенно утрачивают свою силу, Турция может окончательно потерять центрально-азиатский рынок — государства ЦА все больше ориентируются в реализации своих энергопроектов на евразийские державы и ЕС. В такой ситуации сотрудничество с Западом по-прежнему остается приоритетом внешней политики Анкары. Этому способствует и прямое давление со стороны администрации Буша, озабоченной сближением Ирана и Турции¹⁴⁷.

Тем не менее, комплекс политико-экономических факторов, включая исламский, определяет рост проиранских предпочтений Турции. В частности, согласно результатам статистических опросов¹⁴⁸, показатель барометра отношений Турции с США снизился с 28 в 2004 г. до 20 в 2006 г., с Европейским Союзом — с 52 до 45, в то время как с Ираном поднялся от 34 до 43.

В то же время союзнические отношения Анкары с Вашингтоном ограничивают ее взаимоотношения с Тегераном. Строительство трубопровода Баку — Джейхан существенно сдерживалось продолжением американо-европейских разногласий по Ирану и связанным с этим недостаточным инвестированием проекта со стороны ЕС. Тем временем Анкара стремится не осложнять отношений с ключевым каспийским игроком и экономическим партнером — Россией. Более того, в военно-политических кругах Турции все в большей степени рассчитывают на сотрудничество с евразийскими государствами, в том числе с РФ, в деле ослабления потенциальной нестабильности в Центральной Азии. Этому способствует подписанный 16 ноября 2001 г. МИД России и Турции План действий по развитию сотрудничества между РФ и Турцией в Евразии.

Таким образом, с началом антитеррористической кампании 2001 года контуры новой турецкой стратегии в Центральной Азии принимают все более отчетливый характер. С одной стороны, она явно ориентирована на дальнейшую консолидацию

¹⁴⁷ «U.S. Threatens to Boycott Turkish Companies Cooperating with Iran», *Tehran Times*, February 08, 2004, «Polls: Americans, Europeans Share Increased Fears of Terrorism».

¹⁴⁸ «Polls: Americans, Europeans Share Increased Fears of Terrorism».

партнерства с евроатлантическим союзом и развитие многопланового сотрудничества с Россией, а с другой — на укрепление статуса Турции в исламском мире, включая развитие отношений с ИРИ. При этом взамен откровенной пантюркистской, этнонациональной и религиозной пропаганды в Турции проповедуют более умеренную модель «мягкого ислама» как наиболее приемлемый вариант развития стран Центральной Азии.

2007— январь 2017 г.

Долгосрочная стратегия Турция ориентирована на то, чтобы выполнять роль главного игрока, обеспечивающего энергетическую безопасность стран ЕС через диверсификацию их энергетических источников. В этой связи особое значение отводится объединению всего Кавказа и Центральной Азии в единую энерготранспортную систему с выходом через территорию Турции в Европу. Такое уникальное расположение в условиях глобализации экономики позволяет Турции стать крупнейшим терминалом и энергетическим мостом между Востоком и Западом.

Америка — Евросоюз

Ключевым для Турции остается вопрос эффективного взаимодействия евроатлантического и евразийского направлений ее внешней политики.

На протяжении последних лет США фактически перестали оказывать давление на иранские инициативы Анкары. Это объясняется совместимостью ирано-турецкого партнерства и новой региональной стратегии Вашингтона.

Тем временем все более очевидной становится склонность ЕС к пересмотру своей политики в пользу Ирана и России.

В поисках выхода из создавшегося положения в американской экспертной среде¹⁴⁹ предлагали осторожное

¹⁴⁹ Stephen J. Flanagan, «Turkey — Russia — Iran Nexus: Eurasian Power Dynamics», Center for Strategic and International Studies, *The Washington Quarterly*, Vol. 36, issue 1, (2013): 163–178, <http://dx.doi.org/10.1080/0163660X.2013.751656>.

управление осью «Турция — ЕС — Россия — Иран, что может способствовать достижению целей США на Ближнем Востоке и в Евразии.

Вопреки всему в Вашингтоне также уверены, что именно Турции с ее стратегическим местоположением на стыке Черного, Средиземного и Мраморного морей принадлежит роль регионального гегемона. Исторически ее экономика была одной из крупнейших на Ближнем Востоке. В перспективе, по западным оценкам, демографические перемены, которые произойдут в следующие 25 лет в мире, будут способствовать росту в регионе ЦА влияния Турции. Население Турции, по прогнозам, будет возрастать, возможно до 96 миллионов, что в потенциале будет содействовать успешному использованию ею в Центральной Азии стратегии «мягкой силы»¹⁵⁰. Стремясь примирить обе стороны эксперты, подчеркивают общность энергетических и стратегических интересов Турции и Ирана — обе страны против независимого курдского государства¹⁵¹.

Анкара, со своей стороны, считает необходимым расширять партнерство вдоль оси «ЕС — Турция — Россия». Уже в 2013 году товарооборот между странами ЕС, Турцией и Россией составил более 470 млрд долл.¹⁵² По всей видимости, в перспективе к этой оси подключатся и США.

Не случайно в ходе текущих дискуссий Турция задается вопросом: «Правильно ли расходовать силы на Евразийский союз с весьма неоднозначным будущим, когда Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) замыкает на себе будущую внешнеторговую

¹⁵⁰ Eugene Chausovsky, «Central Asia: A Different Kind of Threat», *Stratfor.com*, January 01, 2016, <https://www.stratfor.com/analysis/central-asia-different-kind-threat>.

¹⁵¹ «Why Middle Eastern Conflicts Will Escalate», *Stratfor.com*, August 28, 2015, <https://www.stratfor.com/analysis/why-middle-eastern-conflicts-will-escalate>.

¹⁵² Hasan S. Ozertem, «Visions for Greater Cooperative Europe amid the Crisis in Ukraine: Economic Cooperation and Energy Politics», *Turkishweekly.net*, August 10, 2014, <http://www.turkishweekly.net/article/413/visions-for-greater-cooperative-europe-amid-the-crisis-in-ukraine-economic-cooperation-and-energy-politics.html>.

политику столь многих государств?» С другой стороны, «Евразийский союз развивается как альтернатива ТТИП и Транстихоокеанскому партнерству. Именно такие формы партнерства государств теперь будут определять баланс сил в мире»¹⁵³.

Данная модель ориентирована на основополагающую роль Турции в расширенном европейском партнерстве с участием России. При этом, из поля зрения экспертов явно выпадает иранский фактор, без учета которого, на наш взгляд, формирование вышеупомянутой оси неосуществимо. Более того, они не учитывают глубокие российско-западные и нарастающие турецко-западные противоречия. Потенциально конструктивное партнерство может быть реализовано, по крайней мере, после окончательного урегулирования иранской и украинской проблем, что не предвидится в обозримом будущем. Даже в долгосрочном плане будет, по всей видимости, трудно примирить партнерство с Турцией, конкурирующее с ТТИП и Евразийским союзом. Тем более, что перспективы ТТИП не ясны, а Евразийский союз слишком слаб.

Значение Турции для США связано также с ростом исламского экстремизма на Ближнем Востоке (Ирак и Сирия), где сотрудничество Вашингтона с Тегераном пока безуспешно. Одновременно США стремятся использовать борьбу с экстремизмом, в частности, сирийский конфликт, для продвижения региональной роли и влияния Анкары.

Признавая общность интересов США, Турции и Саудовской Аравии в применении силы в отношении Сирии, американские эксперты вместе с тем указывают на разницу в подходах трех государств к Дамаску. США добиваются лишь смещения с должности президента Сирии Башара Асада. Ни Вашингтон, ни Анкара не хотят полного свержения самого режима, иначе к власти могут прийти джихадисты. Однако у Саудовской Аравии более агрессивная политика. Используя джихадистов, Эр-Рияд добивается устранения режима алавитов, что позволит ему

¹⁵³ Тайлан Бюйюкшахин, «ТТИП, таможенный союз ЕС, а откуда взялся Евразийский союз?», 9 августа 2014 г., <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1407557340>.

бороться с влиянием Тегерана¹⁵⁴. Тем временем совместные операции Турции и Соединенных Штатов против ИГ не приносят желаемого результата. Основным препятствием, по мнению экспертов, является неудача в координации совместного подхода Вашингтона и Анкары. Обе стороны разочарованы друг в друге¹⁵⁵.

Кроме того, неудавшийся военный переворот в Турции 16 июля 2016 года еще более осложнил турецко-западные отношения. Анкара не в состоянии справиться с потоком мигрантов в Европу. Европейцы, в свою очередь, не готовы иметь дело с возобновившимся иммигрантским кризисом, так как поглощены нарастанием в странах Европы националистических и антиглобалистских тенденций.

Итоги социологических опросов, проведенных осенью 2016 г., достаточно красноречиво демонстрируют состояние взаимоотношений Турции с Западом: 64% участников опроса даже не стремятся к членству в ЕС, а 78% не считают НАТО и США стратегическими партнерами Турции¹⁵⁶.

Тем не менее, министр внешних дел Турции подчеркнул, что «Никто не может игнорировать роль Соединенных Штатов. Это принципиальная позиция Турции»¹⁵⁷. В свою очередь, Белый дом отметил, что «Турция является важным союзником НАТО. Мы получили выгоды от союза с Турцией, и

¹⁵⁴ «What Saudi Arabia and Turkey Want in the Syria Conflict», *Stratfor.com*, September 06, 2013, <https://www.stratfor.com/geopolitical-diary/what-saudi-arabia-and-turkey-want-syria-conflict>

¹⁵⁵ Noah Bonsey, «Turkey and the U.S. in Syria: Time for Some Hard Choices», *Crisisgroup*, August 10, 2015, <http://blog.crisisgroup.org/europe-central-asia/2015/08/10/turkey-and-the-u-s-in-syria-time-for-some-hard-choices/>

¹⁵⁶ «Recent Survey Reveals 65 pct Support for New Constitution and Presidential System», *DAILY SABAH*, November 21, 2016, <http://www.dailysabah.com/elections/2016/11/21/recent-survey-reveals-65-pct-support-for-new-constitution-and-presidential-system>.

¹⁵⁷ Ali Choukeir, «Russia Agrees US Attend Syria Talks Turkey», *AFP*, January 14, 2017, <https://www.yahoo.com/news/russia-agrees-us-attend-syria-talks-turkey-233411642.html>.

мы — совершенно очевидно — ценим это партнерство и те обязательства, которые они взяли по борьбе с ИГ»¹⁵⁸.

Таким образом, отношения Турции с США и ЕС неоднозначны. Ситуация в Сирии и последние внутривосточные события загоняют Турцию в политический тупик. В этих условиях Анкара все больше полагается на поддержку России. Однако, чтобы сбалансировать свою политику и достичь провозглашенные геополитические и энергетические цели, необходимо также сохранить союз с евроатлантическим сообществом. Отсюда позитивные жесты Турции в сторону США. В свою очередь, Вашингтон вынужден учитывать стратегическую роль Турции в поддержке американских позиций и борьбе против терроризма в этой части мира. Это тем более важно, что отношения Америки с другими влиятельными мусульманскими государствами — Ираном и Саудовской Аравией — носят неопределенный характер и Соединенные Штаты нуждаются в надежном союзнике в исламском мире.

Россия

Турецко-иранское партнерство ни в коей мере не противоречит интересам Москвы, которая заинтересована, помимо прочего, в усилении светской формы ислама на ее южных рубежах. Анкара в свою очередь стремится не осложнять отношений с ключевым каспийским игроком и своим экономическим партнером. Россия занимает второе после ЕС место среди экономических партнеров Турции. Однако объем двусторонних торговых отношений начал снижаться до 32 миллиардов долларов в 2013 году и достиг в первые шесть месяцев 2016 года только 8,5 миллиардов¹⁵⁹. По мнению экспертов, это

¹⁵⁸ «В Белом доме предостерегли Турцию от планов ограничить доступ США к базе Инджирлик», *ТАСС*, 6 января 2017 г., <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3923886>.

¹⁵⁹ Mehmet Cetingulec, «Can Turkey — Russia Trade Reach \$100 Billion Target?», August 22, 2016, <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/08/turkey-russia-trade-reach-100-billion-target.html#ixzz4bMnLFaQv>.

объясняется экономическим кризисом в России и кризисом в ноябре 2015 г. между двумя странами. В 2017 г. турецкие компании все еще обладают около 10 миллиард-долларовыми инвестициями в России и, с официальной точки зрения, стремятся достичь к 2019—2020 годам 100 миллиардов долларов.

В целом, отношения между Россией и Турцией развиваются вполне благоприятно, охватывая области торговли, инвестиций, туризма и безопасности (главным образом в районе Черного моря). Не удивительно в этой связи, что интересы турецкой безопасности и энергетическая зависимость от Москвы и Тегерана даже после введения санкций России против Турции (после сбитого самолета СУ-24) привели к восстановлению турецко-российских отношений.

В рамках этой тенденции состоялся визит российского министра иностранных дел Сергея Лаврова в Баку, что произошло спустя несколько дней после примирения турецкого и российского президентов Тайип Эрдогана и Владимира Путина 11-12 июля 2016 г. По всей видимости, Россия стремится оживить идею Евразийского экономического союза в новом формате путем урегулирования региональных конфликтов (Карабах) и стимулирования турецкой и иранской активности в регионах Кавказа и Центральной Азии, объединения усилий по актуальным вопросам безопасности. Однако этот процесс будет не из легких, учитывая следующие факторы:

- Россия и Турция являются главными соперниками за влияние в Центральной Азии по линии «евразийство-пантюркизм». Возросшее влияние Турции в Центральной Азии способствует сохранению вызовов, связанных с разностью позиций стран региона по вопросу их тюркского единства.

- Противоречия по Сирии. Москва обвиняет Анкару в поддержке террористических организаций, таких как ИГ и «Джабхат-аль-Нусра». В свою очередь, Турция критикует Россию за обеспечение военной поддержки Сирии¹⁶⁰.

¹⁶⁰ Акках Фарук, «Российско-турецкие отношения становятся жертвой Асада», *Turkishnews.com*, *Inosmi.ru*, 21 сентября 2015 г., <http://www.turkishnews.com/ru/content/>, <http://inosmi.ru/asia/20150918/230352306.html>.

- Сохраняется конкуренция между Россией и Турцией в области транспортировки углеводородного сырья. Анкара стремится снизить зависимость турецкой экономики от российского газа (около 60% поставок газа в Турцию осуществляется Россией)¹⁶¹. В связи с этим Турция рассматривает энергетическое сотрудничество с Ираном как оптимальный вариант, соответствующий ее ближневосточным планам.). В свою очередь, иранские эксперты¹⁶² выступают за транспортировку природного газа из Центральной Азии по Южному маршруту в Европу через Иран и Турцию. Европейский Союз и вслед за ним Соединенные Штаты хотят сделать Иран основным поставщиком газа.

- Позиции России и Турции по Украине не совпадают. Так, Турция выступает за целостность и независимость Украины и не намерена признавать итоги общекрымского референдума, прошедшего 16 марта 2014 года¹⁶³.

- Попытки России урегулировать длительно текущий Карабахский конфликт развиваются параллельно с евроатлантическими усилиями в этом направлении. Непонятно все же, кто может предложить более подходящий вариант решения проблемы. Ситуация осложняется тем, что Азербайджан и Армения сотрудничают как с Россией, так и с евроатлантическим сообществом и нуждаются в балансировании этих отношений.

С другой стороны, есть факторы в пользу российской политики:

- В Центральной Азии и на Кавказе есть интерес к урегулированию российско-турецких отношений вследствие

¹⁶¹ Hasan S. Ozertem, «Is Turkey Back in the Game?: New Deal with Iran and Nabucco!», *Turkishweekly.net*, July 16, 2007, <http://www.turkishweekly.net/energy>.

¹⁶² Hamidreza Azizi, «Post-Sanctions Iran» and Prospect of Energy Cooperation in the Caspian Region», April 05, 2016, <http://www.iranreview.org/content/Documents/-Post-Sanctions-Iran-and-Prospect-of-Energy-Cooperation-in-the-Caspian-Region.htm>.

¹⁶³ Ozdem Sanberk, «The Ukrainian Crisis and Contradiction Management», *Turkishweekly.net*, April 09, 2014, <http://www.turkishweekly.net/columnist/3868/the-ukrainian-crisis-and-contradiction-management.html>.

их негативного влияния на ситуацию в сфере региональной экономики и безопасности. В частности, это подтверждается тем, что Баку оказал помощь в нормализации отношений Москва — Анкара¹⁶⁴. Реализация широкомасштабных проектов Шелкового пути позволит Азербайджану стать транзитным центром и региональным хабом. В этом плане турецкие лидеры предложили такие форматы, как Азербайджан — Турция — Казахстан и Азербайджан — Турция — Россия¹⁶⁵.

- В настоящее время в турецко-иранских отношениях углубляется позитивная тенденция, начатая с 2000-х годов. Как подчеркивает иранский эксперт¹⁶⁶, выбор Эрдогана является «лучшей альтернативой по сравнению с другими».

- Россия нашла «окно возможностей» в энергетической политике. Дело в том, что напряжение в двусторонних отношениях не затронуло энергетическую сферу. Турция все еще является для «Газпрома» вторым после Германии рынком по поставкам газа¹⁶⁷. Теперь Москва и Анкара планируют возобновить приостановившиеся переговоры по проекту газОВОГО трубопровода Турецкий поток.

- Два члена минской группы — Франция и США были поглощены своими внутренними проблемами — террористами и предстоящими президентскими выборами. Политическая неопределенность и внутренние проблемы, по всей вероятности, затянут процесс урегулирования кризиса.

- Ирано-американские отношения недостаточно стабильны и зависимы от воли американских законодателей, что под-

¹⁶⁴ «Turkey Grateful to the President of Azerbaijan for his Support in Rebuilding Relations with Russia», July 17, 2016, <http://caspienergy.net/en/ekonomika-2/35091-2016-07-15-12-16-50>.

¹⁶⁵ Мевлют Чавушоглу, «Анкара выступает за создание формата сотрудничества Азербайджан-Турция-Россия», 15 июля 2016 г., <http://www.salamnews.org/ru/news/read/227675>.

¹⁶⁶ Amir Hossein Yazdanpanah, «Coup D'état in Turkey and Deciphering Iran's Positions», July 17, 2016, <http://www.iranreview.org/content/Documents/Coup-d-%C3%A9tat-in-Turkey-and-Deciphering-Iran-s-Positions.htm>.

¹⁶⁷ «Семь месяцев в ссоре: сколько Россия и Турция потеряли на конфликте», 28 июня 2016 г., <http://www.rbc.ru/economics/28/06/2016/577157b89a7947239346aba3>.

вергает сомнению процесс окончательного снятия иранских санкций.

Все это предоставляет России некоторое пространство для действий в своих интересах и консолидации связей в сфере безопасности и экономики с государствами Кавказа и Центральной Азии, Ираном и Турцией. В случае успеха российские инициативы могут означать позитивный геополитический сдвиг, стабильность и экономический прогресс на территориях России, Кавказа, Ближнего Востока и Центральной Азии, что позитивно повлияет на решение каспийских правовых проблем, реализацию проекта Север — Юг и другие взаимовыгодные проекты.

Однако с целью урегулирования более крупных международных проблем, связанных с исламским терроризмом и вспышками межгосударственного напряжения, администрация Обамы пыталась избежать военных конфликтов в регионе и позитивно оценивала российско-турецкое примирение. Российско-турецкое сотрудничество в Сирии при условии его координации здесь с американо-российской стратегией могло бы быть продуктивным и ускорить решение сирийского кризиса. Более того, Турция, очевидно, не склонна, вопреки нынешней напряженности, дистанцироваться от евроатлантического сообщества и союзников по НАТО. То же относится к США и Евросоюзу, если учесть их упомянутые выше геэкономические и геополитические планы, оценки региональной роли Турции.

Текущие внешнеполитические шаги Турции в отношении стран СНГ отражают ее амбиции в вопросах сохранения как евразийского, так и трансатлантического векторов в своей стратегии. Чтобы гарантировать свою энергетическую безопасность кабинет Эрдогана стремится диверсифицировать энергопоставки и ведет переговоры по этому вопросу не только с Азербайджаном и Ираном, но и иракским Курдистаном, Алжиром, Катаром и Израилем.

В то же время ключевыми проблемами в турецко-российских отношениях остается решение их разногласий по Сирии и соглашению по Турецкому потоку (см. п. 3.1).

Китай

Интересную роль играет в этих политических процессах Китай. Очевидно, что приоритетом для Пекина являются, прежде всего, безопасность и экономическое развитие. В этом плане он не связывает себя чисто региональными обязательствами и продолжает сотрудничать, несмотря на политические трения, с Соединенными Штатами и их союзниками — Турцией и Саудовской Аравией (см.ниже).

Так, в последние годы наблюдается сближение Китая с Турцией. Точками соприкосновения интересов двух стран стало согласование ими своих позиций по разрешению ряда международных проблем, в частности, в рамках осуществления проектов Шелкового пути и в вопросах региональной безопасности.

Китай занимает третье место в списке крупнейших в мире торговых партнеров Турции после Германии и России и первый торговый партнер на Дальнем Востоке. Торговый товарооборот между Турцией и Китаем превысил 27 миллиардов долларов в 2015 году¹⁶⁸. По мнению западных экспертов, недавние визиты Тайипа Эрдогана в Пекин и Си Цзинпина в Турцию свидетельствуют о расцвете отношений двух стран в Центральной Азии. Пекин и Анкара ведут переговоры о сотрудничестве в различных сферах (ядерной энергетики, торговли, инфраструктурных проектах, военной), предусматривающих, помимо всего прочего, и помощь Турции в развитии Синьцзяна.

Очевидно, что какими бы мотивировками не было оправдано текущее сотрудничество Турции, США и Китая налицо планомерное продвижение по пути возможного совмещения американо-китайских проектов Шелкового пути. В этой связи эти страны, естественно, будут стремиться к демилитаризации и стабилизации в зоне своих интересов, что открывает путь для диалога и компромисса с Россией и Ираном и отвечает интересам центральноазиатских стран.

¹⁶⁸ Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs, «Turkey — China Bilateral Economic and Commercial Relations», TÜİK (billion USD), http://www.mfa.gov.tr/turkey_s-commercial-and-economic-relations-with-china.en.mfa.

Центральноазиатские подходы Турции

В турецком обществе заметно активизировался вопрос о путях развития страны, вызванный, с одной стороны, неэффективностью ближневосточной стратегии Турции, а с другой — напряженностью между Россией и Украиной.

Основные споры ведутся о том, какой путь развития изберет турецкое общество — религиозный, этнорелигиозный, сектантский¹⁶⁹ или светский, и как это отразится на внешнеполитических предпочтениях страны. При этом влиятельные эксперты выступают в пользу светского развития и считают, что приоритеты страны должны носить многомерный и прагматический характер, а также учитывать необходимость ее вовлечения в процесс глобального управления в XXI веке¹⁷⁰.

В данном ракурсе Анкара все более концентрирует внимание на регионе ЦА, как средстве достижения своих долгосрочных геополитических целей. В качестве инструмента внешней политики избран институциональный подход с акцентом на Турецком агентстве по сотрудничеству и развитию при премьер-министре Турции (ТИКА). Главной целью ТИКА является продвижение в противовес иранскому и российскому влиянию турецкого опыта рыночной экономики и демократизации через так называемую «турецкую модель» развития при посредничестве Запада¹⁷¹.

В этой связи осенью 2007 г. Тайип Эрдоган, в то время премьер-министр, выдвинул инициативу создания политического союза тюркоязычных государств с целью координации усилий по наиболее важным направлениям их политики. В июне 2014 г. на IV саммите Турецкого Совета подписана Декларация «Турецкий Совет — современный Шелковый путь». Помимо

¹⁶⁹ Что тесно связано с определенной исламской школой и отказом от толерантности.

¹⁷⁰ Ozdem Sanberk, «The Need to Redefine Strategic Priorities», *The Journal of Turkishweekly*, August 06, 2014, <http://www.turkishweekly.net/columnist/3900/the-need-to-redefine-strategic-priorities.html>.

¹⁷¹ Farkhad Alimukhamedov, «Turkey's Central Asia Policy in the Changing World: Priorities, Policies and Actions», *South-East European Journal of Political Science*, vol. III, no. 2 (June — December 2015).

экономического партнерства, Турция продолжает развивать со странами ЦА военное-техническое сотрудничество (в том числе по линии НАТО) и взаимодействие по вопросам безопасности и мирной реконструкции Афганистана.

Однако влияние Турции в регионе неравномерно. В энергетических интересах Анкара отдает предпочтение, прежде всего, странам-энергопоставщикам — Казахстану и Туркменистану.

Казахстан является одним из наиболее значимых тюркских государств в региональной стратегии Турции, что определяется потенциальной возможностью интеграции Турции с евразийским регионом. Двусторонний объем торговли между Турцией и Казахстаном достиг 2 миллиардов долларов в 2015 году и прогнозируется вырасти до 10 миллиардов долларов. Турция — 17-й крупнейший инвестор в Казахстане, в смысле капитализации и 4-я крупнейшая страна в смысле инвестиций, за исключением энергии¹⁷². 6 февраля 2017 года Казахстан посетил бывший турецкий премьер-министр Ахмед Давутоглу.

Параллельно турецкие компании участвуют в строительстве инфраструктуры в порту Туркменбаши (2 млрд долл.)¹⁷³. Товарооборот между двумя странами достиг в 2013 году 3,6 млрд долларов¹⁷⁴. В 2015 году экспорт и импорт из Турции в Туркменистан частично снизился и составлял, соответственно, \$1,85 миллиардов и \$557 млн долларов¹⁷⁵.

Вместе с тем прогресс всей региональной политики Анкары зависит на деле от ее стихийно складывающихся взаимоотношений с Узбекистаном, самым большим по численности населения государством постсоветской Центральной Азии.

¹⁷² «Kazakhstan», Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs, <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-kazakhstan.en.mfa>.

¹⁷³ Nicola Contessi, «Is Turkmenistan the Next Central Asian Tiger?», July 15, 2014, <http://thedi diplomat.com/2014/07/is-turkmenistan-the-next-central-asian-tiger/>.

¹⁷⁴ Велихан Мирзаханов, «Восприятие политики Турции в Центральной Азии и перспективы российско-турецкого сотрудничества в регионе», 8 мая 2014, <http://histrf.ru/ru/uchenim/blogi/post-310>.

¹⁷⁵ «Turkmenistan», Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs, <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-turkmenistan.en.mfa>.

Отношения Турции с этой страной, как отмечалось, не развивались должным образом.

В последние годы ситуация начала постепенно улучшаться. В частности, Турция является одним из пяти крупных внешнеторговых партнеров Узбекистана. В 2015 году объем взаимного товарооборота насчитывал 1,2 миллиарда долларов, объем турецких инвестиций в узбекскую экономику превысил 1 миллиард¹⁷⁶. 10 и 12 июля 2014 г. состоялся официальный визит в Узбекистан бывшего министра иностранных дел Турции Ахмета Давутоглу.

Однако наиболее благоприятные условия для сближения Анкары с геостратегически важной страной региона сложились к моменту прихода к власти президента РУз Шавката Мирзиёева.

Во-первых, кабинет турецкого Президента Тайипа Эрдогана занял в последние годы негативную позицию в отношении нелегальных религиозных организаций типа «Нурчи» во главе с Фетхуллах Гюленом. Что снимало с повестки дня существенный барьер, препятствовавший ранее отношениям с Узбекистаном.

Во-вторых, как уже отмечалось, с учетом иранского фактора и наличия персоязычных в центральноазиатских странах (Таджикистан, Узбекистан) была значительно снижена риторика вокруг концепции пантюркизма.

В-третьих, ближневосточные проблемы (Сирия, Ирак и др.) при росте напряженности Турции с западными странами и неоднозначных отношениях с Саудовской Аравией требовали поиска союзников и экономических партнеров. В этой связи Тайип Эрдоган окончательно пересмотрел свою политику в пользу Евразии, где основным связующим звеном его взаимоотношений с Центральной Азией должен стать Узбекистан.

В этом контексте и произошел визит в ноябре 2016 г. в Узбекистан Президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана.

¹⁷⁶ «Uzbekistan — Turkey: New Opportunities for Cooperation», November 21, 2016, <http://uza.uz/en/politics/uzbekistan-turkey-new-opportunities-for-cooperation-21-11-2016>.

Данный визит должен был, по мнению сторон, символизировать собой начало новой эры двусторонних отношений.

Вместе с тем остается ряд вызовов в их взаимоотношениях, в частности, турецкий плюрализм и излишняя демократия в сфере религии неприемлема для стран ЦА в условиях их трансформации, низкого уровня теологических знаний и социально-экономической нестабильности на фоне растущих глобальных вызовов и угроз. Большинство стран ЦА поэтому не принимают различные формы турецкого исламизма, склонного объединять исламизм, сепаратизм и пантюркизм с вовлечением в различные радикальные международные группировки, включая ИГ. Последнее обстоятельство вызывает озабоченность в странах ЦА, если учесть количество всевозможных беженцев на территории современной Турции: 103,000 из Ирака (2014) и 2,992,567 из Сирии (2017)¹⁷⁷. Открытый доступ центральноазиатских граждан в Турцию уже создал возможности для их рекрутирования и доставки к границам Сирии¹⁷⁸.

С другой стороны, Турция была втянута в шиито-суннитское противостояние на стороне Саудовской Аравии и на формальном уровне оказывала поддержку некоторым радикальным группировкам на территории Сирии. Сегодня ее позиции по Сирии, хотя и частично смягчены, продолжают расходиться с позицией Ирана и России, что отражается также на уровне взаимопонимания с центральноазиатскими странами, стратегическими партнерами России в вопросах борьбы с радикальными движениями.

И, наконец, Турция не обладает достаточным экономическим и военным потенциалом, чтобы содействовать странам ЦА в строительстве и защите транспортно-транзитной системы. В этой связи, вероятно, ей придется найти компромисс

¹⁷⁷ «World Factbook», Turkey.

¹⁷⁸ «Turkey Struggles as «Lone Gatekeeper» against Islamic State Recruitment», *Yale Center for the Study of Globalization*, <http://yaleglobal.yale.edu/>, July 04, 2015, <http://go.galegroup.com/ps/i.do?id=GALE%7CA380121463&v=2.1&u=ussd&it=r&p=GPS&sw=w&asid=2ac1ab4e81760e1019c99f14d91d6ef6>.

с другими акторами в Центральной Азии — Россией, США и Евросоюзом.

Притягательной стороной при всем этом, как для Запада, так и для стран Кавказа и Центральной Азии является доминирование в Турции светской умеренной модели ислама. В этом плане страны ЦА и Турции объединяют, помимо прочего, общие задачи борьбы с терроризмом и экстремизмом, достижения стабильности и процветания региональных государств.

В ходе сирийского кризиса постепенно происходит сближение с Ираном. Достаточно отметить визит иранского президента Хасана Рухани в Турцию 9—10 июня 2014 года.

Вместе с тем, часть турецких экспертов указывает на несовместимость пантюркистской идеологии с ирано-турецким партнерством на территории Центральной Азии, а также с потенциально взаимовыгодным сотрудничеством двух стран в рамках планируемых маршрутов Великого Шелкового пути. Как считают эксперты, обе страны должны выстроить такую модель взаимоотношений, при которой сотрудничество превосходило бы конкуренцию с учетом национальных интересов¹⁷⁹.

Попытки выстроить такую модель взаимоотношений были отражены в росте объема торгового оборота между Ираном и Турцией — в 2013 году он превысил 8 млрд долл. только в сфере энергетики¹⁸⁰. Однако двойственность ирано-турецких взаимоотношений все еще проявляется в их экономических спадах и подъемах. Объем торговли, например, упал в 2014 году с 13,71 миллиардов долларов до 2,94 миллиарда в 2016¹⁸¹.

¹⁷⁹ Eyüp Ersoy, «Turkey — Iran Relations: What Should Turkey Do?», *Turkishweekly.net*, July 24, 2014, <http://www.turkishweekly.net/columnist/3897/turkey-iran-relations-what-should-turkey-do.html>.

¹⁸⁰ Орхан Гафарлы, «Первые президентские выборы в истории Турции в условиях победы Эрдогана», *Foreignpolicy.ru*, 06 августа 2014 г., <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/pervye-prezidentskie-vybory-v-istorii-turtsii-i-usloviya-pobedy-erdogana/>.

¹⁸¹ Economic and Commercial Relations with Iran, Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs, <http://www.mfa.gov.tr/economic-and-commercial-relations-with-iran.en.mfa>.

К весне 2016 г. недовольство сирийской стратегией ведущих держав содействует следующему раунду сближения Анкары и Тегерана. 5 марта бывший премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу прибыл в Иран, что призвано было открыть новую главу в двусторонних отношениях. По мнению иранских экспертов

- после принятия СВПД 14 июля 2015 г. Иран должен воспользоваться преимуществами новых геополитических реалий и сбалансировать свои отношения с ведущими державами мира¹⁸², устранить стратегические разногласия, особенно с США. Это позволит сконцентрироваться на вопросах развития и экономического продвижения. Турция, в свою очередь, обеспечена геополитическими последствиями этого периода — ростом влияния Ирана и его участием в решении сирийского кризиса, что может не соответствовать интересам Турции.

- Дисбаланс в регионе Ближнего Востока, в частности, в пользу Саудовской Аравии окажет негативное влияние на Турцию. Лидерство и гегемония в арабском мире Саудовского королевства противоречит неооттоманской политике Турции. Сближение с Ираном, несмотря на их разногласия по Сирии, играет позитивную роль, что позволяет противодействовать росту иранского влияния и односторонности в региональной политике¹⁸³, позволит сконцентрироваться на борьбе с терроризмом и конструктивных шагах по объединению мусульманского мира.

- Проблемы двусторонних отношений носят тактический характер и не обязательно наличие стратегических проблем, в них отсутствуют идеологические противоречия. Стороны объединяет рост экономических и энергетических

¹⁸² Kayhan Barzegar, «The Geopolitics of JCPOA», *Iran Review*, March 13, 2016, The Institute for Middle East Strategic Studies, <http://en.cmess.ir/>, <http://www.iranreview.org/content/Documents/The-Geopolitics-of-JCPOA.htm>.

¹⁸³ «Major Goals of Davutoglu's Iran Visit», *IRNA*, March 06, 2016, <http://www.irna.ir/en/News/81991443/>; «Iran, Turkey Common Interests Strengthen Regional Peace, Stability», *Iran Review*, March 06, 2016, <http://www.iranreview.org/content/Documents/Iran-Turkey-Common-Interests-Strengthen-Regional-Peace-Stability.htm>.

потребностей. В этой связи Турция является воротами Ирана в Европу, в то время, как Иран — воротами Турции в Азию. Возникает возможность координировать потоки инвестиций и банковскую сферу, создать серьезный механизм по претворению в жизнь двустороннего партнерства. Более того, Тегеран может стать посредником в деле урегулирования отношений между Анкарой и Москвой¹⁸⁴.

Подобные соображения в любом случае возобладают в ходе процесса урегулирования сирийского кризиса и возможных вспышек ирано-турецкой напряженности. Немаловажную роль в этом процессе играет историко-культурная близость обоих государств со странами Центральной Азии, где они вынуждены учитывать взаимные интересы. Особенно в части энергозависимости Турции от возможных в будущем поставок энергоресурсов из Центральной Азии и Ирана, борьбы с терроризмом и построения общей транспортно-транзитной региональной сети. При том, что нельзя сбрасывать с чаши весов возможную активизацию партнерства в рамках ЕАЭС.

2.6. ПАКИСТАНО-САУДОВСКИЙ ФАКТОР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Общие предпосылки и тенденции до 2006 года

Другим конкурентом Ирана за политико-экономическое влияние в Центральной Азии является Исламская Республика Пакистан (ИРП) — один из ключевых союзников США в регионе ЦА. Это обусловлено, помимо прочего, наличием шиитских диаспор в Пакистане (10—15%) и Афганистане (10—15%)¹⁸⁵.

Исламабад также видит себя региональной державой и некими «воротами» государств ЦА к Индийскому океану

¹⁸⁴ Reza Solat, «Assessment of Turkish Prime Minister's Recent Iran Visit», *Iran Review*, March 10, 2016, <http://www.iranreview.org/content/Documents/Assessment-of-Turkish-Prime-Minister-s-Recent-Iran-Visit.htm>.

¹⁸⁵ «*World Factbook*», Pakistan Country Profile, March 23, 2016, <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/pk.html>; «*World Factbook*», Afghanistan Country Profile, March 22, 2016, <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/af.html>.

и к мировым рынкам. Кроме того, Пакистан преследует в Центральной Азии долгосрочные геополитические цели, подразумевающие экономическую интеграцию со странами региона и включение их в свою политическую орбиту.

Наиболее удобным геоэкономическим выходом Пакистана к центральноазиатским республикам считается Афганистан. Не удивительно, что для достижения своих геополитических целей Пакистан пытается увеличить влияние на Кабул. Основные усилия Исламабада направлены на возвращение утраченных в последние годы позиций путем активного участия в экономическом и политическом восстановлении Афганистана; возможном подключении представителей пропакистанских сил в новое афганское правительство. Важная роль отводится перспективе строительства газопровода Туркменистан — Афганистан — Пакистан, разработке и осуществлению, соответственно, транспортных проектов, предполагающих для изолированных от морей партнеров выход к пакистанским портам Карачи и Гвадар.

Что касается Ирана, то чрезмерное ослабление и маргинализация Пакистана вследствие утраты им былых позиций в Афганистане и политико-экономического кризиса в стране потенциально способны дестабилизировать весь регион, включая и ИРИ. Отсюда гибкая стратегия Тегерана, основанная на преимуществе своего геостратегического положения для двустороннего сотрудничества с Пакистаном в области безопасности и экономики, и одновременно ориентированная на сохранение своего доминирующего положения в Центральной Азии¹⁸⁶.

В декабре 2002 г. состоялся первый за десять лет визит в ИРП бывшего президента ИРИ Мохаммада Хатами, свидетельствующий о поворотном этапе в пакистано-иранских отношениях. В том же году обе стороны подписали соглашение о поставках иранского газа в Пакистан. Исламабад обещал предоставить необходимые гарантии безопасности газопровода из Ирана в Индию через пакистанскую территорию.

¹⁸⁶ *IRIB NEWS*, Habarnoma, (Toshkent Eron Islom Respublikasi elchihonasi) №. 185, 15 avgust 2004 y., 4.

Однако серьезным препятствием на пути осуществления данного проекта является политика США, направленная на изоляцию Ирана в мировом сообществе. Противодействие ирано-пакистанскому партнерству со стороны США выражается в следующем:

1. *Опора на пакистано-саудовский тандем.* США предпочитают тактику поддержки Пакистана при одновременных контактах с другими мусульманскими странами¹⁸⁷. Теоретически существует широкий круг проблем, при решении которых эти два направления могут дополнять друг друга (например, в деле стабилизации в Афганистане). На практике, однако, это привело к росту шиа-суннитских разногласий и усилило региональное соперничество Ирана и Саудовской Аравии.

2. *Применение экономических рычагов воздействия на подбор бизнес-партнеров Пакистана.* Пакистан, как главный адресат американской финансовой помощи, испытывает постоянное давление со стороны Вашингтона, выступающего против экономических проектов с участием Тегерана. Так, Вашингтон противодействует строительству ирано-пакистанского газопровода, согласно соглашению, подписанному в 2002 году. С американской точки зрения, прибыль от реализации данного проекта может пойти на финансирование Тегераном международного терроризма и распространение ОМП.

Фактором напряженности в американо-пакистанских отношениях и беспокойства стран ЦА является доминирование в Пакистане религиозных радикальных движений типа «Талибан», инкорпорированность представителей этих движений в правительственные и военные структуры и вполне возможная связь их с радикальными элементами в странах Ближнего Востока¹⁸⁸. Талибы, предположительно, связаны с саудовским радикальным вахабизмом. Как известно, они появились впервые в религиозных семинариях, оплаченных

¹⁸⁷ «Размышления о терроризме: влияние на Южную Азию и Ближний Восток», материалы межд. семинара, 3 августа 2002 г., Вашингтон: Центр стратегических и международных исследований, 2002 г.

¹⁸⁸ Jessica Stern, «Pakistan's Jihad Culture», *Foreign Affairs* Vol. 79, No. 6 (2000), 119, 123.

большей частью Саудовской Аравией, исповедующей жесткую форму суннитского ислама.

Действительно, внутренняя нестабильность Пакистана, тесно связанная с афганским кризисом, не благоприятствует международному партнерству. В частности, торговля между Пакистаном и Ираном в 2003—2004 гг. составляла лишь около 376.3 миллиона долларов¹⁸⁹.

Сохраняются и политические противоречия между Индией и Пакистаном. Дели, учитывая внутреннюю ситуацию в Иране и находясь под сильным давлением со стороны Вашингтона, выражает неуверенность в финансовой состоятельности ирано-пакистанского энергопроекта¹⁹⁰.

Состоявшийся 14—16 декабря 2005 г. визит в Исламабад бывшего министра иностранных дел Ирана Манучехра Моттаки расставил новые акценты в непростых ирано-пакистанских отношениях. Тегеран, по мнению российских экспертов¹⁹¹, отчетливо сигнализировал Исламабаду о том, что ИРП со временем станет главным союзником в регионе Южной Азии. Он ожидал от Пакистана, как исламского государства и обладателя ядерного оружия, реального содействия, в том числе в рамках МАГАТЭ. Со своей стороны Исламабад призывал Вашингтон к дипломатическому решению иранской проблемы¹⁹².

Для государств ЦА развитие экономического сотрудничества между ИРП и ИРИ носит позитивный характер, так как оно может способствовать стабилизации в регионе и предоставить возможности использования ирано-пакистанского потенциала в совместных региональных проектах. Это обстоятельство в определенной мере нейтрализует элемент конкуренции в вопросе транспортировки энергоносителей. Однако конфронтация между различными религиозно-политически-

¹⁸⁹ Ziba Farzinnia, «Iran and Pakistan: Continuity and Change», *Iranian Journal of International Relations*, vol.XVII, no.2-3 (Summer-Fall 2004):327.

¹⁹⁰ RFE/RL reports, vol. 8. no. 30 (August 02, 2005), <http://www.rferl.org>.

¹⁹¹ Авак М. Вартамян, «Иран и Пакистан: новое наведение мостов?», *Институт Ближнего Востока, Iran.ru*, 21 декабря 2005, <http://www.iran.ru>.

¹⁹² «Regional Press Split over US Iran Threat», *BBC news*, January 25, 2005, <http://news.bbc.co.uk/>.

ми течениями, этноплеменные противоречия и неотрегулированность территориального спора Пакистана с Индией являются постоянным источником нестабильности Центральной Азии, способным спровоцировать локальные военные конфликты. При этом как проамериканская политика Пакистана в условиях ирано-американской конфронтации, так и антиамериканская солидарность радикальных исламских организаций ИРП и ИРИ также вносят элемент нестабильности и недоверия в регионе ЦА.

2007— январь 2017

Безопасность стран Центральной и Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока, а также СНГ во многом зависит от взаимоотношений Исламской Республики Иран с Исламской Республикой Пакистан, от стратегии Ирана в так называемой зоне «Афпак».

Интересы, вызовы и угрозы

В условиях нарастающей нестабильности и геополитической борьбы вокруг Центральной Азии, особенно в преддверии вывода сил НАТО из Афганистана в 2014 г., безопасность Ирана и Пакистана нуждается в поддержке в регионе баланса сил. Необходимо их взаимопонимание и в урегулировании афганского кризиса, в борьбе с наркоторговлей, решении проблем беженцев, пресечении организованной преступности и т.д. Тем более, что обе стороны крайне заинтересованы в продвижении всестороннего регионального партнерства, будь то продвигаемый США проект НШП или китайский ОПОП.

Успех в этом деле всецело зависит от реализации транспортно-транзитных маршрутов, которые соединят Центральную Азию с Южной и Юго-Восточной Азией и далее с Европой, что поможет выходу из кризиса экономик Ирана и Пакистана.

Опасаясь возможной нестабильности на территории Ирана, Тегеран пытается проводить гибкую стратегию, основная цель которой — двустороннее сотрудничество с Пакистаном в области безопасности и экономики, и сохранение при этом доминирующего положения в Центральной Азии. Иран заинтересован в расширении транзитных перевозок из государств

ЦА через свою территорию, в частности, активизированы переговоры с представителями железнодорожных ведомств стран ЦА.

В реализации Тегераном транспортных и трубопроводных проектов, призванных связать страны ЦА с Европой и Азией, отводится существенная роль Исламабаду. С этим может быть связано начало модернизации пакистанских железных дорог в пограничных с Ираном районах.

С другой стороны, более тесное ирано-пакистанское экономическое партнерство может значительно снизить конфликтный потенциал как в самом регионе ЦА, так и вокруг него, и ускорить экономическую интеграцию региона. Однако к настоящему времени полноценному развитию сотрудничества между Ираном и Пакистаном препятствует ряд факторов: ирано-американский, американо-российский, саудовский, китайский, афганский, индо-пакистанский.

Америка — Иран

Иран выступает категорически против любого вмешательства извне в дела региона, в связи с чем активно выражает недовольство планами пребывания войск США в Афганистане после 2014 года. Пакистан же, напротив, как стратегический партнер Соединенных Штатов, в вопросах экономики и безопасности всегда зависим от Вашингтона; более того, он обладает статусом основного «врага» иранского консервативного истеблишмента.

Попытки Вашингтона изолировать Иран и воспрепятствовать развитию его отношений с Пакистаном на практике приводят к

- усилению шиито-суннитских разногласий и обострению регионального соперничества Ирана и Саудовской Аравии, что привело к военному конфликту в Йемене;
- незавершенности вследствие санкций строительства стратегически значимого газового трубопровода между Ираном и Пакистаном. Сегодня Иран завершил свою часть проекта газового трубопровода, инвестированного суммой свыше

2 миллиардов долларов, Пакистан отстает по поставкам газа, запланированным на 2014 год¹⁹³;

- возможному вмешательству спецслужб США и стран Персидского залива в деятельность террористических группировок в зонах прокладки ирано-пакистанских трубопроводов. По некоторым оценкам, эти группы могли быть вовлечены в террористические акты в провинциях Систан и Белуджистан;

- дальнейшему обострению индо-пакистанских отношений (см. ниже).

Согласно венскому соглашению от 14 июля 2015 г. Ирану и Пакистану предоставилась возможность возобновить и ускорить приостановившееся энергетическое сотрудничество. Обе страны заинтересованы в продолжении целого ряда экономических проектов, включая импорт электричества, экспорт пшеницы и строительство железных дорог¹⁹⁴, реализации проекта ТАПИ.

В сложившейся ситуации Тегеран одобряет позицию Пакистана в отношении Ирана и мусульманского мира, в том числе по Йемену. В целом Иран планирует использовать ядерное соглашение как средство для продвижения региональной стабильности и баланса в регионе геополитических интересов. В этой связи Тегеран готов разрешить разногласия с Саудовской Аравией и странами Персидского Залива и приветствует сближение афганского правительства с Пакистаном, вовлечение Исламабада в переговоры с афганскими талибами¹⁹⁵.

14 августа 2015 г. иранский МИД заявил об упрощении пошлин во взаимоотношениях с Пакистаном. Более того,

¹⁹³ «Iran-Pakistan Gas Pipeline to Complete by 2018», June 12, 2016, <http://www.presstv.com/Detail/2016/06/12/470044/Iran—Pakistan-gas-project>.

¹⁹⁴ «Zardari for Early Convening of Pak-Iran-Afghanistan Summit», March 22, 2013, <http://www.nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/national/22-Mar-2013/zardari-for-early-convening-of-pak-iran-afghanistan-summit>; «Pakistan and Iran are Brothers Forever», *Pakistantoday*, August 13, 2015, <http://www.pakistantoday.com.pk/2015/08/13/national/pakistan-and-iran-are-brothers-forever/>.

¹⁹⁵ «Iran, Pakistan Stress Peaceful Resolution of Yemen Crisis», Apr 05, 2015, www.irna.ir/en/News/81560168/; «Pakistan and Iran are Brothers Forever».

транзитные доставки из стран ЦА в Пакистан по иранским железным дорогам в Бендер Аббас обеспечены 40% скидкой¹⁹⁶. Объем двусторонней торговли ежегодно составлял около 1,6 миллиардов долларов до международных санкций против Ирана, однако, к осени 2016 г. сократился до 300 миллионов долларов¹⁹⁷. В настоящее время Иран и Пакистан ведут переговоры об увеличении торговли в рамках Соглашения о свободной торговле (ФТА) и энергетического партнерства. Предварительный объем торговли — до 5 миллиардов долларов.

Однако импорт газа все еще находится под воздействием санкций. Несмотря на достигнутые соглашения о расширении двусторонней торговли, экспорт пакистанского газа сократился к марту 2016 года до 128 миллионов¹⁹⁸.

Основа для взаимовыгодного партнерства

В долгосрочной перспективе, несмотря на довольно сильную оппозицию в США стратегии бывшей администрации Обамы, санкции против Ирана, по всей видимости, будут устранены. В Вашингтоне понимают, что в противном случае «это позволит Ирану дальше развивать ядерное оружие»¹⁹⁹. Ясно, что никто не заинтересован в таком сценарии.

¹⁹⁶ «Иран предоставляет скидку при транспортировках транзитных грузов из стран Центральной Азии», 17 августа 2015 г., http://www.iran.ru/news/economics/98201/Iran_predostavlyayet_skidki_pri_transportirovke_tranzitnyh_gruzov_iz_stran_Centralnoy_Azii.

¹⁹⁷ «Pakistan—Iran Bilateral Trade to be Enhanced to \$ 5 Billions», September 06, 2016, <https://timesofislamabad.com/pakistan-iran-bilateral-trade-enhanced-5-billions/2016/09/06/>.

¹⁹⁸ «PM Nawaz's Efforts to Initiate Trade Between Pakistan, Iran Termed Satisfactory», *Pakistantoday*, March 24, 2016, <http://www.pakistantoday.com.pk/2016/03/24/business/pm-nawazs-efforts-to-initiate-trade-between-pakistan-iran-termed-satisfactory/>.

¹⁹⁹ Samuel Berger, «No' to Iran Means No Forever», August 09, 2015, <http://www.politico.com/magazine/story/2015/08/rejecting-iran-deal-would-isolate-us-121189.html#ixzz3iw9vg68d>.

Объективно, противоречия и барьеры не снимают с повестки дня общность интересов в регионе ЦА. В этом плане можно выделить следующие позитивные тенденции:

1. Со времени ликвидации режима талибов в Афганистане в 2001 году Иран и Пакистан достигли определенного прогресса в деле размораживания двусторонних отношений. Этому содействуют в основном газовая зависимость Пакистана и нестабильность на границах между двумя странами.

2. Доминирование антиамериканских настроений в пакистанском обществе (согласно оценкам агентства *Pew Research Center*, только 14% населения испытывают симпатию к США²⁰⁰), наряду с определенной исламской солидарностью может облегчить диалог с Тегераном.

3. Пакистан, Иран и Афганистан, заинтересованные во взаимовыгодной экономической реинтеграции с регионами ЦЮА и зоной Персидского залива, выступают за расширение транзитной торговли, поощрение инвестиций в частный сектор, а также развитие инфраструктуры, транспорта и коммуникаций²⁰¹.

В этой связи Пакистан активно участвует в осуществлении регионального проекта «Сердце Азии» и с успехом провел осенью 2015 г. очередную конференцию в рамках данного форума. В феврале 2016 г. прошла шестая ежегодная сессия пакистано-американского Стратегического диалога на министерском уровне. Официально заявленной целью диалога Пакистана и США является достижение региональной и международной безопасности и стабильности. Ключевые сферы их интересов отражены в деятельности шести рабочих групп, включая по энергетике; безопасности, стратегической стабильности и нераспространению; вопросам обороны; обеспечению правопорядка и борьбе с терроризмом, и т.д. Обе стороны заинте-

²⁰⁰ «A Less Gloomy Mood in Pakistan Sharif Gets High Marks, while Khan's Ratings Drop», *Pew Research Centre*, <http://www.pewglobal.org/2014/08/27/a-less-gloomy-mood-in-pakistan/>.

²⁰¹ Tahir Khan, «Pakistan, Iran, Afghanistan to Step Up Business Ties», *The Express Tribune*, January 10, 2013, <http://tribune.com.pk/story/491834/pakistan-iran-afghanistan-to-step-up-business-ties/>.

ресованы²⁰² в установлении стратегической стабильности в Южной Азии, необходимости более эффективных действий против экстремистов всех мастей, в первую очередь, против ИГИЛ/Даеш, продвижении двустороннего сотрудничества между Пакистаном и Афганистаном.

Большинство вопросов региональной безопасности, обсуждаемых на данном этапе Соединенными Штатами и Пакистаном, входит также в сферу интересов Тегерана (ИГИЛ, Афганистан и пр.). Что до определенной степени содействует снижению сегодня конфликтного потенциала и конструктивному сотрудничеству ИРИ с этими государствами.

Америка — Россия

Американо-российские противоречия и соперничество во многом, как отмечалось, определяют геополитику в ЦЮА, а также на Ближнем и Среднем Востоке. В условиях межгосударственных разногласий Вашингтон и Москва периодически ищут поддержки Пакистана проводимой ими политики в зоне «Афпак». Именно в этом регионе, где основную роль играет политика Исламабада, и решается судьба Нового шелкового пути.

Не случайно влияние двух факторов — установление Индией стратегического партнерства с Вашингтоном и повышение значимости пакистанских талибов в деле стабилизации Афганистана, переключило внимание России на Пакистан²⁰³. Это произошло на фоне охлаждения отношений США с Пакистаном (после атак американских беспилотников, транспортировки войск и т.п.). В ирано-пакистанских отношениях, соответственно, наблюдается снижение напряженности, что подтверждается отсутствием существенных конфликтов между сторонами.

²⁰² «U.S. — Pakistan Strategic Dialogue. Joint Statement», Media Note. Office of the Spokesperson. Washington, DC, March 01, 2016, <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/03/253857.htm>.

²⁰³ Андрей Давыденко и В.И. Матвеевко, «Отношения России и Пакистана на подъеме», *Международная жизнь*, 28 февраля 2013 г., <http://interaffairs.ru/read.php?item=9205>; «Отношения России и Пакистана начало 2013», *Svargaman*, 31 мая 2013 г., <http://voprosik.net/otnosheniya-rossii-i-pakistana-nachalo-2013>.

В преддверии вывода основного контингента войск НАТО из Афганистана (2014 г.) в США обозначилось понимание ключевой роли Пакистана в вопросах стабилизации региона.

Очередная смена акцентов в региональной геополитике связана с событиями на Украине. После общекрымского референдума 16 марта 2014 года и аннексии Крыма Россией, западное сообщество во главе с США вводит ряд жестких санкций против России. С трудом выстроенное американско-российское партнерство по Афганистану теперь находится под угрозой, что косвенно влияет на реализацию ирано-пакистанских проектов и деятельность российско-пакистанской рабочей группы по борьбе с терроризмом. Позиция Ирана, официально поддержавшего курс Москвы, противоречит нейтралитету Пакистана — союзника США.

В этом плане американские эксперты²⁰⁴ рекомендуют рассматривать Пакистан не только и не столько в контексте американско-афганской политики, а главным образом в русле формирования новых взаимоотношений США с Азией. Серьезность американских планов подтверждается переговорами между бывшим советником премьер-министра Пакистана по вопросам национальной безопасности и внешней политики Сартадж Азизом и бывшим госсекретарем США Джоном Керри, состоявшимися в Вашингтоне 27 января 2014 года. Главной их темой были вопросы двусторонних отношений и региональной безопасности. Позже Азиатский банк развития, фактически находящийся под влиянием США, выделил Исламабаду 30 млн долларов на завершение первого терминала²⁰⁵.

Таким образом, Вашингтон делает все, чтобы воспрепятствовать стратегии РФ в этом регионе и заручиться поддержкой ключевых региональных акторов своей политики в ЦЮА.

²⁰⁴ Daniel S. Markey», «Reorienting U.S. Pakistan Strategy: From Af-Pak to Asia», Council on Foreign Relations Press, January 2014, <http://www.cfr.org/pakistan/reorienting-us-pakistan-strategy/p32198>.

²⁰⁵ «Меняя энергетическую платформу Евразии. Иран, Китай и Трубопроводистан», 10 августа 2015 г., <http://www.riata.ru/publikatsiyaya/item/8410-menyaya-energeticheskuyu-platformu-evrazii.html>.

Китай

В поисках альтернативного спонсора и партнера по вопросам безопасности Пакистан делает выбор в пользу Китая. 30 июля в Исламабаде состоялся шестой раунд китайско-пакистанского стратегического диалога, призванного содействовать строительству китайско-пакистанского экономического коридора и углубить всестороннее деловое сотрудничество между странами.

Пакистано-китайское военно-политическое партнерство, предполагающее поставку оружия, помощь в модернизации вооруженных сил и размещение военно-морской базы в Гвадаре, является сильнейшим раздражителем для Ирана. К этому можно добавить вероятность применения военной силы против шиитской диаспоры в Пакистане. Фактором беспокойства со стороны Тегерана является также участие Китая в строительстве конкурирующих с иранскими проектами транспортных магистралей, связывающих страну с регионом ЦА.

Подобные барьеры сдерживают до определенной степени развитие ирано-пакистанских проектов. Для устранения этих разногласий Китай и Пакистан стремятся подключить к совместному сотрудничеству Иран. В частности, событием регионального масштаба стало возможное присоединение Ирана к пакистано-китайскому проекту Гвадар²⁰⁶.

Действительно, как традиционное китайско-пакистанское, так и ирано-китайское сотрудничество соответствуют китайским инициативам Шелкового пути, и значит, прежде всего китайским интересам. Пакистан поддерживает китайский Инвестиционный банк азиатской инфраструктуры (где Иран является одним из учредителей!) и Фонд Шелкового пути. В долгосрочной перспективе основную выгоду при этом приобретает Пакистан, благодаря его транзитным возможностям и последующей стимуляции в стране сервиса, инфраструктуры и промышленных секторов (см. п. 3.2.).

²⁰⁶ «China — Funded LNG Project to Turn into Iran-Pakistan Gas Pipeline: Abbasi», *Pakistantoday*, July 17, 2015, <http://www.pakistantoday.com.pk/2015/07/17/business/china-funded-lng-project-to-turn-into-iran-pakistan-gas-pipeline-abbasi/>.

Афганистан

Очень значима роль Афганистана в осуществлении новых транзитных проектов к мировым рынкам (см. трансафганские проекты в п.3.1 и 3.2). Самым большим барьером, препятствующим их реализации, является афгано-пакистанский кризис, без урегулирования которого невозможно говорить о каком-либо транзитном проекте в Афганистане. В то же время страна все еще является мишенью в конкуренции между Пакистаном и Ираном.

Дополняя вышесказанное (см.п. 2.1, Афганистан), масштаб афганской проблемы, влияющий на обе страны, характеризуют следующие цифры: по данным 2014 года, 2,4 миллиона афганских беженцев расквартированы на территории Ирана и 2,6 миллиона — в пакистанских лагерях²⁰⁷.

Госдепартамент США учредил специальный Офис стратегического партнерства Афганистана и Пакистана. Однако взгляды США и Пакистана на перспективу развития ситуации и будущего Афганистана различны. Тегеран озабочен предоставлением больших свобод шиитской общине Афганистана. В свою очередь, Исламабад считает, что для стабилизации пакистано-афганских отношений необходимо соблюдение интересов талибов.

Различие идеологических предпочтений Ирана и Пакистана обуславливает разность их подходов к деятельности «Талибана». Так, для Ирана позиция талибов в Пакистане и на части территории Афганистана является чуждой и неприемлемой. Афганские повстанцы защищены укрытиями в Пакистане. Основная разведывательная структура Пакистана, Директорат по межведомственной разведке (ISI), культивировал их в 90-е годы и поддерживал с ними связь после 2001 год²⁰⁸. Ситуация осложняется и тем, что в Пакистане

²⁰⁷ «World Factbook», Iran Country Profile, March 18, 2014, <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html>.

²⁰⁸ «The Taliban», Council of Foreign Relations. July 2015, http://www.cfr.org/terrorist-organizations-and-networks/taliban/p35985?gclid=CM_BhYPrzdICFQZeGQodlhcl8A#!/?cid=ppc-Google-grant-taliban_infoguide-072915.

конкурируют две партии — Пакистанская мусульманская лига Наваза Шарифа и партия «Техрики-и-Инсаф» Имран Хана, что может привести в борьбе за власть к усилению талибов.

Произошедший раскол в рядах талибов после смерти их лидера муллы Омара поставило под угрозу весь процесс мирных переговоров с талибами. Новый руководитель тесно связан с Пакистаном и, как считают эксперты²⁰⁹, это практически является орудием пакистанской политики в Афганистане.

Исламабад стремится балансировать проталибские и антиталибские силы. Между тем, согласно утверждениям экспертов²¹⁰, талибы намерены свергнуть правительство и создать в Пакистане настоящее исламское государство.

С другой стороны, успех переговорного процесса с Ираном, вывод существенной части американских войск из Афганистана и подписание стратегического соглашения с Ираном открыло перед Вашингтоном возможность сотрудничества с Ираном. Тегеран рассматривался Соединенными Штатами в качестве потенциального стратегического партнера в процессе мирной трансформации Афганистана, в чем Исламабад был явно не заинтересован.

Более того, Пакистан абсолютно не устраивает партнерство Индии с одной стороны с Ираном, а с другой — с Афганистаном; Афганистан не желает видеть «Талибан» или другую какую-либо экстремистскую группу у власти; он ориентирован на сближение со странами ЦА в рамках проекта «Сердце Азии», что серьезно ограничит роль в регионе Пакистана.

Нынешние разногласия и конфликты способствуют сохранению угрозы со стороны различных террористических групп («Аль-Каида», «Джундулла», «Техрик-и-Талибан» и др.), действующих вблизи границ Ирана и на территории Пакистана. Известно, что представители запрещенного движения «Хизб-ут-Тахрир» продолжают оперировать на территории Афганистана и Пакистана, откуда стремятся распространять свое

²⁰⁹ Хамид Реза Байати, «Афганистан после муллы Омара: перспективы и угрозы», *Iras, Inosmi.ru*, 18 августа 2015 г., <http://www.inosmi.ru>.

²¹⁰ «Afghanistan and Pakistan after the 2014 NATO Drawdown», *Stratfor.com*, April 15, 2013, <http://www.stratfor.com/analysis/afghanistan-and-pakistan-after-2014-nato-drawdown>.

влияние на Центральную Азию и рекрутировать здесь своих последователей. Хаотическая и непредсказуемая ситуация при отсутствии эффективных властных структур в зоне «Афпак» создаёт благоприятные условия для их деятельности и подготовки центральноазиатских боевиков на тренировочных базах Пакистана.

Реально, ни один из проектов Шелкового пути не может быть реализован без стабилизации Афганистана. С этой целью правительства Пакистана и Афганистана предпринимают в последнее время серию мирных переговоров с афганскими талибами, хотя и безрезультатно.

В свою очередь, 29 февраля 2016 года бывший Госсекретарь США Джон Керри приветствовал усилия пакистанского правительства по продвижению переговоров с талибами, конструктивную роль Исламабада в организации работы четырехсторонней координационной группы, состоящей из представителей Афганистана, Пакистана, Китая и США. Участники группы считают, что достижение широкого регионального консенсуса в миротворческом процессе в Афганистане под эгидой самих афганцев — наилучший выход в деле стабилизации региона²¹¹.

Однако экспертное сообщество констатирует неэффективность предпринятых переговоров с талибами, обвиняя Пакистан почти во всех угрозах безопасности в Афганистане. Ухудшение отношений между Афганистаном и Пакистаном фактически застопорило большинство проектов. В этих условиях российская инициатива по талибам (см. п. 2.1.), с вовлечением Пакистана, вносит существенное измерение — содействие процессу.

Учитывая это, иранские эксперты отмечают ряд трудностей, препятствующих, с их точки зрения, достижению консенсуса с талибами. В частности, требование талибов — прямые переговоры с США и контроль над провинцией Хельменд, не осуществимы в данный момент. Каждая из сторон преследует собственные конфликтующие цели. Тем временем движение Даеш набирает силу и способно во взаимодействии с пакистанским «Техрик-и-Талибан», привлечь на свою сторону

²¹¹ U.S. — Pakistan Strategic Dialogue. Joint Statement.

существенную часть талибов, недовольных политикой афганского правительства и ведущих держав²¹².

В Пакистане власть фактически сконцентрирована в руках армии, которая пытается бороться с радикалами и поддерживать в стране порядок. Сложность ситуации заключается в противоречиях между военной и невоенной формой правления, текущих диспутах²¹³ о целесообразности сохранения милитаризованной формы правительства. Такая непредсказуемая хаотическая ситуация с предполагаемым вовлечением пакистанских военных во внутренний афганский кризис негативно влияет на все региональные проекты.

Решение афганских проблем зависит от множества переменных, в первую очередь консенсуса и координации между региональными акторами.

Индия

Американо-индийское стратегическое партнерство и продвижение НШП призвано нормализовать в перспективе индо-пакистанские отношения. Однако они по-прежнему развиваются по формуле «шаг вперед, два шага назад» (см. в след. главе).

В целом, пакистанский вектор в геополитике вокруг Центральной Азии остается одним из самых проблематичных и нестабильных в силу как внутренних, так и внешних причин Пакистана, что делает реализацию Нового шелкового пути невозможной.

²¹² Pir-Mohammad Mollazehi, «Afghanistan Peace Talks and Conflicting Goals», *Iran Review*, January 31, 2016, <http://www.iranreview.org/content/Documents/Afghanistan-Peace-Talks-and-Conflicting-Goals.htm>.

²¹³ Samina Yasmeen, «Pakistan, Militance and Identity: Parallel Struggles», *Australian Journal of International Affairs*, vol. 67, no. 2, (2013): 157-175, <http://dx.doi.org/10.1080/10357718.2012.750640>; Rana Banerji, «What is Happening in Pakistan Today?», *Delhi Policy Group*, July 2015, <http://www.delhipolicygroup.com/programs/peace-and-conflict-indian-peacemaking-kashmir-afghanistan-pakistan/pakistan-peaceandconflict.html>.

Саудовская Аравия

В результате распада Советского Союза возникла геостратегическая возможность для Королевства Саудовской Аравии (КСА) упрочить свои геополитические позиции путем вовлечения в сферу своего влияния стран ЦА, в которых основную часть населения составляют мусульмане. При этом основополагающим доводом внешнеполитической доктрины Саудовской Аравии является «ответственность за судьбы мусульманских государств и народов»²¹⁴.

Однако по оценкам 2005 года, королевство сталкивалось с долгосрочными экономическими трудностями внутри страны — высокий рост безработицы (14% и выше), рост населения (2,4% в год), требующими соответственно правительственных затрат. В связи с этим в 1999 г. бывший король Фахд ибн Абдул-Азиз Аль Сауд подчеркнул значение экономического, политического и военного регионального союза государств Персидского залива»²¹⁵. В 2016 году рост безработицы составлял 11,2%, инфляции — 4,4%²¹⁶.

Вполне вероятно, что в перспективе в этот союз КСА планирует включить и регион ЦА. Тем временем взаимодействие Саудовской Аравии со странами ЦА осуществляется в трех уровнях:

1. официальном: внешнеполитические и внешнеэкономические ведомства КСА (МИД, министерство по делам ислама, министерство по делам хаджа, Фонд развития и др.);
2. финансирование Саудовской Аравией международных исламских структур (Всемирная исламская лига, ОИК, ИБР и др.).

²¹⁴ Илья Кудряшов, «Саудовская Аравия: отношения с мусульманскими государствами СНГ и субъектами Российской Федерации», *Центральная Азия и Кавказ*, № 2 (26) (Швеция, 2003): 109.

²¹⁵ «Saudi Arabia Country Analysis Brief», *US Energy Information Administration*, January 2005, <http://www.eia.doe.gov>.

²¹⁶ «*World Factbook*», Saudi Arabia Country Profile, January 12, 2017, <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/sa.html>.

3. неофициальное спонсорство различными фондами, компаниями и неправительственными институтами нелегальных религиозных движений, групп и партий в Центральной Азии.

На практике такое взаимодействие предполагает, в частности:

— гуманитарную помощь и акты милосердия (пожертвования на строительство мечетей и медресе);

— культурно-образовательную помощь, направленную, главным образом, на обучение студентов из стран ЦА в религиозных заведениях;

— распространение в этих странах исламской литературы;

— содействие в организации хаджа;

— пропаганду саудовской версии ислама различного рода миссионерам и бизнесменами;

— сотрудничество с ИБР.

Прямая материально-техническая помощь мусульманскому населению государств Центральной Азии в сочетании с религиозными агитационно-пропагандистскими мероприятиями способствуют в этих странах распространению исламского фундаментализма и радикального экстремизма, чуждых для региона идей ваххабизма. Взаимоувязанность этого фактора с деятельностью движения «Талибан» определяет гибкую и осторожную политику, проводимую правительствами стран ЦА в отношении КСА, ограничиваясь контактами в сфере малого и среднего бизнеса и помощью в организации хаджа.

Политика Эр-Рияда направлена на ограничение в регионе ЦА роли своих соперников: Ирана и Турции. Вместе с тем экономические и религиозно-духовные ресурсы Саудовского королевства обеспечивают ему доминирующее положение и роль основного донора в этой конкуренции. Очевидно, что неформальное соперничество между КСА и Турцией смягчено принадлежностью обеих стран к суннитской версии ислама, что делает их больше партнерами, нежели соперниками в стратегические моменты.

С точки зрения Тегерана, однако, КСА представляет собой образец так называемого «американского ислама». Более того, предполагаемая причастность США и Саудовской Аравии к

возникновению проблемы «Талибан» также способствует напряженности в ирано-саудовских отношениях.

Тем не менее, в рассматриваемый период политические (исламская солидарность в ходе антитеррористической кампании США и по арабо-израильскому конфликту) и экономические соображения способствовали некоторому сближению Ирана и Саудовской Аравии²¹⁷. Продолжение ирано-американской конфронтации в условиях неоднозначных отношений Эр-Рияда с Вашингтоном, активизация в Саудовской Аравии радикального ислама и упрочение в ИРИ позиций консерваторов создали благоприятные условия для укрепления связей между саудовскими и иранскими консерваторами.

Так, в начале 2005 г., в преддверии планируемых военных операций США в ИРИ, Саудовская Аравия даже обращалась в ОИК с инициативой провести совещание всех мусульманских лидеров с целью преодоления разобщенности и раскола в их рядах²¹⁸.

В целом, сам ирано-американский конфликт не затрагивает существенным образом интересы КСА. Роль этой страны как «колыбели исламской цивилизации» гарантирует ей сохранение политического веса и влияние в исламском мире. Однако общий правительственный долг составлял, согласно оценкам 31 декабря 2016 года, 200,9 миллиардов долларов²¹⁹. В этой ситуации КСА заинтересована в сохранении экономического сотрудничества с США — ключевым импортером саудовских энергоресурсов.

Вместе с тем дипломатические меры Запада в вопросе «ядерного досье» Ирана, сопровождающиеся дальнейшим усилением престижа и роли в исламском мире Тегерана и возможным ростом его ядерного потенциала, являются фактором раздражения для Саудовской Аравии. Развитие подобных противоречивых тенденций создает взрывоопасную ситуацию в географической близости к региону Центральной Азии.

²¹⁷ Sieff Martin, «Saudi Arabia, Iran & Oil», April 26, 2002, <http://www.nationalreview.com>.

²¹⁸ «Saudi Arabia Offers to Host OIC Summit», *AFP, MINA*, January 23, 2005, <http://www.dawn.com>.

²¹⁹ «World Factbook», Saudi Arabia.

Пакистан — один из самых близких партнеров и потенциальных союзников Саудовского королевства в противодействии усилению регионального статуса Ирана. С этой целью саудиты готовы «использовать свои каналы для переговоров с движением «Техрик-и-Талибан»²²⁰. По мнению американских экспертов²²¹, Пакистан обещал оказывать Саудовской Аравии помощь в виде поставок в Сирию небольших партий вооружений и обучения сирийских повстанцев в масштабах, не наносящих ущерб отношениям с Вашингтоном и Тегераном. Однако неблагоприятно возлагать поддержание баланса сил на радикально настроенных вооруженных людей; их бессистемные и неконтролируемые движения могли привести к далеко-идущим последствиям на Ближнем Востоке, в Центральной и Южной Азии. Достаточно вспомнить события на Украине.

С другой стороны, эксперты не исключали противодействия Саудовской Аравии ирано-пакистанским энергопроектам²²². Начало гражданской войны в Йемене также способствовало напряженности в отношениях Пакистана и Саудовской Аравии. Исламабад отказал Эр-Рияду в военной поддержке йеменского конфликта. С точки зрения Пакистана, идеология, зародившаяся в Саудовской Аравии, уже нанесла и продолжает наносить стране большой урон²²³. Йеменский кризис, по сути, обнажает существующие различия между саудовской и пакистанской суннитскими версиями ислама, разницу между политической культурой более демократичного Пакистана и авторитарного Королевства Саудовской Аравии.

²²⁰ «Saudi-Pak Deal: Pakistan Promises to Keep its Borders Open for Afghans», January 07, 2014, <http://www.dispatchnewsdesk.com/saudi-pak-deal-pakistan-promises-keep-borders-open-afghans>.

²²¹ «Saudi Arabia Overhauls its Strategy for Syria», *Stratfor.com*, February 26, 2014, <http://www.stratfor.com/analysis/saudi-arabia-overhauls-its-strategy-syria>.

²²² «Iran: Loan for Pakistani Pipeline Canceled, Minister Says», *Stratfor.com*, December 14, 2013, <http://www.stratfor.com/situation-report/iran-loan-pakistani-pipeline-canceled-minister-says>.

²²³ Kamran Bokhari, «Why Sunni Unity is a Myth», *Stratfor.com*, May 05, 2015, <https://www.stratfor.com/analysis/why-sunni-unity-myth>.

Последние события, таким образом, проявили двойственность политики Саудовской Аравии и Пакистана. С одной стороны, они ведут с талибами переговоры, явной целью которых является переформатирование афганского политического поля в собственных интересах. С другой стороны, они поддерживают повстанческое движение в Сирии и способствуют разжиганию суннито-шиитской розни, росту религиозного экстремизма в регионе ЦА, очевидно направляемого и спонсируемого неофициальными радикальными группировками обеих стран.

Однако официальная власть Исламабада, сконцентрированная в руках военных, решительно настроена установить в стране стабильность и бороться с терроризмом. Исламабад крайне озабочен ростом напряжения в отношениях между Ираном и Саудовской Аравией. Помимо уже известных проблем регионального и глобального плана, это грозит распространением межконфессиональной розни на территории Пакистана. 18 и 19 января 2016 г., через несколько дней после введения СВПД по иранской ядерной программе, премьер-министр Пакистана Наваз Шариф посетил с официальным визитом Саудовскую Аравию и Иран. Он призвал стороны ускорить урегулирование конфликта мирными методами и предложил Саудовской Аравии создать канал для ведения диалога с Ираном. Пакистан и Иран договорились²²⁴ о назначении своих представителей по вопросам посредничества в урегулировании отношений Ирана и Саудовской Аравии. Вместе с тем эксперты пессимистически оценивают итоги челночной дипломатии бывшего премьер-министра Пакистана Наваз Шарифа, указывая на сохраняющееся довольно тесное партнерство Исламабада и Эр-Рияда, внутреннюю нестабильность Пакистана, во многом связанную с шиито-суннитскими противоречиями²²⁵. В част-

²²⁴ «Иран согласился на посредничество Пакистана в урегулировании отношений Тегерана и Эр-Рияда», *Armenpress*, 20 января 2016 г., <http://armenpress.am/rus/news/832701/iran-soglasilsya-na-posrednichestvo-pakistanu-v-uregulirovanii.html>.

²²⁵ Ankit Panda, «Why is Pakistan Interested in Brokering Peace Between Iran and Saudi Arabia?» January 22, 2016, <http://thediplomat.com/2016/01/why-is-pakistan-interested-in-brokering-peace-between-iran-and-saudi-arabia/>.

ности, запрещенная в 2002 г. террористическая группа «Джамаат уд Дава» получает поддержку от саудовской коалиции исламских государств и влияет на принятие Исламабадом решений в данном вопросе²²⁶.

Таким образом, несмотря на положительную динамику ирано-пакистанских отношений, пакистано-саудовское партнерство остается фактором нестабильности и непредсказуемости в регионе ЦЮА.

2.7. ПОЛИТИКА ИНДИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В последние годы все заметнее участие в геополитических процессах вокруг Центральной Азии, включая безопасность в Афганистане, реализацию НШП и ОПОП, другого регионального актора — Индии, до недавнего времени соблюдавшей некторую пассивность и теперь активно пытающуюся наверстать упущенное и занять свою геоэкономическую и геополитическую нишу в формирующейся системе региональных взаимосвязей. При этом успех индийской политики в ЦЮА взаимоувязан с ее взаимоотношениями с Исламской Республикой Иран.

Общность интересов

У Индии и государств Центральной Азии не только географическая близость. У народов этих стран давняя историко-культурная общность, еще со времен империи Ахеменидов в VI в. до н.э., тесных контактов на Великом Шелковом пути и династии Бабуридов в XVIв. В этом смысле Индия чрезвычайно заинтересована в возобновлении утраченных взаимосвязей с суверенными республиками Центральной Азии, в т.ч. и в интересах безопасности и экономики.

Во-первых, фактор граничащего с территорией Центральной Азии зоны «Афпак» с сопутствующими общими для стран

²²⁶ Sarah Sajid, «Pakistan: Establishing Balance Between Iran and Saudi Arabia», *Iran Review*, March 05, 2016, <http://www.iranreview.org/content/Documents/Pakistan-Establishing-Balance-between-Iran-and-Saudi-Arabia.htm>.

региона вызовами и угрозами — терроризм и экстремизм, наркотрафик, организованная преступность, и пр. В Индии опасаются, что политическая исламизация Центральной Азии может нарушить неустойчивое равновесие в регионе, а проявления радикального экстремизма и дестабилизация Центральной Азии могут отразиться на ситуации в Кашмире. В этой связи Дели надеется на тесное партнерство со светскими центральноазиатскими государствами в борьбе против этих угроз и вызовов, в том числе с территории его регионального соперника — Пакистана.

Во-вторых, посредством экономического партнерства с регионом ЦА Индия также стремится решить свои внутренние социально-экономические проблемы и удовлетворить ежегодно возрастающие энергетические потребности более, чем миллиардного населения страны. В этом плане центральноазиатский рынок — один из наиболее удобных и традиционно совместимых для индийских товаров, ноу-хау и передовой технологии. Возможный выход индийской экономики из состояния энергетического дефицита в результате создания новых путей транспортировки нефти и газа из региона ЦА стимулировал бы приток капитала в экономику Индии и обратное движение индийских капиталов и технологий в страны Центральной Азии.

Афганистан, благодаря своему геостратегическому расположению, может, по мнению индийских аналитиков, стать ключом в раскрытии этих потенциалов и геоэкономическим коридором, соединяющим Центральную Азию с субконтинентом.

В-третьих, Центральная Азия, по мнению индийских экспертов, вносит новый вклад в баланс отношений Индии с мусульманским миром. Стойкая антифундаменталистская позиция центральноазиатских государств во многом гарантирует сохранение геополитического баланса не только в регионе, но и в мировом сообществе. В этом плане для Дели важно не допустить снижения традиционного индийского влияния в Афганистане в пользу Исламабада и его союзников.

В четвертых, не менее важную роль сегодня приобретает и проблема сдерживания возрастающего китайского влияния в

Центральной Азии. В результате Индия может окончательно упустить свой шанс экономической реинтеграции с регионом ЦА и оказаться в изоляции от основных транспортно-транзитных потоков и маршрутов в зоне своего интереса.

Что касается стран ЦА, то здесь особую ценность для изолированных от морских путей государств ЦА представляет геостратегическое положение Индии — центральное расположение в Индийском океане, выход на Атлантический и Тихий океаны, к заливам Аден и Аравийскому морю. Это геостратегическое преимущество предоставляет также Индии особую роль в обеспечении мира и стабильности в регионе, находящемся в непосредственной близости от Центральной Азии.

В то же время в Центральной Азии учитывают и потенциал самой динамично развивающейся Индии. По оценкам Мирового банка, до 2020 года Индия в числе пяти наиболее перспективно развивающихся стран способна войти в число мировых лидеров. В интересах стран ЦА сотрудничество с Индией в сфере энергопроектов, транспортных коммуникаций, внедрения передовой технологии, науки и техники, торговли, малого и среднего бизнеса.

Для Ирана роль соседней Южной Азии также обусловлена вопросами безопасности, экономической реинтеграции и возрождения региона с доминированием мусульманского населения через завершение транспортно-транзитных сетей, объединяющих его с Персидским Заливом, что содействовало бы консолидации регионального статуса ИРИ. Регион также входит в зону шиитских интересов Ирана — в Индии проживает 10—15% шиитов. В Иране учитывают динамично растущую экономику Индии, ее активное присутствие в Центральной Азии и Афганистане, а также в роли балансира в отношениях с другими региональными державами. Нестабильность в Пакистане и Афганистане повышает роль Индии как незаменимого партнера в силу близости, опыта плодотворного сотрудничества и наличия интеллектуальных ресурсов.

В этой связи Иран и Индию связывают, за исключением отдельных периодов, длительные дружественные отношения и сходство взглядов на проблемы региональной безопасности.

Иран — основной энергопоставщик Дели — поставки нефти возросли в октябре 2016 года до 759,700 баррелей нефти в день)²²⁷, и важный партнер в возможном противодействии Пакистану, Китаю и по отношению к Афганистану.

Помимо интересов к региональным проектам, будь то в рамках НШП или ОПОП, Индия и Иран поддерживают строительство транспортного коридора Север — Юг, взаимовыгодного для всех государств региона и способного объединить Россию и регион ЦЮА. Обе стороны не заинтересованы в возврате к власти талибов или других радикальных групп и в усилении суннитского блока, объединяющего Афганистан, Пакистан и Саудовскую Аравию²²⁸, что представляет вызовы идеологического и политического плана.

В этой связи не удивительно, что в августе 2015 г. министр иностранных дел Ирана Мохамма Джавад Зариф посетил с официальным визитом Индию. Индия готова погасить 1,4 млрд. долл за поставки нефти²²⁹ и планирует увеличить иранский импорт.

Однако реальное партнерство, вопреки всем официальным заверениям, не продвигалось. В частности, инициированный в начале 2000-х стратегический диалог между Индией и государствами ЦА не принес ощутимых результатов.

Новая стратегия в Центральной Азии

Вывод миротворческих сил из Афганистана, расширение китайского присутствия в Центральной Азии и переговоры «шестерки» по Ирану наряду с дестабилизацией Ближнего

²²⁷ Dhvani Pandya, «Iran Pulls Ahead in Race to Supply India With Oil», *Bloomberg*, November 28, 2016, <https://www.bloomberg.com/politics/articles/2017-05-23/trump-seeks-3-6-trillion-in-spending-cuts-to-reshape-government>.

²²⁸ Bhatnagar Aryaman, «Indo-Iranian Cooperation in Afghanistan Faces Challenges», *The Institute of Peace and Conflict Studies*, August 22, 2012, <http://atlanticsentinel.com/2013/05/indo-iranian-cooperation-in-afghanistan-faces-challenges>.

²²⁹ «India Prepared to Pay \$ 1.4 bn Iranian Oil Dues», *Pakistantoday*, August 14, 2015, <http://www.pakistantoday.com.pk/2015/08/14/foreign/india-prepared-to-pay-1-4bn-iranian-oil-dues/>.

Востока побудили Индию пересмотреть свою центральноазиатскую стратегию с целью сохранения геополитических перспектив в этом регионе и решения региональных проблем безопасности.

Основными приоритетами Дели остаются при этом вопросы энергетики и безопасности региона. Ключевым в силу труднодоступности региона ЦА остается вопрос энергетических поставок. В этой связи Дели продолжает продвигать в центральноазиатском регионе совместный с Ираном проект Чабахор, газовый трубопровод ТАПИ, и международный транспортный коридор Север — Юг, обеспечивающий выход к международным рынкам в обход Пакистана. Все это полностью стыкуется с транспортно-транзитными приоритетами стран ЦА. С учетом уже занятых Китаем позиций в Центральной Азии Индия видит себя лишь в качестве альтернативного для центральноазиатских государств рынка. Это соответствует многовекторной политике и тактике диверсификации энергопоставок на международный рынок стран ЦА.

К тому же, по оценкам ЮНКТАД (UNCTAD) рост индийской экономики в 2015 и 2016 годах составил соответственно 7,2% и 7,6%²³⁰. Страна за последнее десятилетие стала третьим крупнейшим в мире импортёром (почти 4 млн баррелей в день), уступая только Китаю и США. В целом Индия станет главным двигателем роста спроса в Азии, скорее всего в то время, когда Китай заполнит свой стратегический резерв и начнёт переводить экономику на меньшую энергоёмкость, заключают эксперты²³¹.

В целях сбалансировать свою внешнюю политику Дели напоминает всем о своей приверженности принципам Движения неприсоединения, вытекающей из этого независимости своей внешней политики от стратегий каких-либо держав, в том числе и США. Данное обстоятельство предоставляет стране больше политического пространства в

²³⁰ Trade and Development Report 2016, UNCTAD, United Nations, 2016, unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdr2016_en.pdf.

²³¹ «Индия набирает вес на азиатских нефтяных рынках», *Nefttrans.ru*, 01 июля 2015 г., <http://www.nefttrans.ru/analytics/indiya-nabiraet-ves-na-aziatskikh-neftyanykh-rynkakh.html>.

одновременном выстраивании отношений как с евразийскими державами (Россия, Китай и др.), так и с евроатлантическим сообществом.

Так, фактически продолжая оставаться стратегическим партнером и союзником США, Дели поддерживает позицию Москвы в случаях, затрагивающих ее интересы. В частности, с целью углубления региональной интеграции Индия поддерживает идею евразийского экономического пространства и не исключает в будущем вхождение в ЕАЭС. Параллельно Индия активизирует свое участие в БРИКС и после длительного периода наблюдения и выжидания оглашает, наконец, вопрос о полноценном членстве в ШОС (7 июля 2015 г., Уфа).

Данные меры позволяют Индии активизировать свою политику в Центральной Азии. В июле 2015 г. премьер-министр Нарендра Моди впервые после распада Союза посетил все пять центральноазиатских республик — Таджикистан, Туркменистан, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан. С индийской точки зрения, этот визит может создать новое стратегическое направление в провозглашенной в 2012 г. политике «Связь с Центральной Азией» (Central Asia Connect Policy). О целесообразности развития индо-центральноазиатских отношений в области безопасности говорит, к примеру, то, что Таджикистан расположен всего лишь в 20 км от Большого Кашмира. Военный объект Индии расположен неподалеку от баз антииндийских террористических группировок, вблизи территории, на которой Китай и Пакистан осуществляют военное и экономическое сотрудничество²³².

Вместе с тем на политику Индии в Центральной Азии продолжает влиять ряд геополитических факторов, основными из которых являются: США — Иран, США — Россия, Пакистан, Китай.

²³² Gulshan Sachdeva, «PM's Visit to Central Asia Could Provide New Strategic Direction», *Inosmi.ru*, July 03, 2015, http://inosmi.ru/middle_asia/20150706/228952920.html.

Америка — Иран

Американо-иранские разногласия косвенно влияли на Индию, вызывая неоднозначные отношения с Ираном и препятствуя эффективному индийскому партнерству с Афганистаном и Центральной Азией.

Углубление примерно с 2006 г. темпов американо-индийского экономического и оборонного партнерства вносило напряженность в отношения между Дели и Тегераном. Дели поддерживало антииранские санкции и сотрудничало с НАТО по Афганистану²³³. Длительные ирано-американские противоречия стимулируют различные межгосударственные формирования, некоторые из которых сотрудничают с радикальными движениями на афганской территории. В частности, иранские эксперты отмечают связь террористических групп в Афганистане и партнерство США с Саудовской Аравией.

Соединенные Штаты не отрицают сотрудничество с Саудовской Аравией, в то же время не препятствуют налаживанию отношений Индии с ИРИ. Точкой соприкосновения общих интересов является Афганистан. Иран активно сотрудничает с Дели в рамках международной программы развития «Сердце Азии», а также других предпринимаемых Индией инициативах по стабилизации в Афганистане. Непосредственно не участвуя в региональных инициативах Индии, Вашингтон косвенно поддерживает ее. Символично отметить, что концепция Шелкового пути была утверждена США в 2011 г. в г. Чиннае (Индия). Двусторонние индо-афганские программы осуществляются в рамках стратегического соглашения о партнерстве между Индией и Афганистаном, заключенном в том же 2011 г.

С учетом обострения в регионе сунни-шиитского кризиса и косвенным вовлечением в него США, Дели воздерживается от публичной поддержки шиитских или суннитских государств — в Индии проживает большое количество как суннитов, так и шиитов. Похоже, она рассчитывает на позитивные перемены в политике Тегерана в отношениях с

²³³ Sepahpour-Ulrich Soraya, «Shiite Revival or Majority Resistance?», *Payvand.com*, June 06, 2006, <http://www.payvand.com>.

Саудовской Аравией, учитывая вес и влияние обоих государств в мусульманском мире. С другой стороны, необходимо как-то противодействовать давлению в регионе со стороны Китая и Пакистана. В связи с чем Дели подписывает военно-политическое и оборонное соглашение с Саудовской Аравией.

Таким образом, США и их союзники остаются важными стратегическими партнерами Индии.

Америка — Россия

Не менее глубокие и длительные американо-российские противоречия также влияют на внешнеполитические колебания Индии в рамках евроатлантических и евроазиатских подходов.

Динамичный рост Индии определяет расширение ее экономической деятельности и поиска новых рынков сбыта индийских товаров, инвестиций и технологии. С другой стороны, проблемы регионально-глобальной безопасности (Афганистан и пр.) ориентируют ее на Соединенные Штаты. Вашингтон, при всей противоречивости своей политики, обладает реальными экономическими и военно-политическими ресурсами, чтобы частично удовлетворить возрастающие потребности азиатского гиганта.

Однако сближение Дели и Вашингтона вызывает настороженность и недоверие со стороны Москвы, особенно к середине 2000-х годов. Недовольство Россией расширением военно-политических связей Индии и США распространяется и на последующий рост военно-политической активности Дели на территории Центральной Азии, включая заключение стратегического партнерства в 2011 г. с Узбекистаном, в 2012 г. — с Таджикистаном.

Более того, новый политический проект Дели «Связь с Центральной Азией», направленный на усиление позиций Индии в Центральной Азии, рассчитан на использование потенциала ШОС, ЕАЭС и Таможенного Союза. Между тем реальные действия региональных участников проекта были сконцентрированы лишь вокруг проблем региона ЦЮА. Поэтому Россия посчитала себя изолированной от предоставления новых воз-

можностей и временно ограничила свое участие в афганских процессах.

Со своей стороны, Индия и США стремились привлечь Москву к активному участию в вопросах урегулирования обстановки в Афганистане. В частности, наряду с союзом Индия — США — Китай продолжил свою деятельность действующий с 2002 г. тройственный союз Индия — Китай — Россия по вопросам мира и стабилизации в Афганистане, предполагающий более активное участие ШОС в решении вопросов региональной безопасности.

Очевидно, что успех большинства этих процессов во многом зависит от окончательного урегулирования отношений Запада с Россией и Ираном.

Пакистан

Акцент Вашингтона на особую роль в регионе Дели вносит дополнительное напряжение в сложные отношения Индии и Пакистана. Разворот американской политики к Азиатско-Тихоокеанскому региону, в рамках которой «Южная Азия» предстает как ключевая ось с Индией в качестве опоры в двусторонних отношениях с Китаем²³⁴; «ключевая» роль Дели в обеспечении безопасности в Афганистане и развитии НШП, практически всех процессов в сердце Азии²³⁵ расходится с интересами Пакистана. И явно не способствует достижению между ними компромисса.

Другой проблемой в индо-пакистанских отношениях является дестабилизация Афганистана со стороны пакистанских талибов. По мнению экспертов²³⁶, в 2014 г. было зарегистри-

²³⁴ «США держат индо-пакистанские отношения под контролем», 19 января 2014 г., <http://oko-planet.su/politik/politikmir/227307-sshaderzhhat-indo-pakistanskie-otnosheniya-pod-kontrolom.html>.

²³⁵ «Comments on India's Relations with Iran, Afghanistan, and the U.S», Remarks, Wendy Sherman Under Secretary for Political Affairs, New Delhi, India, <http://www.state.gov/p/us/rm/2013/202682.htm>.

²³⁶ Ajit Kumar Singh, «Afghanistan: Recycling History», Institute for Conflict Management, *South Asia Intelligence Review* (SAIR), Weekly Assessments & Briefings, Vol. 13, No. 27, January 05, 2015, http://satp.org/satporgtp/sair/Archives/sair13/13_27.htm#assessment1.

ровано 10,373 несчастных случаев, цифра превышающая самый высокий показатель в 2010 г. — 10,193. Согласно данным ООН, в том же 2014 г., в Афганистане зарегистрировано в целом 19,469 инцидентов по вопросам безопасности — рост на 10,3% по сравнению с 2013г. Большинство инцидентов — 69% происходило вдоль границ с Пакистаном. В этой связи США не планируют полный уход из Афганистана. Вашингтон намерен оказывать дополнительное давление на Исламабад, чтобы с его поддержкой покончить с дестабилизирующими силами в регионе. Как минимум, США значительно сократят объем экономической помощи Пакистану.

Однако переговоры пакистанского правительства с талибами не приносят желаемых результатов. Из-за нарастающего соперничества в регионе Индии и Китая напряженность между Исламабадом и Дели сохраняется.

По индийским оценкам, с мая 2014 г. произошло 700 нарушений межправительственных договоров и свыше 70,000 человек были перемещены только в провинции Джаму. Вместе с тем Дели и Исламабад согласны урегулировать отношения под эгидой ООН. Чем дольше длится конфликт, тем больше вовлеченных игроков, заинтересованных продлить данный конфликт, правомерно полагают в этой связи индийские эксперты²³⁷.

Сомнительно в этой связи, что вступление Индии и Пакистана в ШОС может разрешить их многолетние противоречия. Оно едва ли в одночасье устранил индо-китайские разногласия. Однако участие Дели и Исламабада в международной организации, возглавляемой Китаем, может ограничить острые столкновения в рамках индо-пакистанско-китайского треугольника в силу их вовлеченности во взаимовыгодные проекты. К тому же стороны в последние годы прекрасно понимают, что без снижения конфликтного потенциала в индо-пакистанских отношениях невозможно даже думать о реализации крупных экономических проектов в ЦЮА.

²³⁷ Radha Kumar, «India and Pakistan: At Tilt with Destiny», *Delhi Policy Group*, Issue brief, August 2015.

Сегодня только двусторонние меры, считают в Индии, способны нормализовать ситуацию в отношениях Индии и Пакистана²³⁸. Вероятно, с этой целью в декабре 2015г. состоялся первый за десять лет визит премьер-министра Индии Нарендра Моди в Пакистан.

Индийские эксперты предлагают взять на вооружение опыт Китая, который усиливает военную дипломатию как более эффективный инструмент в международной практике²³⁹. Однако этот подход рассчитан на очень длительный период.

Тем временем противодействие Индии экстремистским силам в Афганистане сближает позицию Дели с Тегераном и в некоторой степени противопоставляет Исламабаду (шиитский фактор). Однако в вопросах экономики и региональной безопасности Иран склонен исходить из национальных интересов, что позволяет ему одновременно сотрудничать с Пакистаном в газовой сфере.

Китай

Одновременно Индия озабочена углублением пакистано-китайского сотрудничества и ускоренным продвижением их совместных проектов, в частности проекта по Гвадару (см. ниже).

Представляется, однако, что Китай достаточно рационален и не заинтересован портить отношения со своим азиатским соперником, за которым к тому же стоят Соединенные Штаты. В целях продвижения своей центральноазиатской политики Пекин также не создает дополнительной нестабильности в зоне своих экономических интересов, включая территорию «Афпак». Инфраструктурные проекты Индии в целом соотносятся с китайским ОПОП и новой азиатской стратегией Пекина. Не случайно Китай предлагает Индии стать участником по

²³⁸ «India Should not have Unrealistic Expectations from Pakistan: Former Diplomat», July 16, 2015, <http://www.ibnlive.com/news/india/india-should-not-have-unrealistic-expectations-from-pakistan-former-diplomat-1021062.html>.

²³⁹ Aditya Singh, «Synergising Defence and Diplomacy», *Delhi Policy Group*, September 2015.

возрождению торговли между азиатскими народами в рамках нового Шелкового пути²⁴⁰. Со своей стороны Дели проявляет интерес к идее объединения с помощью ОПОП всей Азии. Индийские эксперты подчеркивают схожесть самовосприятия Индии с Китаем. Индия, по их мнению, может расширить конструктивное сотрудничество с теми элементами ОПОП, где есть совпадение интересов и взаимной выгоды. Дели и Пекину необходимо сообща выработать архитектуру безопасности в Азии для управления общими территориями, включая морские зоны. ОПОП и будущее азиатской архитектуры безопасности немислимы без сино-индийского объединения, заключает Дели²⁴¹.

Очевидно, что сотрудничество Индии и Китая может получить существенную поддержку со стороны Ирана, также активно вовлеченного в реализацию ОПОП. Более того, Иран способен стать посредником между Дели и Пекином для продвижения взаимовыгодных проектов.

Таким образом, политика Индии в ЦЮА во многом зависима от ее взаимоотношений с Исламской Республикой Иран в смысле объединения и координации планов по Афганистану и Центральной Азии, и, противодействия чрезмерному росту регионального влияния Китая, прокладке транспортных артерий из ЦА и балансирования индийских отношений с мусульманским миром (Пакистан) и другими акторами (США, Россия) в регионе. В свою очередь, Россия и страны ЦА могут балансировать китайское присутствие партнерством с Индией и другими державами в Центральной Азии.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ II

Период 1991—2006 гг.

В результате геополитических и геоэкономических тенденций и геополитического напряжения вокруг региона Центральная Азия в этот период столкнулась с серьезными проблемами.

²⁴⁰ *Foreign Policy Journal*, South Asia Daily, February 20, 2014.

²⁴¹ Jayant Prasad, «One Belt and Many Roads: China's Initiative and India's Response», *Delhi Policy Group*, September 2015, www.delhipolicygroup.com/uploads/publication_file/1093_BRI_Prasad.pdf.

Отсутствие доверия между ключевыми акторами (Россия — США, США — Иран, Китай, др.) привели к снижению сотрудничества и координации, создав тем самым благоприятную почву для развития негативных тенденций. Наряду с другим драйвером — переходным состоянием трансформирующейся Центральной Азии геополитическое напряжение породило такие последствия внутри и вокруг ее региона, включая Афганистан, как рост терроризма, религиозный экстремизм, этнический конфликт, несостоятельные государства, распространение оружия массового поражения и наркотрафик. В политической сфере данная ситуация также отвлекала международное внимание от решения региональных проблем безопасности. В экономической сфере эти драйверы вызвали санкции (Иран) и сокращение инвестиций в реализацию жизненно важных экономических проектов Центральной Азии.

• Геополитическое напряжение связано, в первую очередь, с противоречиями между Россией и евроатлантическим сообществом. Основное противоречие заключалось в выборе между евразийским и евроатлантическим моделями развития.

Россия. Евразийское направление геополитики предполагает российское влияние в Центральной Азии при партнерстве с Исламской Республикой Иран. Для завершения геополитически выгодной транспортно-трубопроводной стратегии в Центральной Азии и укрепления своих позиций в регионе Москве до 2006 года было необходимо время. С этой точки зрения, Россия более заинтересована в вяло текущей ирано-американской конфронтации, нежели в военном столкновении двух держав. В этой ситуации в регионе ЦА сохраняются элементы конкуренции и конфронтационного мышления на военно-политическом уровне. Российский интерес к Ирану также остается неизменным.

В интересах глобальной стабильности государства ЦА поддерживали любые инициативы, направленные на прекращение военных действий против ИРИ. Российские инициативы в сфере энерготранспортных коридоров соответствовали экономическим интересам стран ЦА, однако при условии одновременного развития альтернативных проектов с участием Ирана.

Евросоюз — США. Специфика евроатлантической стратегии в этот период заключалась в обострении разногласий по Ирану в американско-европейских отношениях. Роль ирано-американского фактора в европейской стратегии по Центральной Азии носила двойственный характер, как и сотрудничество ЕС — США.

Неустойчивость и противоречивость центральноазиатской политики ЕС, и приоритетность решения назревших внутриполитических проблем диктует странам ЦА необходимость объединения в более близкую по целям и интересам организацию — ЕврАзЭС. Одновременно интересы стран ЦА направлены на достижение компромисса ЕС и США с Ираном, формирование стабильного международного пространства для реализации экономической интеграции региона.

- Другая геополитическая проблема касалась американских союзников в мусульманском мире: Турция, Саудовская Аравия и Пакистан.

С **Турцией** в этот период была связана стратегия американско-спонсируемого экспортного нефтепроводов БТЖ и продвижение ее в качестве модели светского мусульманского государства для новых независимых государств ЦА. Однако отношения этой страны со странами ЦА были неоднозначными, как по причине неуспеха общей энергостратегии США в Центральной Азии, так и вследствие собственных упущений Турции в регионе, связанных с исламским фактором (Узбекистан).

Соответственно страны ЦА в различной степени прошли путь от провозглашения турецкой модели развития, разочарования и некоторого дистанцирования от Турции до нормализации с ней двусторонних отношений. Взаимоотношения двух сторон были ограничены сферой малого и среднего бизнеса, научно-культурными контактами.

Однако с растущим в мире разочарованием антитеррористической стратегией США и интенсификацией внутреннего кризиса Турция предпринимает весьма ощутимые усилия по развитию более сбалансированной внешней политики, не исключая дружественные партнерские отношения с Ираном и Россией, и продвижение умеренной формы ислама. Это находит поддержку стран ЦА, заинтересованных в устранении

любой геополитической и экономической напряженности в регионе ЦА.

Саудовская Аравия менее других зависима от влияния ирано-американского фактора на свою внешнеполитическую стратегию в Центральной Азии. Однако ее неофициальное спонсорство нелегальных религиозных движений, групп и партий в Центральной Азии стимулировало распространение исламского фундаментализма и радикального экстремизма, чуждых идей вахабизма, что предопределило гибкую и осторожную политику центральноазиатских государств в отношении Саудовской Аравии.

Внутриполитическая нестабильность в **Пакистане** и приграничных с ним районах, отсутствие политических и экономических ресурсов не позволяют ему быть активным игроком в Центральной Азии. В то же время консолидация в последнее время ирано-пакистанских отношений на почве антиамериканизма и роста исламского радикализма служит дестабилизирующим фактором для интересов безопасности Центральной Азии.

В целом, союзнические обязательства Турции, Пакистана и Саудовской Аравии с Соединенными Штатами, их экономическая зависимость от западного капитала ограничила потенциал их взаимоотношений с Ираном. Партнерство этих стран с США играло роль противовеса возможным иранским амбициям в мусульманском мире.

Наиболее приемлемым для государств ЦА является поддержание осторожных, в некоторой степени ограниченных дипломатических, торгово-экономических и культурных отношений с этими государствами. В этих геополитических и геоэкономических условиях государства ЦА были заняты поиском наиболее надежных и выгодных путей транспортировки своей продукции на мировые рынки.

Политически более надежным, не тесно привязанным к Ирану, но относительно далеким и дорогостоящим считался путь через Китай. Большинство государств ЦА поэтому тщательно изучали этот альтернативный маршрут. Китайский рынок может стать одним из перспективных направлений в развитии родственных, с историко-культурной точки зрения, центральноазиатских экономик. Ожидалось также, что ки-

тайское присутствие может служить балансиrom в отношениях стран ЦА с другими региональными акторами.

Китай также был в определенной степени заинтересован в продолжении ирано-американских противоречий для завершения собственной трубопроводной стратегии в регионе ЦА. В вопросах оппозиции антииранским силовым действиям США позиция Китая совпадает с позицией России и направлена против любых проявлений экстремизма, радикализма и сепаратизма, к чему могут привести военные действия в соседних регионах.

В совокупности международная ситуация, сложившаяся в итоге геополитических процессов, свидетельствует о дестабилизирующем влиянии ирано-американских отношений на общий геополитический фон в Центральной Азии, что отвлекало внимание и политические ресурсы от спорных и взаимосвязанных проблем безопасности и создавали условия для будущего разворота стран ЦА в сторону Китая.

2007— январь 2017 гг.

Центральноазиатская безопасность и развитие находятся под влиянием роста нестабильности на огромной территории ЦЮА и Ближнего Востока (ИГИЛ, Сирия, др.); начала диалога США — Иран; подъема Китая.

Афганский, украинский, йеменский и сирийский кризисы, будучи на деле отражением и следствием текущей геополитической борьбы, ставят ситуацию в Центральной Азии на край глобальной катастрофы. В условиях чрезмерно затянувшейся ирано-американской напряженности и геополитических разногласий республики ЦА оказываются буквально в кольце внутривосточных и экономически нестабильных государств, включая находящиеся под санкциями ИРИ и РФ. Граница вплотную с территорией «Афпак», страны ЦА являются первыми потенциальными жертвами возможных потоков терроризма, экстремизма, наркотиков, оружия массового поражения, и т.д. Одновременно экономика стран ЦА испытывает уже двойной прессинг: со стороны антииранских и российских санкций, что до крайности обостряет социально-экономическую ситуацию в Центральной Азии. Логическим результатом этих процессов стала активизация в странах ЦА и в Афганистане

религиозной оппозиции, рост численности ИГ и других радикальных движений.

В этой связи страны ЦА чрезвычайно заинтересованы в скорейшем урегулировании проблем и разногласий между региональными акторами, в осуществлении достигнутых в Вене договоренностей и последующем полном снятии с Ирана и России санкций. Снижение геополитического напряжения, а с ним и уровня нестабильности в регионе ЦА, позволит государствам ЦА сосредоточиться на ключевых вопросах внутривосточного развития. Кроме того, открываются широкие возможности для участия стран ЦА в многосторонних проектах с ИРИ. В первую очередь, это проекты в транспортно-транзитной и энергетической сферах, способные ускорить региональную интеграцию и наладить сотрудничество в сфере безопасности.

Одновременно, в этих условиях закончился период используемой Китаем тактики выжидания и осторожного изучения геополитических возможностей.

Борьба между евразийскими и атлантическими идеями развития, воплощенная ранее в стратегиях Евразийского союза и НШП, таким образом дополняется с 2013 года китайской стратегией Одного Пояса и Одного Пути. В условиях ближневосточной и южноазиатской нестабильности и возрастающей экономической мощи и влияния Китая в Центральной Азии, американская стратегия НШП была фактически предана забвению. С начала украинского кризиса пошатнулось и без того аморфное состояние Евразийского союза.

Основные причины неэффективности Евразийского союза заключаются в следующем:

- Организация носит чисто ассиметричный характер при доминирующей роли России, что будет влиять на принятие решений и ограничит экономический, следовательно, и политический суверенитет его членов;

- Евразийский союз на деле не имеет собственной повестки дня, концепции и долгосрочной программы развития²⁴².

²⁴² «Выступление Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на заседании Совета глав государств СНГ», 13 октября 2014 г., <http://www.mfa.uz/ru/press/news/2014/10/2593/>.

Неэффективность американской стратегии Нового шелкового пути проявляется в следующем:

1. Запад не получил полного доступа к энергоресурсам региона ЦЮА. Основные проекты стратегии НШП — ТАПИ, CASA-1000²⁴³ и черноморский коридор в Европу через Афганистан и Китай — не были завершены.

2. Риторика Вашингтона о принципах регионализма, заложенная в основе концепции НШП, и официальные декларации о необходимости открытия единой антитеррористической коалиции противоречат реальной политике США, продолжающей ограничивать участие в региональных делах России и Ирана. Начало американо-российского взаимодействия в этих условиях не приносит пока желаемого результата. Геополитическая конкуренция между США — ЕС, с одной стороны, и Россией, с другой, продолжает включать в борьбу за удержание в зоне своего влияния:

а) Центральной Азии; б) Ирана; в) Китая; г) решение украинского и сирийского кризиса в удобном для них формате.

3. Начало американо-иранского диалога было сложным и неоднозначным. Основные противоречия между Ираном и Западом не были полностью устранены подписанием 15 июля 2015 года международного соглашения по иранскому ядерному вопросу. Неопределенность ирано-западных отношений только консолидировала стратегическое сотрудничество Тегеран — Москва.

4. Геополитическая напряженность создает почву для процветания различных региональных вызовов и угроз в Афганистане, что во многом связано с деятельностью неформальных действий саудовской коалиции.

5. Ирано-российские отношения в обозримом будущем имеют тенденцию к устойчивому до известной степени росту на основе общих интересов безопасности и в целях создания системы сдержек и противовесов стратегии других ведущих держав.

²⁴³ CASA-1000 (Central Asia — South Asia) — проект, предусматривающий передачу электричества из Таджикистана и Киргизии в Афганистан и Пакистан.

6. Параллельно будет, по всей видимости, сохранен и союз Иран — Китай — Россия в качестве потенциального инструмента давления на Соединенные Штаты по спорным вопросам международного развития, в будущем включая, возможно, и в рамках ШОС с участием Ирана.

7. Нестабильность в Пакистане сохраняется. Два фактора определяют региональную стратегию Пакистана: итоги текущих переговоров с Афганистаном и строительство экономического коридора Китай — Пакистан — Иран. В обозримом будущем обе проблемы труднодостижимы в реализации. Кроме того, проблема усугубляется сунни-шиитским конфликтом, где иранские и пакистанские интересы часто пересекаются.

8. Наибольшим вызовом для НШП является индо-пакистанское соперничество в Афганистане и в странах ЦА. Наряду с этим, Индия, будучи стратегическим партнером США, стремится балансировать свои внешнеполитические предпочтения в рамках евроатлантических и евразийских подходов.

В отличие от этого, более успешная инициатива Одного Пояса и Одного Пути на деле доказала свою способность объединить в своих проектах почти всех региональных акторов, за исключением Соединенных Штатов. Однако ее претворение в жизнь имеет собственную специфику:

- политика Китая в Центральной Азии носит двойственный характер. С одной стороны, китайский капитал играет важную роль в создании и совершенствовании имеющихся инфраструктурно-логистических сооружений в Центральной Азии и в целом, модернизации национальных экономик. В этом плане вызовы реализации крупных межгосударственных проектов, в том числе ОПОП, объективны, вполне ожидаемы и устранимы коллективными усилиями. С другой стороны, ясно, что политика Пекина направлена, прежде всего, на решение собственных задач развития КНР, где Центральная Азия, в случае отсутствия адекватной стратегии противодействия, со временем может стать «сырьевым придатком» китайской экономики. Центральная Азия может стать лишь промежуточным этапом на пути глобальной стратегии Китая, где основную роль играют для Пекина все же США как в плане экономической взаимозависимости, так и в военно-стратегической совместимости и глобальной конкуренции.

- Ожидаемый в перспективе после снятия санкций бурный экономический рост и региональное влияние Тегерана может представлять определенный вызов экономическим планам Китая в Центральной Азии.

- По всей вероятности, США, ЕС и Россия могут также противостоять растущему китайскому присутствию в Центральной Азии и смежных с ней регионах.

При всем этом, однако, есть также факторы, способные примирить конкурирующие стороны в будущем.

- Сомнительно, чтобы США были заинтересованы в нагнетании ирано-саудовских разногласий и появлении новых очагов нестабильности на Ближнем Востоке. Иран — потенциально значимый партнер в вопросах обеспечения безопасности в ЦЮА, Среднего и Ближнего Востока. Природные ресурсы и динамично развивающаяся экономика Ирана, его военно-политический и демографический потенциал имеет неоспоримые преимущества по сравнению с Королевством Саудовской Аравии.

- Точками соприкосновения интересов США, ЕС и России, помимо китайского фактора, может стать а) урегулирование ситуации в зоне «Афпак» и Сирии; в) противодействие дестабилизации региона ЦА; г) восстановление мира и порядка на Украине.

- Период колебаний европейской политики по Ирану постепенно сменяется ее стабилизацией с очередным объединением ЕС и США в вопросах безопасности и экономики. При поддержке Вашингтона страны ЕС стремятся превратить в будущем Иран в основного поставщика газа в ЕС и вести собственную политику по Центральной Азии и Ирану, что соответствует интересам США по энергетической безопасности и политической стабильности в ЦЮА.

- Анкара продолжает пропагандировать стратегию «мягкой силы» и умеренной формы ислама в родственных странах ЦА. Однако роль Турции для стран ЦА также противоречива. С одной стороны, это культурно-историческая, этническая и экономическая близость, с другой, вызовы и угрозы радикализма с территории современной Турции, инвестиционная несостоятельность турецкой экономики на данном этапе. Совмещение евразийского (с участием стран ЦА) и евроатлантического на-

правления в политике Анкары в этих условиях — дело весьма сложное и зависит от окончательного урегулирования сирийского кризиса и российско-турецких отношений.

- Историческая и культурная близость, жизненные интересы в Центральной Азии и преобладание прагматических подходов во внешней политике Турции и Ирана будут предопределять партнерство этих стран при развитии любого регионального сценария. При этом сохранится определенный неконфликтный уровень их соперничества в Центральной Азии. Успех в развитии ирано-турецкого партнерства будет определяться степенью соблюдения ими экономических интересов и внешнеполитических предпочтений государств ЦА, исходом внутривнутриполитических событий в Турции и эффективностью их региональных стратегий в целом. Уже в среднесрочной перспективе Иран и Турция могут стать взаимодополняющими факторами развития Центральной Азии. Более того, эти страны будут способны ускорить процесс модернизации и интеграции всего региона посредством объединения всего Кавказа и Центральной Азии в единую энерготранспортную систему с выходом в Европу.

- Пакистан и Иран заинтересованы в развитии региональных инициатив Шелкового Пути, в энергетическом партнерстве и в целом, экономической интеграции с ЦЮА; интересы стабильного и устойчивого развития побуждают их к сотрудничеству в вопросах региональной безопасности, требуют поддержания в регионе баланса сил. К тому же партнерство Ирана и Пакистана с Китаем не исключает в долгосрочной перспективе практическую реализацию и сопряжение ОПОП с Евразийским союзом.

- Иран является ключевым компонентом и опорой политики Индии в ЦЮА. Их двусторонние отношения подразумевают противодействие потенциальным амбициям и партнерству по Афганистану Пакистана и Китая. От уровня ирано-индийского сотрудничества зависит эффективность индийской политики в Центральной Азии и баланс ее интересов с большинством региональных акторов, включая Китай и Пакистан.

- Приоритетом на данном этапе для всех региональных акторов является достижение прогресса в деле борьбы с радикальными силами и успех переговорного процесса с талибами.

III. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В данной главе рассматривается развитие Центральной Азии в нефтегазовой и транспортной сферах.

Процесс формирования энергетических и транспортно-транзитных систем сталкивается с рассмотренными в предыдущих главах геополитическими рисками и вызовами. Основными драйверами являются, следовательно, геополитическая напряженность и известные трудности переходного периода государств ЦА.

Выход из ситуации региональной и глобальной безопасности во многом связан с построением системы энергетических трубопроводов и транспортных коридоров. Предположительно, это существенно стабилизирует регион, создав благоприятные условия для его экономического процветания, что является, как целью, так и инструментом достижения экономической интеграции и безопасности в регионе. Их осуществление может обеспечить реальный прорыв в развитии огромного региона ЮЦА.

США, Китай и Россия конкурируют за лидерство в построении энергетических и транспортных маршрутов. Однако у США в принципе нет конкретной стратегии, лишь стремление реализовать идею Шелкового пути с помощью самих региональных государств, в то время как Китай инвестирует в проекты, существенно продвигая стратегию ОПОП.

Ключевыми факторами, влияющими на геоэкономический процесс, остаются Иран и Соединенные Штаты.

3.1. ПОЛИТИКА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОРИДОРОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

3.1.1. 1991—2006 гг.

Общие предпосылки

Нефтегазовая сфера — наиболее важный приоритет в развитии богатых энергоресурсами государств, если учесть, что энергия может выполнять роль стратегического инструмента в достижении геополитических и экономических целей любого развитого или развивающегося государства. В XXI веке с растущими в мире потребностями в энергии, острые геополитические и геоэкономические процессы создают множественные барьеры на пути распределения энергоресурсов.

Особенно интригующе, когда дело касается огромного региона, богатого энергоресурсами, и государств, находящихся под косвенными или прямыми международными санкциями, такими как центральноазиатские государства и Исламская Республика Иран.

Нефтегазовая сфера призвана обеспечить успешную интеграцию стран ЦА в мировую торговую систему, что предусматривает строительство в регионе новых трубопроводов, увеличение экспорта нефти и газа. В условиях геополитической конкуренции и политической нестабильности региона центральноазиатские страны выступают за диверсификацию экспортных маршрутов транспортировки энергоресурсов, что в то же время, может защитить их энергетические рынки от неблагоприятного влияния мировой конъюнктуры и внешней конкуренции. При этом все государства ЦА, как отмечалось, заинтересованы в интересах геоэкономической и геополитической стабильности сотрудничать с Соединенными Штатами.

Огромное значение также имеет для стран ЦА соседний Иран, как наиболее удобный и экономичный связующий «мост» с мировыми азиатскими и европейскими рынками. Более того, иранский вариант транзита нефтересурсов — это

«прямой выход к морским портам, к потребителям казахстанской нефти ... без посредников»²⁴⁴.

Энергетическое партнерство с Ираном ограничивает потенциальную монополию некоторых государств в энергетической сфере (напр., Китая и России), обеспечивает надежную доставку центральноазиатских энергоносителей вследствие удаленности от нестабильных зон (Афганистан и др.). Наряду с этим, благодаря собственным богатым запасам энергоресурсов Тегеран может выполнять не только роль транзита, но и импортера и экспортера ресурсов в Центральную Азию.

В свою очередь регион ЦА является приоритетным в развитии ИРИ, заинтересованной в возрождении национальной экономики и реинтеграции. Иран поддерживает идею строительства сети альтернативных трубопроводов из Центральной Азии, что будет содействовать региональной энергетической безопасности, экономическому развитию и расширению экспортных рынков, одновременно обеспечивая Ирану роль «привратника» транзитного пути для нефтегазовых трубопроводов и формирующихся транспортных путей. При этом в интересах собственной безопасности, что неразрывно связано со стабильностью и экономическим прогрессом в Центральной Азии, Тегеран не стремится к доминированию в энергетической сфере региона и признает право стран ЦА на диверсификацию экспортно-транзитных путей доставки энергетических ресурсов.

Вместе с тем на пути ирано-центральноазиатского партнерства есть и ряд объективных и субъективных факторов, препятствующих его развитию. К ним можно отнести следующее:

- социально-экономические последствия распада СССР и различия между политическими системами: исламский режим в Иране и светские государства в Центральной Азии;
- слабость иранской экономики, которая не в состоянии обеспечить передовой технологией и вкладывать крупно-

²⁴⁴ Айбат Жарикбаев, «Транзит нефти: иранский маршрут», *Gazeta.kz*, 09 февраля 2004 г., <https://www.caravan.kz/articles/tranzit-nefti-iranskij-marshrut-367986/>.

масштабные инвестиции в Центральную Азию в условиях санкций;

- этнические и религиозные различия между суннитами и шиитами, персами и тюрками, способные стать в руках некоторых групп инструментом достижения определенных целей в регионе;

- неурегулированность правового статуса Каспийского моря, что не противостоит развитию полномасштабного сотрудничества в энергетической сфере;

Вместе с тем задачи обеспечения Ирану роли «ворот» в Центральную Азию и транзитного маршрута нефтегазовых трубопроводов и транспортных путей были осложнены антииранскими санкциями США и американо-российской геополитической конкуренцией в регионе ЦА.

Казахстан

Основным инструментом во внешней политике Казахстана является сфера нефтегазовой промышленности, с которой связана вся экономика страны. Согласно последним оценкам, нефть составляет около четверти валового внутреннего продукта Казахстана и около 60% всех экспортных доходов страны²⁴⁵. Именно с этих позиций следует согласовывать сегодня энергетическую стратегию США.

Америка

Основная борьба в 90-х годах XX в. разворачивается вокруг стратегически значимого для США проекта БТЖ (см. Приложение 1). Его реализация способствовала бы вовлечению государств ЦА в евроатлантическое пространство. Соответственно, проект бойкотировался Россией.

В течение длительного времени оставались нерешенными вопросы предполагаемой мощности БТЖ и финансирования данного проекта Всемирным банком и другими международными финансовыми организациями. Политические и экономи-

²⁴⁵ Asian Development Bank. Country Partnership Strategy: Kazakhstan 2012–2016. Sector Assessment (Summary): Energy 1, <https://www.adb.org/sites/default/files/linked-documents/cps-kaz-2012-2016-ssa-02.pdf>.

ческие причины вызывали периодические колебания внешне-политических предпочтений казахского руководства и уровня его поддержки проекта БТЖ.

Тем не менее, интерес американских компаний к казахстанской нефти не снижался. Главным стратегическим партнером республики была объявлена американская компания «Шеврон» (Chevron), американские акции совместного предприятия «Тенгиз — Шевройл» составляют 72%²⁴⁶. Однако российские специалисты считают весь тенгизский нефтяной комплекс сферой влияния российских компаний, так как основная часть нефтяного экспорта идет пока через действующий российский трубопровод Мангышлак-Самара и магистральный трубопровод Тенгиз-Новороссийск.

Политическое давление США на Казахстан в вопросе выбора энерготранспортных коридоров только усилилось в период антитеррористической кампании на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Однако благоприятный в первые месяцы афганской операции 2001 г. политический фон для нормализации ирано-американских отношений побудил Астану к попыткам убедить США в целесообразности реализации проектов через территорию Ирана. С этой целью была организована серия казахстано-американских встреч и дискуссий на высшем уровне²⁴⁷.

При этом в Астане сомневались в политической, финансово-технической и экологической целесообразности подключения своих энергоресурсов к проекту БТЖ. Нестабильная политическая ситуация в Афганистане явно не способствовала осуществлению проекта нефтепровода из Центральной Азии. С другой стороны, Казахстан находился под одновременным давлением в этом вопросе со стороны России и США.

С целью соотношения с двумя влиятельными силами (Россия и США) казахстанское руководство оказывало знаки внимания американским компаниям. Считалось, что до 2008-2009 гг. существующих трубопроводов для Астаны достаточно,

²⁴⁶ Julia Nanay, «Iran's Role in Central Asia. A Dialogue with AIPAC», Washington D.C.: The Petroleum Finance Company. Sponsored by the Middle East Institute and SAIS Central Asia Institute (September 24, 1998):10.

²⁴⁷ *Казахстанская правда*, 10 апрель 2002 г.

чтобы обеспечить нефтяной экспорт. В первую очередь это нефтепровод Атырау — Самара (обеспечивал прокачку 15 млн. т казахстанской нефти в год), Каспийский трубопроводный консорциум (проектная мощность — 67 млн. т в год) и в перспективе — нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан²⁴⁸.

Администрация Буша продолжала настойчиво убеждать Астану в нецелесообразности иранских маршрутов энергоносителей²⁴⁹. Одновременно Вашингтон требовал от Казахстана принятия твердых обязательств, связанных с Транскаспийским трубопроводом.

Неудачи миротворческой деятельности США в Ираке и рост антииранских милитаристских настроений в Вашингтоне сопровождалась жестким давлением Запада на страны ЦА в вопросах ускорения демократических реформ, гуманитарных прав и продвижения к свободной рыночной экономике. Радикальные меры в отношении государств ЦА, к которым призывали ОБСЕ, ЕС, США и Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), грозили сокращением инвестиций под такие транспортные проекты, как ТРАСЕКА, от реализации которых зависит экономическое благосостояние всего региона ЦА. В условиях продолжения антииранских санкций подобная тактика евро-американского сообщества грозила сорвать все планируемые Астаной альтернативные энерготранспортные проекты.

В качестве ответного шага Казахстан обратился к Китаю, отношения с которым заметно активизировались. В декабре 2005 г. открыт 1000-километровый трубопровод, связавший Казахстан и Китай. Он стал первым центральноазиатским экспортным маршрутом, который не проходит по российской территории.

Актуальность Казахстана в геостратегии США только возросла после андижанских событий и официального открытия

²⁴⁸ Анатолий И. Гушер, «Геостратегическое измерение проблем Каспийского моря», *Журнал теории и практики Евразийства*, №.22 (Москва, 2003), 10 января 2003 г., <http://www.eurasianet.org>.

²⁴⁹ «Пресс-конференция помощника Государственного секретаря США по делам Европы и Евразии Э. Элизабет Джонс», 24 января 2003 г., Ташкент: Служба информации ТСЕЕП при Минэкономике РУз.

трубопровода Баку — Джейхан в 2005 г. В этой связи речь шла о поддержке Вашингтоном председательства Казахстана в ОБСЕ в 2009 г., и о дополнительных инвестициях в энергетический сектор страны. Итогом данных усилий стало подписание в июле 2006 г. соглашения между Азербайджаном и Казахстаном о транспортировке углеводородов из Казахстана через Каспийское море и далее по трубопроводу БТЖ.

Россия

Обострение американо-европейских разногласий по Ирану и Ираку активизировало сотрудничество Казахстана, России и стран ЕС.

Так, между Россией и Казахстаном подписан договор о разделе трех газовых месторождений в северной части Каспийского моря: Курмангази, Центральное и Хвалинское, и соглашение о транзите казахской нефти через территорию РФ в Европу. В октябре 2001 г. Каспийский трубопроводный консорциум (КТК) приступил к перекачке в Новороссийск нефти, добываемой американскими компаниями Chevron и ExxonMobil на месторождении Тенгиз в северном Казахстане. Сдача трубопровода Тенгиз — Новороссийск протяженностью 1580 км нанесла удар по планам строительства БТЖ. Тенденция сближения с Россией завершилась вхождением Казахстана в интеграционное сообщество Россия — Белоруссия — Украина и формированием Евразийского экономического сообщества (ЕАЭС).

В результате предпринятых Вашингтоном дипломатических мер в октябре 2004 г. в Алматы достигнута договоренность о расширении сотрудничества Казахстана с НАТО. Вполне понятно, что Россия восприняла это «с явным неудовольствием»²⁵⁰.

В условиях нарастающего военного присутствия США в Центральной Азии более благоприятным сценарием для

²⁵⁰ Дмитрий Маслов, «Непростая дружба. Казахстано-российские отношения сегодня», *Континент*, № 01 (113), январь 21, февраль 3 (Астана, 2004), <http://www.continent.kz>.

Москвы является сотрудничество государств ЦА с Тегераном, что оставляет простор для российской активности в Евразии, включая стратегически важный ближневосточный регион.

Иран

Роль РК для ИРИ обусловлена, помимо уже упомянутого, принадлежностью Казахстана к зоне Каспия. Экономическое и политическое значение Казахстана в иранской стратегии требует поэтому активного продвижения каспийских и других интересов Тегерана, если необходимо и ценой определенных уступок Астане.

Астана, в свою очередь, заинтересована в транзитных возможностях ИРИ. Долгосрочная жизнеспособность транзита казахстанской нефти через Иран обусловлена, по мнению казахстанских экспертов²⁵¹, привлекательностью расширяющихся азиатских рынков — совокупная потребность на сырую нефть в странах Юго-Восточной Азии и в Китае стабильно растет — примерно на 5% в год. Не менее важным фактором выбора иранского маршрута является его расстояние до берегов Персидского Залива, балансируя при этом интересы вовлеченных держав.

Однако твердая позиция США по Ирану снижала темпы обменных операций Казахстана с ИРИ. Намерение Казахстана продавать нефть Ирану было впервые озвучено в ходе подписания протокола о развитии сотрудничества в транспортной сфере (ноябрь 1992 г.)²⁵². В 1996 году было подписано соглашение о поставках казахской нефти в Иран на основе обменных операций. Контракт, однако, не принял окончательную форму до декабря 2001 года, и только в феврале 2002 года первый танкер с нефтью отбыл из казахского порта Актау в иранский порт Нека. Обменные операции

²⁵¹ Булат Хусаинов и Куляш Туркеева, «Энергетический потенциал Казахстана: состояние и перспективы», *Центральная Азия и Кавказ*, № 4 (28) (Швеция, 2003): 119–120.

²⁵² Bolat Auelbaev, «Kazakhstan's Politico-Economic Relations with Iran», *Central Asia and the Caucasus*, No.4 (28), 2004, 82-88.

были рассчитаны на 10 лет. Уже к концу 2004 года в иранский порт Нека доставлялось ежедневно около 35,000 миллиардов баррелей туркменской и казахской нефти. Как признают западные эксперты, Иран планировал, модернизировав свое оборудование, увеличить нефтеобмен, частично с целью конкуренции с трубопроводом БТЖ²⁵³. Это также означало бы реальный прорыв в завершении американской блокады. В мае 2004 года президент Казахстана Нурсултан Назарбаев открыто заявил о желании своего правительства проложить трубопровод через территорию Казахстана и Ирана.

В условиях международной напряженности вокруг проектов с участием Ирана, Астане и Тегерану необходима была внешняя поддержка при решении возникающих инфраструктурных и финансовых проблем в ходе продвижения экономического проекта. В результате Астана вынуждена была ограничить сотрудничество с Ираном в нефтяной сфере. Согласно оценкам Международного Энергетического Агентства (EIA), объем обменных операций составил только 25,000 баррелей в день в 2012 году.²⁵⁴

С другой стороны, в условиях ирано-американской конфронтации и неконкурентоспособности иранской экономики нефтемаршруты через территорию ИРИ не могли играть решающую роль во внешнеэкономической стратегии Казахстана. Официальной причиной²⁵⁵ этого со стороны Казахстана становится его приверженность к многовариантным путям доставки нефти на мировые рынки. Свою роль также играет и конкуренция между Ираном и Казахстаном за эффективный сбыт и реализацию своей продукции. В итоге Астана сосредотачивается на декларируемых более прибыльных с геоэкономической точки зрения проектах.

²⁵³ Iran Country Analysis Brief, March 2005, <http://www.eia.doe.gov>.

²⁵⁴ «Kazakhstan, Analysis», *US Energy Information Administration*, October 28, 2013, <http://www.eia.gov/countries/cab.cfm?fips=kz>.

²⁵⁵ Санат К. Кушкумбаев, «Влияние глобализации на Центральную Азию: региональная интеграция и безопасность», *Аналитическое обозрение*, № 2 (Астана, 2001): 9–11.

Выбору иранского маршрута энергоносителей препятствует и проблема правового статуса Каспийского моря, неурегулированность которого ведет уже в 2001 г. к милитаризации Каспия и косвенному вовлечению в зону Каспия США. С целью предотвращения дестабилизации региона и усиления контроля над каспийскими энергоресурсами Вашингтон оказывал военнотехническую помощь странам Каспийского региона, включая Казахстан. В частности, с 1 января 2004 г. США открыл программу модернизации казахстанского Каспийского побережья. В том же году Вашингтон финансировал строительство в Казахстане военных объектов на сумму 2,9 млн. долл. и увеличил расходы на обучение казахстанских военных на 113 тыс. долл.²⁵⁶

Однако возможность в перспективе прокладки трубопровода по территории Ирана не снимается с повестки дня. В частности, франкобельгийская компания «Тотал-фина Эльф» готовила технико-экономическое обоснование строительства нефтепровода из Казахстана через Туркменистан в Иран с выходом к Персидскому заливу и с ответвлением его в западный Пакистан. По этой артерии намечалось перекачивание в перспективе российской, узбекской и туркменской нефти. К тому же Тегеран предлагал льготные расценки на нефтетранзит, что также увеличивало шансы «иранского варианта»²⁵⁷.

Тем временем в прессе возобновились дискуссии о возможном начале диалога между Вашингтоном и Тегераном. В октябре 2004 г. прошла встреча министра торговли ИРИ с премьер-министром Казахстана, на которой особое внимание уделялось вопросам транзита казахской нефти через территорию Ирана. Со своей стороны Иран стремился расширить бартер нефти, увеличив пропускную способность своих каспийских портов с целью «удвоить» объем нефтяных операций с Казахстаном²⁵⁸.

²⁵⁶ Владимир Мухин, «Военные вызовы Каспийского региона», *Независимая газета*, 16 января 2004 г.

²⁵⁷ Алексей Чичкин, «Казахстан диверсифицирует энерготранзит», *GazetaSNG.ru*, 20 июня 2002г., <http://www.gazetasng.ru>.

²⁵⁸ Илан Берман и Келли Кристофер, «Иран активизировался на «постсоветском пространстве», *The Wall Street Journal*, InoSMI, 19 июля 2004 г., <http://www.inosmi.ru>.

Накануне открытия 25 мая 2005 г. трубопровода БТЖ Президент Нурсултан Назарбаев вновь подтвердил свою приверженность экспорту казахстанской нефти по трубопроводу Баку — Джейхан. С целью изменить геополитическую ситуацию в свою пользу США и ЕС наряду с оказанием финансовой помощи сделали ряд позитивных жестов в сторону Астаны. В частности, заявили о том, что Казахстан способен стать «настоящим лидером» в Центральной Азии²⁵⁹.

В Казахстане все больше осознают противоречивость и непредсказуемость ситуации, способной привести к межгосударственным конфликтам и общей нестабильности в регионе ЦА. В данной связи создание более сложного геополитического климата в Центральной Азии в Астане считают одним «из главных вызовов безопасности в регионе»²⁶⁰.

Туркменистан

Развитие другой энергодобывающей страны ЦА — Туркменистана также тесно переплетено с нефтегазовым сектором ее экономики. Нефтегазовый потенциал Туркменистана, в частности, запасы нефти, по западным оценкам, составляли на 1 января 2016 г. 600 млн. баррелей, природного газа — 7,504 трлн. куб. м. за тот же период²⁶¹.

Приоритетным направлением во внешней политике нейтрального Туркменистана остаётся двустороннее межгосударственное сотрудничество.

²⁵⁹ Бауржан Шаухмет, «Визит Кондолизы Райс в Казахстан оправдал прогнозы экспертов», *«Паровоз»*, (2/2004-9/2008), октябрь 2005 г., <https://rus.azattyq.org/a/1180539.html>.

²⁶⁰ «Стабильность в Центральной Азии в постконфликтный период», материалы межд. конференции, 14—15 июня 2002 г., 88.

²⁶¹ *«World Factbook»*, Turkmenistan Country Profile, April 13, 2017, <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/tx.html>

Иран

Особую роль при этом в геостратегии Туркменистана играет соседний Иран. По мнению туркменских экспертов, Иран стабильно занимает во внешнеторговом обороте Туркменистана четвертое место и весьма сомнительно, что Ашгабат предпочтет дружбу с США в ущерб сотрудничеству с Тегераном²⁶².

Территория соседнего приграничного Ирана рассматривается туркменской стороной в качестве одного из наиболее удобных сухопутно-транспортных путей и маршрутов экспорта энергоносителей к мировым рынкам. В этой связи Туркменистан считает себя «ключевой страной», обеспечивающей выход стран ЦА к морю, заинтересованной в партнерстве с Ираном в развитии национального газового комплекса с учетом предоставления ИРИ широких возможностей для транзита туркменского газа. Для Ашгабата иранский коридор означает и возможную ликвидацию монополии России в транзите туркменского газа²⁶³.

В геоэкономическом плане Туркменистан является источником энергоресурсов и реальным партнером Ирана в разработках энергопроектов и прокладке трубопроводов. Благодаря географическому положению и сырьевым ресурсам Туркменистан способен стать одним из главных нефтегазовых коридоров в Центральную Азию и играть незаменимую роль в качестве транзитной страны для экспорта казахской нефти и газа в Персидский залив и Турцию. Для Ирана роль Туркменистана важна и в качестве стратегического партнера ИРИ в вопросах выработки правового статуса Каспийского моря.

Однако развитие ирано-туркменских отношений не лишено противоречий. В частности, в качестве препятствия стратегии ИРИ в регионе иранские эксперты отмечали сотрудничество

²⁶² Ата Хаитов, «Потеря глобального видения: взгляд из Туркменистана», *Центральная Азия и Кавказ*, № 2 (26) (Швеция, 2003): 199.

²⁶³ Максад Комаков, «Обзор роли экономического сотрудничества и конфликта», *Аму-Дарья*, т. 8, № 18 (Тегеран, Осень 2004 & Зима 2005): 266.

Туркменистана с США, Израилем и странами ЕС, в том числе туркмено-израильское сотрудничество в нефтегазовой сфере²⁶⁴.

С конца 90-х годов XX века с провозглашением Мохаммада Хатами курса на «диалог цивилизаций» и смягчением ирано-европейских разногласий в ИРИ надеются на возможное в перспективе сотрудничество с Европой в нефтегазовом секторе Туркменистана, что влияет на более сдержанные иранские подходы к политике Ашгабата.

Барьером на пути ирано-туркменского экономического партнерства является так же, как и в остальных случаях, противодействие США проектам с участием Ирана. В частности, американское руководство откладывало на неопределенный срок выдачу лицензий компании «Мобиль» на участие в обменных операциях с Ираном, тем самым осложняя экспорт нефти из Туркменистана²⁶⁵.

Фактически замороженным ввиду американских санкций является и основной магистральный газопровод через Иран с участием консорциума во главе с англо-голландским концерном «Ройал-Датч-Шелл». Туркменская сторона²⁶⁶ считает этот проект коммерчески наиболее выгодным. Предположительно, он пройдет из Туркменистана через Иран в Турцию. Первый участок его готов (Корпедже–Курт–Куй объемом в 8 млрд. куб. м). В 1999 г. по этому газопроводу прокачано лишь 1,5 млрд. куб. м, в 2000 г. — 2 млрд. куб. м (по плану — 4 млрд. куб. м), за 6 мес. 2001 г. — 2,2 млрд. куб. м. Выполнение же остальной части проекта приостановлено по финансовым причинам²⁶⁷.

²⁶⁴ Владимир Месамед, «Внешнеполитические приоритеты Туркменистана», *Центральная Азия и Кавказ*, Швеция, 27 сентября 1998 г., www.ca-c.org/journal.

²⁶⁵ Michael Lelyveld, «Turkmenistan: President Refuses to Sign Oil Pipeline Agreement» *RFE/RL reports*, November 05, 1998, <http://www.rferl.org/>.

²⁶⁶ Юрий Юданов, «Центральная Азия — новый фаворит иностранных инвесторов», *Мировая экономика и международные отношения*, № 4 (2000): 103.

²⁶⁷ Сергей Каменев, «Энергетическая политика и энергетические проекты Туркменистана», *Центральная Азия и Кавказ*, 28:4 (2003): 136-137.

Америка

Несмотря на сложную региональную ситуацию, Туркменистан занимает существенное место в геостратегических планах Соединенных Штатов в обеспечении доступа к центральноазиатским энергетическим ресурсам. При этом в США учитывают удобное географическое положение Туркменистана, способное обеспечить поставки нефти и газа через территорию Афганистана и Пакистана на юг, к морям Индийского океана.

В то же время, в зависимости от ситуации, политика Ашгабата была направлена на определенное дистанцирование или, напротив, сближение с Россией и Ираном. Отсутствие четких политических предпочтений в туркменской внешней политике вносило напряженность в отношения Туркменистана и Соединенных Штатов. В частности, Ашгабат прогневал США твердой решимостью проложить нефтепровод в Иран.

Более того, Ашгабат начал переговоры о строительстве нового Прикаспийского газопровода с участием Украины, России, Казахстана и Туркменистана, которое планировалось завершить к 2007 г.²⁶⁸. Значение этих переговоров расценивается Москвой в контексте идеи новой экономической интеграции бывших советских республик с помощью систем энергетических и газо-нефтепроводных сетей. С этой точки зрения, подписание 10 апреля 2003 г. с Туркменистаном соглашения о поставках туркменского газа по магистрали Средняя Азия — Центр (через Узбекистан и Казахстан) в Россию, Украину и далее в Европу стало для России поистине «революционным» — оно обещало принести 300 млрд. долларов²⁶⁹.

В целом Россия и Иран играют немаловажную роль в провале проекта Транскаспийского газопровода (см. Приложение 1), по сути в провале американской политики внедрения в регион

²⁶⁸ Ф. Асим, «Туркменистан окончательно отвернулся от Запада. Но куда он повернулся?», *Зеркало* (Баку, 01 августа 2003 г.), <http://www.zerkalo.az>.

²⁶⁹ Игорь Томберг, «Энергетическая политика стран Центральной Азии и Кавказа», *Центральная Азия и Кавказ*, № 4 (28) (Швеция, 2003): 84.

ЦА. Этому же способствует бойкотирование каждой из сторон вопроса по статусу Каспийского моря, а также кардинальное изменение политики России в отношении экспорта туркменского газа через единую систему газопроводов. Цель такой политики — снижение интереса Туркменистана к Транскаспийской магистрали.

Однако США не собираются уступать России стратегически важную прикаспийскую зону Центральной Азии, о чем свидетельствовало стабильное поступление в Туркменистан широкомасштабной финансовой помощи США. Более того, администрация США вновь поддержала энергопроект БТЖ по созданию независимого от России и Ирана маршрута для экспорта на западный рынок каспийской нефти и газа, что совпадает с желанием Ашгабата ориентировать основные энергомагистрали в обход России.

Иран и Россия почти в равной степени обеспокоены активностью Туркменистана в продвижении трансфганского маршрута энергоносителей к берегам Индийского океана. Однако реализации трансфганского проекта препятствует политическая и экономическая нестабильность в Афганистане и соседнем Пакистане. Это откладывает осуществление проекта на неопределенное время.

В этих условиях туркменское руководство переключило свое внимание на Китай. Правительства Китая и Туркменистана планировали построить трубопровод, который позволил бы Ашгабату поставлять в Пекин 30 млрд кубометров газа ежегодно²⁷⁰.

Таким образом, сохранение ирано-американской конфронтации и вытекающие отсюда последствия ориентируют Ашгабат на поиски часто нереальных, ввиду сложной политической и экономической ситуации в регионе, выходов нефтегазового потенциала страны. Разногласия Ирана и США не только отражаются на притоке капиталов в нефтегазовую сферу Туркменистана, но и стимулируют политическое лавирование

²⁷⁰ Игорь Торбаков, «Россия внимательно наблюдает за расширением туркмено-китайского экономического сотрудничества», *Eurasianet.org*, 30 августа 2006 г., <http://www.eurasianet.org>.

туркменского руководства в рамках треугольника Иран — США — Россия, способствуя милитаризации Каспийского моря и геополитической дестабилизации в Центральной Азии. Это в совокупности не только сдерживает развитие региональной экономики, процесс региональной интеграции, но и препятствует реализации здесь собственно американских планов.

Узбекистан

В отличие от Казахстана Узбекистан располагает сравнительно небольшими запасами нефти, но является третьим крупнейшим производителем природного газа в СНГ и входит в первую десятку государств мира по его добыче²⁷¹.

Иран

Большое значение в этой связи приобретает потенциальное участие Узбекистана в центральноазиатских энергопроектах через территорию Ирана к Персидскому заливу. При этом учитывается наличие собственных узбекских энергоресурсов, а роль Ирана — в качестве наиболее удобной транзитной территории для выхода узбекского экспорта на мировые рынки.

В то же время Узбекистан не граничит с Каспийским морем и, занимая срединное положение в регионе, в определенной степени зависим от подключения к строящимся в Центральной Азии энергопроектам. Наиболее важным аспектом взаимоотношений ИРИ и РУз является поэтому сотрудничество в транспортно-коммуникационной сфере, что косвенно также связано с развитием в регионе энергетических связей. Постсентябрьские события 2001 г. продемонстрировали необходимость безотлагательных решений транспортно-коммуникационных проблем для Центральной Азии. Их эффективное решение способно стимулировать центральноазиатскую интеграцию и ограничить основу международного терроризма.

²⁷¹ «Caspian Sea Region Country Analysis Brief», *US Energy Information Administration*, December 2004, <http://www.eia.doe.gov>.

Об экономической целесообразности иранского направления в экономике РУз свидетельствовала, к примеру, и переориентация узбекского экспорта — почти 60% хлопка на иранский порт Бендер — Аббас²⁷².

Однако международный проект — строительство транс-афганского железнодорожного транспортного коридора Термез — Мазари — Шариф и далее в иранские порты Бендер — Аббас и Чабахор, осуществляющийся в рамках программы «ТРАСЕКА», зависит от того, как быстро будут восстановлены транспортные мосты и магистрали. В целом, реализация широкомасштабных планов по обеспечению выхода Узбекистана к морским коммуникациям сразу в нескольких направлениях, включая выход к черноморским и тихоокеанским портам, сталкивается с большими финансовыми трудностями. Как отмечают в Узбекистане, «из-за недостатка финансирования ... ежегодно из более 9,4 тысячи километров дорог общего пользования, нуждающихся в ремонте, согласно установленным нормативам межремонтных сроков, ремонтируется только около 40 процентов»²⁷³.

Продолжающееся в этих условиях экономическое давление Запада на Центральную Азию и антииранская стратегия США, исключая участие Тегерана в энерготранспортных и иных проектах, на деле создает лишь почву для социально-экономической и политической нестабильности в регионе ЦА.

Америка

Для Вашингтона Узбекистан является ключевым государством в Центральной Азии, как в области региональной безопасности, так и реализации стратегии Шелкового пути.

В то же время очевидно, что инструменты экономического давления США на Иран в условиях глобализации отражаются на общем уровне притока капитала в экономику Центральной

²⁷² Тулкин Ташимов, «Поворот на Восток», *Экономическое обозрение*, № 10 (73) (Ташкент, 2005): 45, 47, 49.

²⁷³ Сергей Ли, «Дороги, которые мы обустраиваем», *Народное слово*, 28 августа 2004 г.

Азии. В частности, «показатели притока в Узбекистан прямых иностранных инвестиций на душу населения по-прежнему самые низкие среди стран с переходной экономикой»²⁷⁴.

В условиях сохранения регионально-глобального напряжения Узбекистан постепенно ориентирует свои экономические связи на страны СНГ и ИРИ. Так, доля внешнеторгового оборота с торговыми партнерами из СНГ увеличилась с 31,7% за 9 месяцев 2003 г. до 34,4%, в то время как с зарубежными странами уменьшилась — с 68,3% до 65,6%. За соответствующий период 2004 года в число ведущих торговых партнеров Узбекистана вошли Россия — 13,9% экспорта (185,2% к уровню 9 месяцев 2003 г.) и Иран — 6,0% (рост в 133,4% — за тот же период)²⁷⁵.

Принятие Западом во главе с США крайне жесткой и по большому счету неоправданной позиции по проблемам гуманитарных прав в ходе андижанских событий в мае 2005 г. окончательно сориентировал Ташкент в сторону евразийских держав. Соответственно консолидировались внешнеэкономические отношения страны с Москвой и Тегераном — первое место среди шести ведущих торговых партнеров РУз за девять месяцев 2005 г. заняла Россия — 19,2% экспорта (151,9% к уровню 9 месяцев 2004 г.) и третье — Иран — 6,8 (125,6%)²⁷⁶.

Россия

Геостратегические интересы России в Узбекистане делают ее основным конкурентом США в вопросе их политического влияния в регионе.

²⁷⁴ Алишер Расулев и Равшан Алимов, «Структурные преобразования и повышение конкурентоспособности экономики Узбекистана», *Общество и экономика*, № 6 (Ташкент, 2003): 202.

²⁷⁵ «Внешняя торговля», *Экономика Узбекистана. Информационно-аналитический обзор*. Январь-сентябрь 2004, Центр эффективной экономической политики, № 7 (Ташкент, 2004): 56,57.

²⁷⁶ «Внешняя торговля», *Экономика Узбекистана*. № 11 (Ташкент, 2006): 55.

После 11 сентября 2001 г. развитие региональных внутри-политических процессов стимулировало узбекско-российское сближение по ряду вопросов, имеющих жизненно важное значение для региона ЦА.

В частности, узбекское руководство было заинтересовано в эффективном функционировании газопровода Средняя Азия-Центр, оператором которого выступала Москва. Согласно заключенным в Самарканде договорам, стороны предполагали увеличить объемы поставок узбекского газа в Россию до 10 млрд. куб. м. Документы, подписанные летом 2005 г. Национальной холдинговой компанией «Узбекнефтегаз» и открытыми акционерными обществами «Лукойл» и «Газпром», предусматривают привлечение в нефтегазовую промышленность Узбекистана инвестиций в размере 2,5 миллиардов долларов США²⁷⁷.

В июне 2004 г. эта тенденция завершилась подписанием двумя странами договора о стратегическом партнерстве, продолжением которого стало подписание в ноябре 2005 г. узбекско-российского договора о союзнических отношениях и слиянии по инициативе президента Узбекистана организации «Центральноазиатское сотрудничество» с ЕврАзЭС.

Развитие событий демонстрирует неэффективность попыток Запада изменить политику Узбекистана в нужном ему направлении. В результате администрация Буша предприняла ряд военно-дипломатических мер по вытеснению Москвы из традиционной зоны ее влияния. В начале августа 2006 г. состоялся визит бывшего помощника госсекретаря США по Южной и Центральной Азии Ричарда Баучера в Ташкент, в ходе которого была предпринята попытка восстановить утраченное доверие и выстроить новую основу для двустороннего сотрудничества. Точкой отсчета в возобновлении партнерства между США и Узбекистаном может, по мнению МИД РУз, стать совпадение мнений по ядерной проблеме Ирана.

Таким образом, рост нестабильности в регионе ЦА, во многом связанный с продолжением ирано-американской кон-

²⁷⁷ Анвар Бабаев, «По пути дальнейшего укрепления партнерства», *Народное слово*, 30 июня, 2005 г.

фронтации и геополитическими «играми» вокруг иранской дилеммы, отразился в конечном итоге на смене внешнеполитических предпочтений Ташкента. От готовности сохранять и укреплять американо-узбекское стратегическое сотрудничество, консолидировать в случае необходимости военное присутствие США на своей территории Узбекистан перешел к активному сопротивлению западной стратегии по вопросам, не отвечающим жизненно важным интересам страны. На практике это означало усиление евразийского, прежде всего российско-китайского, направления во внешней стратегии РУз.

3.1.2. НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭНЕРГОПОЛИТИКЕ

Центральноазиатские страны обладают к настоящему периоду огромными запасами нефти и газа (см. табл. 1). В частности, Казахстан находится на втором месте по уровню имеющихся нефтяных ресурсов среди бывших республик Советского Союза. Его доказанные резервы составляли к маю 2017 г. 30 млрд баррелей нефти и 85 триллионов кубических метров природного газа²⁷⁸. Туркменистан — шестой в мире среди крупнейших обладателей природных запасов газа с доказанными запасами приблизительно в 265 триллионов кубометров и 600 млн баррелей нефти²⁷⁹.

В Узбекистане потенциальные резервы нефти составляют более 5,3 млрд тонн, газового конденсата — 480 млн тонн, природного газа — около 5 млрд кубометров, и нефтегазового конденсата — около 5 млрд кубометров²⁸⁰.

²⁷⁸ «World Factbook», Kazakhstan, May 10, 2017, <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kz.html>.

²⁷⁹ «Turkmenistan. Analysis», *US Energy Information Administration*, May 30, 2014, <http://www.eia.gov/countries/country-data.cfm?fips=TX>.

²⁸⁰ Равшан Ибрагимов, «Дальнейшая судьба нефтегазового сектора Узбекистана — экспертная оценка», 14 января 2016 г., <http://caspiabarrel.org/az/2016/01/38347/>.

Таблица 1.

**Доказанные нефтяные и газовые ресурсы
в Центральной Азии (2013—2015)**

Страна	Нефтяные ресурсы	Газовые ресурсы
Казахстан	30 млрд. баррелей	85 триллионов куб.м.
Туркменистан	600 млн. баррелей	265 триллионов куб.м.
Узбекистан	594 млн. баррелей	65 триллионов куб.м.

Источник: Администрация энергетической информации США, Казахстан — 10 мая, 2017; Туркменистан — июль 2016; Узбекистан — июль 2016, <http://www.eia.gov/countries>

Что касается иранских ресурсов, они составляют около 10% мировых запасов сырой нефти, 17% мирового запаса газа и более трети ресурсов ОПЕК²⁸¹. Доходы от экспорта нефти позволили Ирану аккумулировать резервы внешней валюты на сумму более 100% млрд долларов США²⁸².

Потенциал для сотрудничества

К сожалению, доля Ирана в торговле с Узбекистаном составляла по итогам 2014 г. только 374,9 млн долларов²⁸³, это около 2,4% всего объема узбекского внешнеторгового оборота (за исключением стран СНГ)²⁸⁴.

Большинство вовлеченных региональных государств переживают переходный период и сталкиваются со схожими социально-экономическими проблемами и проблемами безо-

²⁸¹ «Iran. Analysis», *US Energy Information Administration*, July 22, 2014, <http://www.eia.gov/countries/country-data.cfm?fips=ir>.

²⁸² «Economy of Iran», *Wikipedia*, November 14, 2014, http://en.wikipedia.org/wiki/Economy_of_Iran.

²⁸³ «Uzbek-Iranian Relations», <http://www.mfa.uz/ru/cooperation/countries/59/>.

²⁸⁴ Подсчитано автором на основе данных из: *Альманах Узбекистана 2015* (Ташкент: Центр экономических исследований, 2016), 134.

пасности. Это объективно стимулирует их к сотрудничеству и поиску взаимоприемлемых решений и проектов. К тому же все страны ЦА и ИРИ нуждаются в инвестициях и технологии, что предполагает партнерство с США, КНР и ЕС.

То, что страны ЦА и Иран смогут постепенно выработать механизм преодоления или, по крайней мере, сдерживания существующих проблем, свидетельствуют факторы:

Дальнейшее совершенствование правовых рамок бизнеса и создание благоприятного инвестиционного климата;

Институциональная и финансовая помощь ЕС, России и США в рамках двусторонних и многосторонних экономических (включая приоритетную нефтегазовую сферы), научно-технологических и образовательных проектов;

Интенсивный поиск более эффективных региональных механизмов по обеспечению безопасности на многостороннем уровне (ШОС, ОБСЕ, пр.).

Узбекистан, к примеру, предусматривает децентрализацию экспортно-импортных операций, стимуляцию политики привлечения внешних инвестиций и развития экспортной активности. В то же время страна планирует ввод в эксплуатацию несколько крупных блоков месторождений и увеличение газовых резервов до 488,5 млрд кубометров и ликвидных углеводородов до 41,7 млн тонн. Предусматривается увеличить ежегодную добычу газа до 66 млрд кубометров к 2020 году, а нефтегазового конденсата — до 3,5 млн тонн²⁸⁵.

Подготовительные меры также предприняты Казахстаном по увеличению роста производства сырой нефти и газового конденсата до 111,1% в 2015 г., по сравнению с 2011 г. (рост производства в 9 млн тонн, новейшие данные отсутствовали), объем нефтяного производства до уровня 110 млн тонн в 2018 г.²⁸⁶

²⁸⁵ «Новые газоконденсатные месторождения», *Noviyvek.uz*, 12—18 июня 2014 г., <http://www.noviyvek.uz>; Равшан Ибрагимов, «Дальнейшая судьба нефтегазового сектора Узбекистана — экспертная оценка».

²⁸⁶ «Прогноз социально-экономического развития Республики Казахстан на 2014—2018 годы (на первом этапе)», протокол № 7, 27 апреля 2014 г., <http://www.minplan.gov.kz/economyabout/247/49886>.

Что касается Туркменистана, он запустил в действие второй газоперерабатывающий завод «Багтийярлик» общей мощностью в 9 млрд кубометров рыночного газа в год и приступил к строительству второй очереди для промышленного развития газового месторождения «Галкыныш», предназначенного для ежегодного производства 30 млрд кубометров рыночного газа²⁸⁷.

Вызовы и угрозы

Однако к настоящему времени упомянутые во второй главе вызовы к сотрудничеству Ирана и стран ЦА не только не устранены, но имеют тенденцию к дальнейшему углублению. За исключением различий политических систем, все стороны вполне способны, как показывает время, к мирному сосуществованию.

Итак, как упоминалось в п.2.3, сохраняется относительная слабость иранской экономики, не способной инвестировать в регион ЦА, по крайней мере в ближайшее время. Сунни-шиитские противоречия в регионе ЦА отсутствуют, но сохраняются опасения быть втянутыми в текущий сунни-шиитский конфликт вследствие периодических сунни-шиитских столкновений в соседнем Пакистане.

Что касается антииранских санкций и проблемы легального статуса Каспийского моря, решение этих вопросов, несмотря на достигнутые соглашения, носит долговременный характер и зависит от множества переменных текущей геополитики. В совокупности эти факторы, наряду с инвестиционно-техническими и инфраструктурными трудностями, будут сдерживать до определенной степени развитие нефтегазового партнерства стран ЦА и Ирана.

²⁸⁷ Руслан Комаров, «Экономика Туркменистана: достижения и приоритеты», «Институт стратегического планирования и экономического развития», 18 июля 2014 г., <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=6902>.

Влияние санкций

Более того, длительное негативное воздействие антииранских санкций на экономические процессы в Центральной Азии ориентируют государства ЦА в сторону Китая, как наиболее удобного, надежного и предсказуемого инвестора.

Исключительная зависимость уровня торговли от внутренней политической и экономической стабильности только частично объясняет ситуацию в регионе. Важным фактором в условиях трансформации и модернизации развивающихся регионов является санкционная политика ведущих государств. Ресурсы региона без активно развивающейся торговли могут даже при благоприятной политико-экономической среде быть использованы лишь для покрытия социально-экономических и других потребностей развивающихся центральноазиатских государств (пример — Казахстан). Понятно, что строительство транспортно-транзитных трубопроводов не может быть реализовано без прямых внешних инвестиций.

Зависимость центральноазиатских экономик от снятия иранских санкций может быть проиллюстрирована на примере экономики Узбекистана в период 1995—2011 гг. (до расширения торговли со странами СНГ). В эти годы постепенный рост внешних инвестиций с 12,4 до 3853,8 млрд сум²⁸⁸ способствовал росту торгового оборота с 6,612,6 млн долларов до 26,059,3 млн долларов соответственно. Торговля резко возросла в 2005 г. после увеличения инвестиций из более развитых стран, не относящихся к СНГ: с 6,096.7млн долларов в 2005 г. до 15,020,4 млн долларов в 2011, что увеличило ВВП со 302,8 млрд сумм до 77,750,6 млрд сум соответственно (см. рис. 1). Даже с учетом возможных погрешностей официальной статистики такой рост свидетельствует о тенденции. Поиск

²⁸⁸ Узбекский сум здесь и в других местах не переведен в доллар, невозможно было представить их эквивалент в долларах США в связи с практически ежедневным и ежемесячным изменением курса узбекской валюты.

соответствующих инвесторов ведет к тому, что в 2010 году, например, доля китайских компаний на нефтяном рынке Казахстана составила 21,5%²⁸⁹.

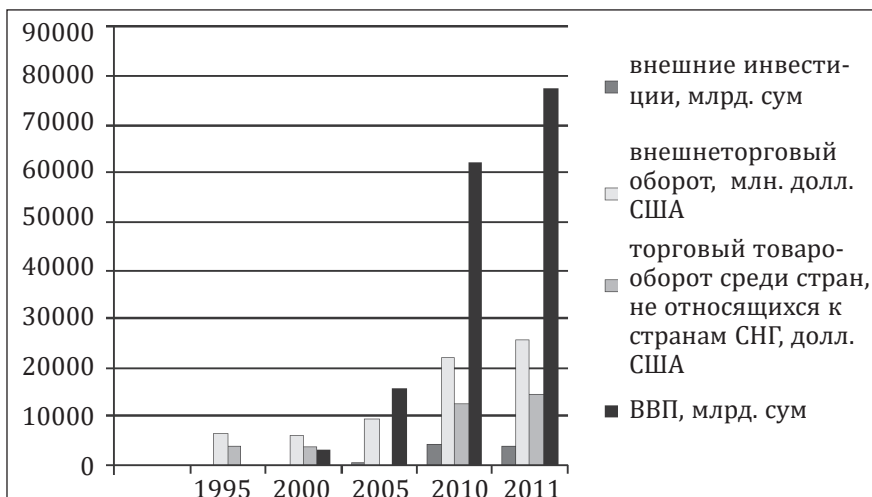

Рис. 1. Влияние торгового оборота на ВВП в Центральной Азии на примере Узбекистана — 1995—2011.

Источник: «Узбекистан Альманах 2013», Государственный Комитет по статистике Республики Узбекистан, Центр экономических исследований (2013): 81, 159.

Узбекистан и Китай совместно осуществляют энергопроекты общей стоимостью в 2,8 млрд долларов²⁹⁰, обе страны подписали двусторонние соглашения по осуществлению торговых и экономических проектов, инвестиционного и финансового сотрудничества на 6,3 млрд долларов, включая инвестиции,

²⁸⁹ Леонид Гусев, «Энергетическая стратегия КНР», *Центр военно-политических исследований*, 21 марта 2013 г., <http://eurasian-defence.ru/node/22960>.

²⁹⁰ «Узбекистан и Китай обсудили сотрудничество в сфере энергетики», *Neftegaz.ru*, 13 августа 2014 г., <http://neftegaz.ru/news/view/128444>.

займы и гранты из Китая на сумму в 2,7 млрд долларов²⁹¹. Ожидается, что контракт между Туркменистаном и Китаем увеличит общий ежегодный объем природного газа, поставляемого в Китай, до 65 млрд кубометров²⁹².

Весь процесс влияния антииранских санкций на центральноазиатские государства можно представить следующей схемой:

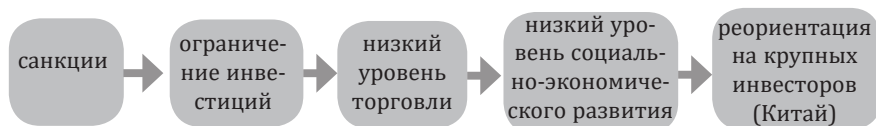

Рис. 2. Процесс влияния антииранских санкций на центральноазиатские государства.

Перемены в энергетической стратегии Ирана

В последние годы стратегия Ирана остается осторожной и двойственной. С одной стороны, Тегеран пытается усилить региональное энергетическое партнерство, независимое от интересов и давления США.

В этой связи Иран укрепляет двустороннее сотрудничество в сфере энергетики. В частности, Казахстан и Иран вели переговоры о возобновлении и росте объема обменных поставок казахстанской нефти в Иран. Туркменистан и Иран успешно осуществляли широкомасштабные совместные проекты по строительству трубопроводов, таких как Корпедже — Курткуй, Артик — Люфтабад, Давлетабад — Серахс — Хангеран, которые поставляют туркменский газ в Иран. В дополнение к существующему трубопроводу Корпедже — Курткуй, действующему уже 10 лет и с помощью

²⁹¹ «Uzbekistan-China: New Stage of Cooperation», *Uzdaily.com*, July 02, 2016, <http://kun.uz/en/news/2016/07/02/uzbekistan-china-ne15w-stage-of-cooperation>.

²⁹² Nikolai Bobkin, «Turkmen Gas and the Pipeline Politics», *Strategic Culture Foundation*, January 26, 2014, <http://www.strategic-culture.org/news/2014/01/26/turkmen-gas-and-the-pipeline-politics.html>.

которого Туркменистан ежегодно поставляет около 8 млрд кубометров газа в Иран, трубопровод Давлетабад — Серахс — Хангеран ежегодно будет поставлять иранским потребителям 20 млрд кубометров туркменского газа²⁹³.

Тегеран и страны ЦА активизируют каспийское сотрудничество, приходя к определённом компромиссу и сближению позиций. В результате итоги сессии по Каспийскому морю, прошедшей в Астрахани осенью 2014 г., были оценены Ираном как качественно новый поворот в истории каспийских взаимоотношений. С другой стороны, Казахстан, Туркменистан, Иран, Азербайджан и Россия сотрудничают в деле реализации прикаспийского железнодорожного коридора, который планируется завершить в 2018 г. По мнению экспертов, это увеличит объем торговли в 8—10 раз²⁹⁴. Каспийское кольцо может стать центральным пунктом коридора Север — Юг, который кратчайшим путем соединит Балтийское и Индийское моря. Не исключено, что к этому проекту может подключиться и Китай, также заинтересованный в каспийской зоне.

С другой стороны, Тегеран прилагает усилия для нормализации отношений с Западом. Вероятность снятия с Ирана санкций усиливает европейский аспект в ирано-центральноазиатском сотрудничестве. В частности, торговый товарооборот между Ираном и странами ЕС в 2016 г. достиг 13,7 млрд евро²⁹⁵. Только с Италией президент ИРИ Хасан Рухани в ходе своего европейского турне подписал соглашения на 18 миллиардов долларов. Более 30 миллиардов долларов составляет сумма заключенных сделок с французскими

²⁹³ «Туркменистан ввел в строй газопровод Довлетабад — Серахс-Хангеран», *The Forbes*, 06 января 2014 г., <http://www.forbes.ru/news/36960-turkmenistan-vvel-v-stroi-gazoprovod-dovletabat-serahs-hangeran>.

²⁹⁴ Николай Устименко, «Россия и Иран — шаг к стратегическому партнерству», 04 мая 2015 г., <http://www.ritmeurasia.org/news—2015-05-04-rossija-i-iran-shag-k-strategicheskomu-partnerstvu-17788>.

²⁹⁵ «Iran — EU Trade up 78% in 2016: Eurostat», February 20, 2017, <http://www.tehrantimes.com/news/411278/Iran-EU-trade-up-78-in-2016-Eurostat>.

компаниями. До 5–6 миллиардов долларов готова довести сумму своих операций с Ираном и Германия²⁹⁶.

Ирано-саудовская конкуренция в энергетической сфере только благоприятствует Европе, в результате чего поставки иранской нефти в страны ЕС могут стать более дешевыми.

Одновременно Иран активизирует китайское направление энергостратегии. Тегеран планирует партнерство с ЕС и государствами ЦА в рамках китайского ОПОП, в частности, в ходе выполнения «Плана по взаимодействию в нефтегазовой сфере с Россией и странами ЦА». На деле Иран уже участвует в проекте газового трубопровода «Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай», запущенного в 2009 г. После частичной отмены санкций Тегеран и Пекин анонсировали новую эру в своих экономических отношениях, что выразилось в подписании 17 соглашений на 600 миллиардов долларов²⁹⁷.

Со своей стороны, ЕС издает новый пакет энергетической стратегии, предусматривающий защиту еврозоны от непредвиденных перебоев в поставках энергоресурсов (РФ) и готовится к сотрудничеству с Китаем. Евросоюз рассматривает ОПОП, как серьезную попытку Пекина сформировать новую модель международных отношений. Предполагается, что стратегия ОПОП поможет формированию интегрированного евразийского рынка, включая Россию, и откроет новые бизнес возможности для зарубежных компаний. В то же время в Европе учитывают свою потенциальную роль в качестве балансира китайского влияния в регионе ЦА; совпадение ключевых интересов Китая, ЕС и других стран в области безопасности; возможность усиления ОБСЕ и вовлечения в активное партнерство ЕАЭС. Тем самым, заключают эксперты, будет создана новая общая архитектура глобального управления в

²⁹⁶ Антон Евстратов, «Конкуренция без форы: как российский и мировой бизнес возвращаются в Иран», *Iran.ru*, 23 марта 2016 г., http://www.iran.ru/news/analytcs/100433/KONKURENCIYa_BEZ_FORI_KAK_ROSSIYSKIY_I_MIROVOY_BIZNES_VOZVRASHchAYuTSYa_V_IRAN.

²⁹⁷ Там же.

XXI веке²⁹⁸. Вместе с тем ЕС оставляет за собой право быть, по мере возможности, независимым от российских маршрутов. Приоритетом в этом плане для стран ЕС является турецкий коридор иранских энергопоставок²⁹⁹.

Таким образом, как страны ЦА, так и Иран сохраняют, с одной стороны евразийский вектор внешнеэкономической активности, с другой все возрастающий китайский вектор. Постепенно формируются условия для интегрированного в будущем евразийского рынка с участием России и при этом активно сотрудничающего с европейскими компаниями.

Спорные проекты

Процесс формирования новой модели международных экономических отношений не проходит гладко, что объясняется сохранением напряжения в отношениях США — Иран и США — Россия. Вместе с тем, геополитические перемены конца 2016 — первой половины 2017 гг. привели к тому, что Иран теперь воспринимается частью будущей евроатлантической системы безопасности. Борьба разворачивается между проектами в обход России и проектами с участием России: спонсируемые Западом проекты типа Трансанатолийского трубопровода природного газа (TANAP), Транскаспийский газовый трубопровод (ТКГ) и газовый трубопровод Туркменистан-Афганистан — Пакистан — Индия (ТАПИ), с другой стороны — поддерживаемый Россией Турецкий поток.

Трансанатолийский трубопровод

Проект TANAP — важный компонент Южного газового коридора, продвигаемый европейскими странами при сотрудничестве с Турцией, Азербайджаном и Туркменистаном, предназначен не только для диверсификации маршрутов и

²⁹⁸ Wei Shen, Jean Monnet and Andre Loesekrug-Pietri, «Co-Driving the New Silk Road», *Berlin Policy Journal*, January/February 2016, January 12, 2016, <http://berlinpolicyjournal.com/co-driving-the-new-silk-road/>.

²⁹⁹ Rem Korteweg, «Into the Bazaar of Turkey-European Relations», *Centre for European Reform*, CER Bulletin, issue 107, no. 5, April-May 2016.

источников поставок, но также подрыва российской монополии на экспорт энергоресурсов в европейские страны.

Частью такой стратегии является изучение Ираном возможностей участия в Трансанатолийском трубопроводе по поставкам природного газа в европейские страны. Некоторые эксперты полагают, что со снятием санкций иранский газ может транспортироваться на Запад по трубопроводу TANAP уже после 2018 года, когда по плану завершится трубопроводный проект³⁰⁰. Тем временем к концу ноября 2016 года было завершено 55% строительных работ³⁰¹.

Однако российские эксперты указывают на то³⁰², что основной проблемой проекта является вопрос наполнения трубопровода достаточным количеством газа. Маловероятно, что Азербайджан сможет ежегодно поставлять, как ожидает Европа, 20 млрд. куб. м. газа. Туркменский газ на деле уже продан Китаю на следующие 10—12 лет. Участие Тегерана в проекте просто бессмысленно — его присоединение к TANAP подвергнет риску отношения Ирана с ближайшим союзником — Россией. Это может усилить геополитическую роль Турции, в чем вовсе не заинтересован Тегеран. Российские эксперты сомневаются также в китайском интересе к данному проекту, обращая внимание на его более важные газовые проекты с Пакистаном и Ираном. Но главной и все еще не решенной проблемой остается статус Каспийского моря. Россия и Иран настаивают на том, что в ходе строительства газового трубопровода по дну Каспийского моря должны быть учтены интересы всех пяти прибрежных стран.

³⁰⁰ Orhan Gafarli, «Iranian-Turkish Relations Vis-à-Vis Turkey's Energy Transit Policy», *Eurasia Daily Monitor* vol.11, issue 204, November 14, 2014, http://www.jamestown.org/programs/edm/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=43089&cHash=b55fe4c0a1e57f98baf345102f2e635a#.VY9cGPntmko.

³⁰¹ «Agreement on \$ 400 Million Loan for TANAP Signed», *Daily Sabah*, February 08, 2017, <https://www.dailysabah.com/energy/2017/02/09/agreement-on-400-million-loan-for-tanap-signed>.

³⁰² «TANAP and the «Battle for Resources», August 22, 2015, <https://south-front.org/the-battle-for-resources/>.

Азербайджанские специалисты, в свою очередь, подчеркивают, что объем газа в Азербайджане достаточен для наполнения газовых трубопроводов проекта TANAP. Доказанные производимые возместимые резервы составляют 2 триллиона 550 млрд. куб. м., а прогнозируемые 6 триллионов куб. м.³⁰³

Туркменские эксперты³⁰⁴ также утверждают, что благодаря решению Газпрома прекратить закупки центральноазиатского газа, Туркменистан теперь имеет новые свободные объемы газа стоимостью в несколько миллиардов кубометров. В 2015 году, к примеру, Туркменистан увеличил газодобычу до 72,4 млрд куб. м., притом газовый экспорт в Россию снизился до 2,8 млрд. куб. м. Кроме того, только запасы месторождений Галкыныш и Яшлар, взятые в отдельности, составляют 26,2 триллиона куб. м. Иранский интерес к проекту объясняется выгодой для Ирана проложить 300—700 километровый газовый трубопровод, нежели тянуть его на несколько тысяч километров. Азербайджанские специалисты разделяют этот интерес, добавив, что Иран заинтересован в покупке доли в проекте TANAP³⁰⁵.

Действительно, это кажется реалистичным, если учесть, что Тегеран не раз заявлял о приоритете экономических соображений и выгоды в выстраивании своих отношений со всеми международными акторами, включая Россию и Турцию. Как уже упоминалось в п. 2.5, проблемы ирано-турецких отношений носят тактический характер и не обязательно означают наличие стратегических проблем. Стоит также заметить, что Индия с помощью индо-турецкого совместного предприятия также вовлечена в проект газового трубопровода TANAP.

³⁰³ «Азербайджан заполнит газопроводы TANAP и TAP», 11 марта 2015 г., <http://caspienergy.net/ru/investor-ru/20900-azerbajdzhan-zapolnit-gazoprovody-tanap-i-tap>.

³⁰⁴ Мурад Агаев, «Зависть «третьих» стран обратно пропорциональна реализации Транскаспийского газопровода», 20 Август 2016 г., http://gundogar-news.com/index.php?category_id=3&news_id=9110#sthash.qAmFukK1.dpuf.

³⁰⁵ «Иран намерен купить долю в TANAP», 04 Апрель 2015 г., <https://www.yerkir.am/ru/news/view/83195.html>.

Чтобы успокоить Москву туркменские эксперты заверяют³⁰⁶, что до возможной даты запуска TANAP европейские потребности в газе будут расти и могут превысить, как минимум, дважды объем, предлагаемый «каспийцами».

Если это действительно так, то в будущем для российского газа также сохранится альтернативное пространство. Следовательно, есть возможность компромисса между производящими и экспортирующими странами.

Транскаспийский трубопровод

Предположительно, ТКГ может быть соединен с Южным газовым коридором, предназначенным транспортировать природный газ из зоны Каспия в Европу в обход России. Проект ТКГ подразумевает активное участие ЕС и Туркменистана. Туркмены считают этот путь кратчайшим, обладающим, помимо всего, готовой инфраструктурой для прокачки газа через территорию Азербайджана.

Однако Ашгабат вынужден взвешивать на чаше весов все политические, экономические издержки, а также проблемы безопасности, связанные с осуществлением ТКГ. Во-первых, это может ухудшить отношения с Россией и Ираном, противостоящим ему по правовым вопросам Каспия. Кроме того, большинство экспертов указывают на серьезные экологические барьеры, которые препятствуют реализации ТКГ.

В частности, казахстанские эксперты³⁰⁷ обращают внимание на неопределенность правового статуса Каспийского моря. Что касается Ирана³⁰⁸, они вынуждены признать, что претензии Ирана и России к проекту ТКГ существенно различны и Иран

³⁰⁶ Мурад Агаев, «Зависть «третьих» стран...».

³⁰⁷ Лидия Пархомчик, «Европейский вектор энергетической политики Туркменистана», материалы межд. семинара «Вызовы и возможности для экономической энергетической интеграции Северо-Южной Азии: перспективы для Кореи», Алматы, 22 мая 2015 г.

³⁰⁸ Там же.

склонен выступать в качестве транзитной страны на пути экспорта туркменского газа в Европу.

Вместе с тем туркменские эксперты³⁰⁹ заверяют, что водное пространство, в рамках которого планируется проложить ТКГ, не является спорной территорией. По сравнению с российскими трубопроводами, построенными на глубине 2000—3000 метров, ТКГ будет проходить на глубине 300 метров. В то же время Ашхабат акцентирует внимание на том, что любому проекту, включая ТКГ, предшествует серьезное экологическое исследование. Поэтому нет повода для паники.

В то же время в целях собственной и европейской энергетической безопасности в стратегически важном районе американские эксперты³¹⁰ рекомендуют своему правительству содействовать ускоренному и мирному урегулированию правового статуса Каспийского моря, гарантируя энергетические интересы США и ЕС и оказывая политическую поддержку строительству Транскаспийского трубопровода в рамках Южного газового коридора.

Таким образом, туркменская энергетическая зависимость от России постепенно снижается, постепенно дистанцируя оба государства друг от друга. В случае прогрессирования этих тенденций как российские, так и западно-спонсируемые трубопроводы могут пройти по территории Турции. В какой степени последующий рост туркменского влияния может тогда соответствовать иранским интересам? В данный момент у Ирана нет другого выбора, кроме прагматического восприятия для обеспечения своих экономических интересов. Вполне возможно, что после совершенствования своих инфраструктурно-инвестиционных и других возможностей Тегеран присоединится к ТКГ.

³⁰⁹ Мурад Агаев, «Зависть «третьих» стран...»

³¹⁰ «Статус Каспия — в сфере экономических интересов США», The Heritage Foundation, 14 сентября, 2016 г., http://www.ngv.ru/news/status_kaspiya_v_sfere_ekonomicheskikh_interesov_ssha_the_heritage_foundation/?sphrase_id=4496988.

Трубопровод Туркменистан — Афганистан- Пакистан — Индия

Несмотря на ситуацию в Афганистане, другой альтернативный проект по поставкам туркменского газа ТАПИ (Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия) остается актуальным для его участников с начала 90-х годов. По этому проекту, также известному как трансафганский трубопровод, планируется транспортировать природный газ Каспийского моря из Туркменистана в Пакистан и затем в Индию через Афганистан.

Идея проекта возникла весной 1995 года, когда правительства Туркменистана и Пакистана и международные компании Bidas (Аргентина), американская Unocal и саудовская нефтяная компания Delta выразили взаимную заинтересованность к сотрудничеству в этом проекте. Но в январе 1997 года Bidas вышла из проекта вследствие разногласий между участниками. Согласно соглашению от 25 октября 1997 года проект ТАПИ был возглавлен американской компанией Unocal и Центральноазиатским Газовым Трубопроводом, Ltd. (ЦентГаз). К 1998 году Unocal разработала соглашение с основными афганскими оппозиционными силами, «Талибаном» и Северным Альянсом, по прокладке будущего трубопровода через их территорию под их контролем. Однако нестабильность в Афганистане и серьезные разногласия между Unocal и туркменским правительством в отношении сроков отложили выполнение проекта на неопределенное время. Соответственно, в декабре 1998 года Unocal заявил о выходе из проекта. Но в 2002 году посол США в Туркменистане Лаура Кеннеди выразила готовность США оказать техническую поддержку жизнеспособным и взаимовыгодным экспортным энергопроектам в регионе³¹¹. Попытки возобновить сотрудничество вновь потерпели

³¹¹ Медведев Александр И., «Трансафганский газопровод в системе экспортных проектов Туркменистана и перспективы их развития. Пути к миру и безопасности», 2014, http://www.imemo.ru/jour/PMB/index.php?page_id=697&id=6520&jid=&jj=.

неудачу, главным образом по финансовым причинам и из-за текущей нестабильности.

Несмотря на эти трудности, в середине декабря 2015 года состоялась церемония открытия туркменского сектора газового трубопровода. В июне 2016 г. туркменское правительство выделило более 45 миллионов долларов на финансирование начальной стадии трубопровода ТАПИ. В апреле 2016 года акционеры консорциума TAPI Pipeline Company Limited подписали в Ашхабаде инвестиционное соглашение на 200 миллионов долларов³¹². Более того, Исламский банк развития собирается заключить соглашение о финансировании туркменской части газового трубопровода ТАПИ. Объем инвестиций из всех источников финансирования будет составлять, по официальным данным³¹³, 42,7 млрд туркменских манат (\$1 = 3,5 маната) в 2017. Проект планируют завершить к концу 2018.

Проект не исключает присоединения других энергодобывающих стран, в т.ч. Ирана. Тем не менее, маловероятна жизнеспособность проекта, учитывая, во-первых, постоянные афгано-пакистанские и индо-пакистанские разногласия и конфликты, сирийскую нестабильность и возможную связь всего этого с нелегальной активностью саудовских радикалов. Нет никакой гарантии, что талибы и боевики ИГ не будут препятствовать реализации проекта ТАПИ. Необходим длительный подготовительный период даже после снятия санкций для приведения в готовность соответствующей инфраструктуры, логистики и пр.

³¹² «ИБР будет финансировать проект ТАПИ», 23 сентября 2016 г., <http://caspienergy.net/ru/neft-i-qaz/35730-2016-09-23-12-07-08>.

³¹³ «Turkmenistan to Make Big Investments in TAPI Project», September 15, 2016, <http://www.today.az/news/regions/154212.html>.

Турецкий поток

На встрече российского президента Владимира Путина с турецким коллегой Тайип Эрдоганом в Санкт-Петербурге 9 августа 2016 г. была восстановлена договоренность прокладки трубопровода Турецкий поток — газового коридора по дну моря, связывающего российские и турецкие порты. «Газпром» согласовал с турецкими властями вопрос прокладки газового трубопровода по Черному морю.

Однако европейские эксперты считают³¹⁴, что Европа должна предотвратить этот проект, не отвечающий энергетическим интересам ЕС. В этой связи они напоминают о стремлении Турции стать региональным газовым хабом и привлечь инвестиции, необходимые для реализации Южного газового коридора. Более того, дают понять, что газовое сотрудничество с Россией может привести к потере геостратегического значения Турции для Евросоюза. С целью выхода из создавшегося положения Евросоюз, по мнению экспертов, должен ускорить реализацию Южного газового коридора и предложить дальнейшее совместное участие в проектах с другими региональными участниками, в особенности с Турменистаном. Есть сомнения³¹⁵ в том, что проект Турецкий поток присоединится к газовому проекту TANAP ввиду недостаточного объема газа после окончательной разработки второй и третьей фазы газового месторождения Шах Дених.

Российские эксперты, со своей стороны, заверяют³¹⁶, что Греция и другие европейские страны очень заинтересованы в Турецком потоке. Он состоит из двух нитей, одна из которых идет в Турцию, другая — в страны Южной Европы. Про-

³¹⁴ Marco Giuli, «Turkish Stream Back on the Agenda?», September 01, 2016, http://www.epc.eu/pub_details.php?cat_id=4&pub_id=6903.

³¹⁵ «Turkish Stream Gas Pipeline Project is Unlikely to Join TANAP», September 13, 2016, <http://www.encouncil.org/ourwork/turkish-stream-unlikely-join-tanap/>.

³¹⁶ Анна Седова, «Турецкий поток заинтересовал Европу», September 12, 2016, <http://news-front.info/2016/09/12/tureckij-potok-zainteresoval-evropu-anna-sedova/>.

блема связана лишь с южноевропейской нитью, которой может противостоять ЕС. Российские специалисты утверждают, что оба трубопровода будут построены до конца 2019 года³¹⁷. Тем временем Москва планирует проложить трубопровод до границ с Турцией и Грецией, дальнейшее зависит уже от желания Европы продолжать газовое партнёрство.

Таким образом, будущее этого проекта не отчетливо. Хотя он и не вовлекает напрямую центральноазиатские ресурсы, его геополитические последствия очень важны для стран ЦА и их энергетической политики. Тем более, что Турция и Россия — активные региональные игроки. В данный момент, Турция, похоже, будет стремиться сохранить этот альтернативный маршрут, чтобы не испортить отношения с Россией и получать экономическую выгоду транзитной страны. Однако нелегко сбалансировать эти отношения с другим важным турецким партнером — Евросоюзом. В этом плане можно ожидать взлеты и падения в процессе реализации Турецкого потока. В конечном счете, вероятно в перспективе, он будет осуществлен после нормализации отношений ЕС и России и снятия западных санкций.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что в результате активизации своей энергетической деятельности на территории Кавказа и Центральной Азии Запад достиг определенного прогресса в продвижении проекта TANAP. Однако правовой статус Каспийского моря будет, несомненно, препятствовать осуществлению ТКГ. Маловероятно, что США в ближайшее время достигнут межгосударственный консенсус по этому вопросу с учетом их не простых отношений с Россией и Ираном. ТАПИ, очевидно, будет прогрессировать только при условии стабилизации афгано-пакистанской зоны, что займет неопределенный период времени и зависит от координации усилий всех региональных акторов и геополитической ситуации в целом. Будущее Турецкого потока довольно смутно

³¹⁷ Вера Светлова, «Турецкому потоку» нужны гарантии ЕС. Россия готова продлить вторую нитку, но ...», 26 октября 2016 г., <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1477479840>.

и зависит от российско-европейских отношений. Учитывая все же турецко-российский интерес к развитию двухсторонних отношений, проект может развиваться, хотя и очень медленно.

Проблемы дня

Помимо вышесказанного существует ряд трудностей текущего, возможно временного, плана.

Среди **внутренних проблем** можно отметить следующее:

- Тегеран должен модернизировать весь нефтегазовый сектор, снабдить его необходимой инфраструктурой, что, по мнению большинства специалистов, потребует около 5—10 лет. В частности, необходимо инвестировать 500 млрд долларов только в его нефтяной сектор³¹⁸, а для того, чтобы расширить сеть железных дорог необходимы 1,5 млрд ежегодных инвестиций в следующие шесть лет³¹⁹.

- Для добычи нефти даже до недавно декларируемого уровня в 4,7 млн баррелей Ирану необходимо ежегодно бурить около 500 нефтяных скважин³²⁰. Хотя в 2016 году Иран, согласно официальным оценкам, восстановил прежний уровень нефтяного производства — около 4 миллионов баррелей в день, проблема до сих пор не решена полностью³²¹.

- Потребление энергии в стране достаточно высокое и в 3,3 раза превышает средний мировой показатель, а потребление газа ежегодно увеличивается в среднем на 7%³²². В какой

³¹⁸ Ольга Самофалова, Екатерина Нерозникова, «Снятие санкции с Ирана сулит России огромные выгоды», 03 апреля 2015 г., <http://www.vz.ru/economy/2015/4/3/738000.html>.

³¹⁹ «Iran Plans Massive Rail Network», *Payvand.com*, May 16, 2015, <http://www.payvand.com/news/15/may/1091.html>.

³²⁰ «Объем добычи нефти в Иране вырастет до 47 млн баррелей в день», *Iran.ru*. 03 марта 2015 г., http://www.iran.ru/news/economics/96462/Obem_dobychi_nefti_v_Irane_vyrastet_do_4_7 mln_barreley_v_den.

³²¹ «Иран увеличил продажи нефти компаниям Shell и BP», *Iran.ru*. 30 декабря 2016, http://www.iran.ru/news/economics/104084/Iran_uvelichil_prodazhi_nefti_kompaniyam_Shell_i_BP.

³²² «Иран занимает третье место в мире по производству газа», *Iran.ru*, 27 апреля 2015 г., http://www.iran.ru/news/economics/97120/Iran_zanimaet_trete_mesto_v_mire_po_proizvodstvu_gaza.

степени страна способна удовлетворить запросы европейских стран?

На внешнем уровне можно выделить следующие вызовы региональным проектам:

- В краткосрочной перспективе Россия остается в более выигрышном положении в сфере газопоставок странам ЕС в результате текущих геополитических разногласий между региональными акторами, что создает нишу для заполнения ее российскими компаниями. К примеру, один из основных текущих коридоров поставок газа в Европу через Турцию не вполне надежен по причине продолжающихся турецко-европейских разногласий. В то время, как ирано-саудовское напряжение влияет на формирование энергетических цен.

- В двусторонних отношениях Ирана и России сохраняется элемент недоверия. С учетом продолжения антироссийских санкций и сложных российско-европейских отношений сохраняются проблемы технико-экономического порядка. Их урегулирование даже при самом оптимистичном сценарии займет длительное время.

- Взаимоотношения ЕС с Ираном будут, несмотря на попытки ЕС занять в иранском вопросе независимую политику, испытывать влияние ирано-американских разногласий. Что может быть только продлено в период администрации Трампа и уже обострило европейскую конкуренцию на иранском рынке.

- В долгосрочной перспективе часть амбициозных китайских планов в регионе может не состыковываться с растущими интересами Тегерана. До недавнего времени Иран, в частности, не видел своей роли и значения в ОПОП и указывал на необходимость конкретизации технических деталей проекта³²³.

- Существенным вызовом для прогресса в энергетическом сотрудничестве являются также переходные трудности

³²³ Mohsen Shariatinia, «Iran and Silk Road BRI: Attractions and Ambiguities», *Iran Review*, May 22, 2015, <http://www.iranreview.org/content/Documents/Iran-and-Silk-Road-Economic-Belt-Attractions-and-Ambiguities.htm>.

центральноазиатских стран. Внутренние проблемы и отсутствие соответствующего международного опыта в странах ЦА отражаются в слабой профессиональной подготовке специалистов, способных работать в глобальной конкурентной среде при отсутствии необходимой инфраструктуры, транспортно-коммуникационных и логистических систем. Такая среда неизбежно вызывает разницу подходов в решении организационных и технических проблем, конфликт интересов по производству, переработке и транспортировке нефти и газа.

- Окончательное решение вопроса о снятии иранских санкций и подготовка инфраструктурно-логистического фундамента будущих энергопроектов — ключевые моменты в деле продвижения нефтегазового партнерства в регионе ЦА, что требует длительного подготовительного этапа.

В то же время все еще сохраняется потенциал для западно-иранского энергетического сотрудничества. В частности, согласно последним оценкам (2016 г.), иранские доказанные нефтяные запасы составляют 158 млрд баррелей, доказанные резервы газа (2016 г.) — 1,201 триллиона кубометров³²⁴. Иранское ежегодное среднее производство нефти прогнозируется в 3,1 млн баррелей в день в 2016 г., и почти 3,6 млн баррелей в день в 2017 г. Помимо этого, в Иране есть новые нефтяные месторождения, к примеру, разрабатываемые иранскими и китайскими компаниями в течение последних нескольких лет, потенциально могут добавить от 100,000 баррелей в день до 200,000 баррелей в день мощности производства сырой нефти до 2017 г.³²⁵.

В 2014г. с целью привлечения инвестиций Иран ввел новую, более гибкую контрактную модель под названием Иранский (или Интегрированный) нефтяной контракт. Проект пока окончательно не утвержденной модели позволяет

³²⁴ «Iran's Key Energy Statistics», June 19, 2015, <http://www.eia.gov/beta/international/country.cfm?iso=IRN>.

³²⁵ Asmeret Asghedom, «Iran's Petroleum Production Expected to Increase as Sanctions are Lifted», January 19, 2016, <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.cfm?id=24592>

иностранным компаниям в течение длительного срока (20—25 лет) совместно с Национальной иранской нефтяной компанией разрабатывать нефтегазовые месторождения. Иранское правительство надеется, что компании будут ежегодно инвестировать в страну где-то 50 миллиардов долларов³²⁶.

В результате до конца 2016 года Иран опубликовал список 29 компаний из Европы и Азии, чья заявка на участие в развитии нефтегазовых проектов страны получила одобрение правительства. Компания «Total» подписала предварительный договор с Тегераном на проект стоимостью в 4.8 миллиардов долларов для развития офшорного газового месторождения на Южном Парсе³²⁷.

В случае неудачи отношений с Западом Тегеран рассматривает также на доктрину Аятоллы Хаменеи «экономика сопротивления», способной противодействовать текущим и будущим возможным санкциям против иранской экономики. Доктрина предусматривает опору, прежде всего, на внутренние силы и преобразования в сфере экономики. Приоритетом в развитии нефтегазовой отрасли страны являются сегодня соседние страны Персидского залива, Ирак и Турция. Предполагается, что именно они будут транзитными странами для поставок иранского газа на международные рынки (ЕС и др.). Наряду с этим Иран планирует обменные операции со странами Каспия (Азербайджан, Центральная Азия) и сотрудничество с региональными соседями в сфере промышленного производства и инженерного сервиса³²⁸.

Таким образом, было бы наивно ожидать быстрый прогресс в ирано-центральноазиатском сотрудничестве, а, следовательно,

³²⁶ Sam Wilkin, Hashem Kalantari, «Iran Adopts Oil Contract as Glut No Barrier to Boost Output», August 04, 2016, <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-08-03/iran-approves-oil-contract-outline-in-step-to-even-more-supplies>.

³²⁷ «Iran Approves European, Asian Companies for Oil, Gas Projects», *RFE/RL reports*, January 03, 2017, www.rferl.org/a/iran-deals-oil-gas-deals-european-asian-companies/28211130.html.

³²⁸ Sara Vakhshouri, «Iran's Energy Policy After the Nuclear Deal», *Atlantic Council*, Global Energy Center, November 2015.

и в евро-атлантическом видении системы энергетической безопасности. Особенно с учетом неопределенности действий администрации Дональда Трампа, которая не одобряет соглашения СВПД. Данное обстоятельство ограничивает центральноазиатскую деятельность только китайскими проектами, как наиболее реалистичными и выгодными в настоящее время. В свою очередь, Китай воздерживается от вовлечения в спорные проекты. Но при условии интенсификации китайско-европейского экономического партнерства и после окончательной нормализации ирано-западных отношений Пекин может принять активное участие в спонсируемых Европой проектах с участием Ирана, возможно, в рамках стратегии ОПОП. В то же время, в итоге американо-китайской экономической конкуренции государства ЦА могут получить в будущем более консолидированную поддержку через спонсируемые Западом трубопроводные проекты типа TANAP. Одновременно будут предприняты попытки реализации ТАПИ посредством активизации регионального миротворческого и экономического партнерства со всеми афганскими стейкхолдерами. В перспективе, после потенциального снятия западных санкций с России, могут быть изучены некоторые ответвления Турецкого потока.

3.2. ФОРМИРОВАНИЕ ТРАНСПОРТНО-ТРАНЗИТНОЙ СЕТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Планы и реалии евразийских коридоров

Основные действующие евразийские коридоры направлены к 1) Ирану и Персидскому заливу; 2) Китаю; 3) Афганистану после его стабилизации.

Роль маршрутов в Европу, включая в рамках программы ТРАСЕКА и межправительственного соглашения по трансазиатским железным дорогам, в данный период не существенна ввиду текущего европейского кризиса и

неопределенности с Ираном. Северный континентальный коридор, который мог бы обеспечить доступ к Западной и Северной Европе и ассоциировать главным образом с «Северной Распределительной Сетью» (NDN), потерял прежнее значение вследствие упомянутых геополитических проблем.

Иранские маршруты

связаны, прежде всего, с железной дорогой «Теджен — Серахс — Мешхед», которая обеспечивает странам ЦА доступ к иранской транспортной системе и портам Персидского залива, Европы и Турции. В то же время Узбекистан, Казахстан и Туркменистан вовлечены в иранскую железнодорожную систему через восточную ветку транспортного коридора Север — Юг, который доставляет груз из Индии, Ирана и стран Персидского залива на российскую территорию и затем в Северную и Восточную Европу. Восточная ветка коридора Север — Юг позволяет сократить дистанцию (на 600 км короче, чем через Серахс) и, соответственно, сроки доставки груза к рынкам Центральной Азии, Ирана и Турции. Планируемое сотрудничество железной дороги Бафк — Захедан может обеспечить прямой железнодорожной связью Иран и Пакистан, что обеспечит государствам ЦА доступ к южноазиатским странам.

Однако иранские маршруты не приносят ожидаемых результатов в связи с экономической слабостью вовлеченных государств, нестабильностью вокруг Ирана и геополитическим напряжением в отношениях большинства акторов.

Гвадар

Огромный резонанс в смысле возможных геополитических последствий для региона ЦЮА получают в последнее время ирано-пакистанские проекты с участием Китая. В реализации так называемого «китайского экономического коридора» (см. Приложение 2), объединяющего Иран, Пакистан и государства ЦА, большинство экспертов усматривает планомерную реализацию ОПОП и ее совмещение с НШП. Начало было

положено 20—21 апреля в ходе визита председателя КНР Си Цзиньпина в Пакистан. Стороны подписали 51 Меморандум о взаимопонимании стоимостью в 46 млрд долларов США. Пекин планирует использовать их на создание так называемого «китайско-пакистанского экономического коридора» и развитие пакистанской энергетики³²⁹. Завершение проекта планируется к 2030 году.

Китайско-пакистанский экономический коридор должен посредством широкой сети автомобильных и железных дорог соединить пакистанский юго-западный портовый город Гвадар с китайским Синьцзян-Уйгурским автономным районом. Усовершенствование порта Гвадар может открыть для Пекина выход в Персидский залив и удобный доступ к рынкам Ближнего Востока, Африки и Центральной Азии, создать альтернативный путь транспортировки углеводородов. Не случайно также заинтересованный в расширении своих экономических связей Тегеран намерен сотрудничать с Китаем и Пакистаном по порту Гвадар. Транзитный путь через Китай к Центральной Азии создаст наиболее жизнеспособный вариант международной торговли к западной части Китая, странам Залива и Центральной Азии.

Параллельно Управление китайскими нефтяными трубопроводами, дочерняя компания энергетического гиганта Китайской национальной нефтекорпорации (CNPC), планирует построить 700-километровый трубопровод в Навабахш, который станет пакистанским газораспределительным центром провинции Синдх. Пакистан построит 80 км трубопровода от Гвадара до иранской границы, где он соединится с существующим 900-километровым трубопроводным ответвлением к газовым полям Южного Парса³³⁰.

В случае положительной динамики развитие данных тенденций может способствовать в будущем конструктивному

³²⁹ Вячеслав Белокриницкий, «Китайско-пакистанский экономический коридор: что подразумевают заключенные Исламабадом и Пекином соглашения», *Mgimo.ru*, 29 апреля 2015 г., <http://afghanistantoday.ru/node/33638>.

³³⁰ «Pakistan Gas Deal: Iran Backs China's Inclusion», *Pakistantoday*, April 25, 2015 г., <http://www.pakistantoday.com.pk/2015/04/25/business/pakistan-gas-deal-iran-backs-chinas-inclusion/>.

сотрудничеству Ирана и Саудовской Аравии, Ирана и Пакистана, снижению уровня шиито-суннитской напряженности, в чем заинтересованы страны ЦА. Очевидно, однако, что Пакистан, не сможет завершить свой проект газового трубопровода без финансовой помощи Китая.

Кроме того, как утверждают эксперты, проект Гвадар вызывает сопротивление со стороны населения провинции Белуджистан в Пакистане, озабоченного потенциальным доминированием в регионе Китая. Проект, по мнению пакистанцев, выгоден прежде всего Пекину, а не пакистанскому народу. В целом же ситуация не отменяет ни китайское продвижение в регион, ни необходимость регионального экономического сотрудничества.

Организация экономического сотрудничества

Энергетическое партнерство с Центральной Азией развивается также в рамках Организации экономического сотрудничества (ОЭС)³³¹, в частности, железнодорожные магистрали потенциально могут быть использованы для транспортировки энергоресурсов. В этой связи ведутся дискуссии о необходимости увеличения мощности железнодорожных путей, чтобы связать центры по добыче полезных ископаемых и промышленного производства с морскими портами. Большие надежды возлагаются на железнодорожный маршрут «Казахстан — Туркменистан — Иран», объем перевозки транзитных грузов которого достигает примерно 20 млн. тонн.³³²

³³¹ Организация экономического сотрудничества (ОЭС) объединяет 5 бывших советских центральноазиатских государств, Азербайджан, Афганистан, Пакистан, Турцию и Иран.

³³² «Иран играет ключевую роль в деле развития торговли между странами-членами ЭКО», *Iran.ru*, May 18, 2015, http://www.iran.ru/news/economics/97328/Iran_igraet_klyuchevuyu_rol_v_dele_razvitiya_torgovli_mezhdu_stranami_chlenami_EKO.

Китайские маршруты

(Западная Европа — Западный Китай, евразийская морторно-транспортная инициатива «NELTI», др.) обеспечивают страны ЦА более безопасным и коротким транспортным путем в Европу, Юго-Восточную Азию и Россию и выглядят более жизнеспособными для центральноазиатских стран, по сравнению с другими маршрутами. Особую важность представляет то, что с 90-х годов прошлого века Китай проявляет интерес к железнодорожному маршруту Китай — Кыргызстан — Узбекистан. Для ускорения своей центральноазиатской стратегии Китай заключил многомиллионные инвестиционные контракты с центральноазиатскими странами, в том числе на строительство коридора Север — Юг. Ведущая немецкая железнодорожная компания Deutsche Bahn недавно выразила желание использовать коридор Север — Юг для поставок товаров из Европы в Иран через Азербайджан³³³. Таким образом китайско-немецкое сотрудничество может стимулировать развитие этого выгодного евразийского транспортного маршрута.

Трансафганский маршрут

– кратчайший путь к южным портам (Узбекистан — Афганистан — Пакистан, Узбекистан — Афганистан — Иран). Участие Афганистана может открыть новые возможности для разработки южных транспортных коридоров к иранским портам Бендер — Аббас и Чабахор, пакистанским Карачи, Касиму и Гвадару. Привлекательность этого маршрута может возрасти с завершением транспортных проектов Иран — Пакистан — Индия и Афганистан — Пакистан — Индия. Центральноазиатский интерес к этому направлению вполне очевиден по запуску 1 декабря 2016 года первой линии железной дороги Туркменистан — Афганистан — Таджикистан.

³³³ «Компания «Deutsche Bahn» планирует использовать транспортный коридор Север — Юг», 24 ноября 2016 г., http://www.iran.ru/news/economics/103025/Kompaniya_Deutsche_Bahn_planiruet_ispolzovat_transportnyy_koridor_Sever_Yug.

Самым крупным трансафганским проектом на сегодняшний день является модернизация порта Чабахор, расположенного на юго-востоке Ирана в провинции Систан и Белуджистан. Это один из ключевых элементов транспортного коридора Север — Юг. Проект спонсируется Индией. Стоимость проекта оценивается в 85 млн долларов³³⁴. Помимо разработки второго и третьего терминалов порта, Индия будет содействовать в строительстве железной дороги, которая соединит порт с территорией Ирана.

После длительного ожидания и анализа нестабильной ситуации Дели активизирует свою деятельность в отношении порта Чабахор. Через порт, имеющий для нее стратегически важное значение, и по транспортному коридору Север — Юг Индия планирует поставлять свои товары в Афганистан, страны Центральной Азии, Ирак, Россию и даже в Европу. При этом ее транспортные расходы по сравнению с другими маршрутами сократятся примерно на 30%³³⁵. Таким образом, в перспективе Дели сможет расширить границы проекта Чабахор и расширить свой экспорт в страны СНГ. Для Ирана порт Чабахор, помимо экономической выгоды, представляет шанс покончить с американо-спонсируемой экономической изоляцией.

В целом, реализацию проекта Чабахор следует рассматривать, как попытку построения единой торгово-транспортно-транзитной системы с активным подключением в нее республик ЦА и со свободным выходом на мировые рынки. Ожидается, что проект довольно скоро начнет функционировать. О перспективах порта свидетельствует, в частности, создание в его районе нефтехимической промзоны, где планируется построить около 30 нефте- и газоперерабатывающих предприятий, тесно взаимодействующих с СЭЗ «Чабахор». В создание нефтехимической промзоны частными инвесторами

³³⁴ «Порт Чабахор в Иране начнет работу в 2016 году», *РИА Новости*, 21 августа 2015 г., <http://ria.ru/world/20150821/1199357083.html#ixzz3nlbO1FJe>.

³³⁵ «Индия начала инвестировать в иранский порт Чабахор», 29 августа 2015 г., <http://ati.su/Media/News.aspx?HeadingID=13&ID=68694>.

будет вложено 11 млрд.³³⁶ Ожидается, что рынками сбыта для производимой в промзоне продукции станут страны Центральной Азии, Индия и Китай. И, что не менее важно, Тегеран берется охранять провинции Систан и Белуджистан, что позволит укрепить безопасность региона³³⁷.

Молчание Вашингтона в этом вопросе позволяет заключить, что после снятия иранских санкций Соединенные Штаты могут стать более толерантными в отношении проектов с участием Ирана, включая проект Чабахор. Однако это зависит от готовности и экономического интереса администрации Трампа в отношении дальнейшего продолжения процесса СВПД по Ирану, от уровня американо-индийского партнерства и поддержки США индийских усилий в Афганистане. Предположительно, текущая американо-китайская конкуренция за влияние в регионе может в конечном счете оказать позитивное воздействие на проект в смысле стимулирования финансовых контрмер США против Китая.

Тем временем для расширения региональной торговли Иран ускоряет строительство совместных экономических зон. В настоящее время 10 проектов с участием зарубежных инвестиций реализуется в иранской экономической зоне Серахс, граничащей с Туркменистаном. Она пересекается транспортными маршрутами, соединяющими иранские порты на Персидском и Оманском Заливах с странами ЦА, Кавказом и Россией. Свободная экономическая зона Энзели, расположенная на побережье Каспийского моря, предположительно может включить по одной зоне из каждой региональной страны. Эти экономические зоны могут быть соединены с другими иранскими зонами торговли, например, с Арванд, через кото-

³³⁶ «В районе иранского порта Чабахор создается нефтехимическая промзона», *Iran.ru*, 20 августа 2015 г., http://www.iran.ru/news/economics/98247/V_rayone_iranskogo_porta_Chabahor_sozdaetsya_neftehimicheskaya_promzona.

³³⁷ «В районе иранского порта Чабахор началось строительство нефтехимического и сталелитейного комбинатов», *Iran.ru*, 10 сентября 2015 г., http://www.iran.ru/news/economics/98448/V_rayone_iranskogo_porta_Chabahor_nachalos_stroitelstvo_neftehimicheskogo_i_staleliteynogo_kombinatov.

рую проходят важные торговые пути. Более того, Иран пытается привлечь страны Персидского залива к сотрудничеству в таких зонах, например, Арабские Эмираты³³⁸.

Подготовка центральноазиатских стран к трансконтинентальным маршрутам

Реализация в перспективе рассмотренных транспортных проектов означает для государств ЦА возможность:

1. создания новых рабочих мест, инвестиций, альтернативных рынков и экономической выгоды от участия в многосторонних проектах;

2. более эффективной координации региональных усилий по борьбе с глобальными вызовами региону (ИГ, др. радикальные группировки, наркотрафик, миграция и пр.);

3. координации политики и балансировки своих отношений с ведущими державами с опорой на систему сдержек и противовесов;

4. конструктивного взаимодействия в сфере инфраструктурно-логистического строительства и подготовки необходимых кадров.

В целом, стратегии центральноазиатских государств взаимодополняют друг друга и будут способствовать формированию единой региональной транспортной сети.

В этой связи в Узбекистане на развитие транспортной инфраструктуры в 2011—2015 годах выделено около \$7 млрд. Новая «транспортная программа» Узбекистана на 2015—2019 годы оценивается в \$10 млрд³³⁹. Общая сумма инвестиций в транспортный сектор до 2030 года должна составить около 46,7

³³⁸ «СЭЗ «Арванд» выступает за укрепление торгово-экономических связей между Ираном и ОАЭ», *Iran.ru*, 15 июня 2015 г., http://www.iran.ru/news/economics/97608/SEZ_Arvand_vystupaet_za_ukreplenie_torgovo_ekonomicheskikh_svyazey_mezhdu_Iranom_i_OAE.

³³⁹ «Новая транспортная программа Узбекистана на 2015—2019 годы оценивается в \$10 миллиардов», *Review.uz*, 30 апреля 2015 г., <http://www.review.uz/index.php/novosti-main/item/2386-novaya-transportnaya-programma-uzbekistana-na-2015-2019-gody-otsenivaetsya-v-10-mlrd/>.

млрд. долл. США³⁴⁰. Дополнительно, узбекское правительство планирует сформировать четыре новые экономические зоны в Бухарской, Самаркандской, Ферганской и Хорезмской областях.

Особенностью расположения Узбекистана в центре региона определяются его транзитные возможности, в реализации которых транзит грузов может стать одной из важных статей экспортных поступлений. Поэтому повышение транзитной привлекательности транспортных коридоров одна из главных задач страны. В условиях, когда в Центральной Азии усиливается конкуренция транспортных маршрутов, транзитный потенциал страны повысит интегрирование национальной транспортной системы с международными транспортными коридорами.

Осуществляя программу создания надежной и единой национальной транспортной системы, Узбекистан перво-степенное внимание уделяет ее совместимости с основными направлениями и параметрами развития региональных транспортных коридоров, подчеркивают узбекские лидеры³⁴¹. В частности, недавно проведенная через Ферганскую долину железная дорога Ангрэн — Пап способна выполнять в регионе связующую роль, соединяя в будущем страну с Китаем и Европой. В целом, страна имеет возможность доставки местных грузов на мировые рынки почти в 10 направлениях. Около 18% региональных железных дорог проходит через территорию Узбекистана, доля всех грузоперевозок составляет около 11%³⁴².

В то же время Узбекистан является единственной страной, через которую проходит грузооборот, железные дороги, авто, речной и воздушный транспорт из Афганистана. Отсюда

³⁴⁰ Бахтиер Эргашев, «Экономический пояс Шелкового пути и Узбекистан», *Review.uz*, 06 августа 2015 г., http://blog.review.uz/new/ekonomicheskij-poyas-shelkovogo-puti-i-uzbekistan/?fb_action_ids=10207622370736464&fb_action_types=og.likes&fb_ref=below-post.

³⁴¹ «Uzbekistan to Continue to Develop Road-Transport Infrastructure», November 29, 2016, *Uz-Daily.com*, <https://www.uzdaily.com/articles-id-37680.htm>.

³⁴² «The Survey of the Transport Logistics State in Uzbekistan», *Logistika.uz*. <http://logistika.uz/info/articles/4752>.

активность Ташкента в строительстве трансфганского коридора Термез — Мазари — Шариф — Герат — Бендер — Аббас и Чабахор, железной дороги «Герат — Андхой — Мазари — Шариф». Относительная стабильность в отношениях Ирана со странами ЦА позволяет строительство транспортного коридора Узбекистан — Туркменистан — Оман — Катар (соглашение по данному маршруту вступило в силу 23 апреля 2016 г.) и функционирование недавно построенной железной дороги «Казахстан — Туркменистан — Иран». Предусматривается также, используя строительство железной дороги «Узбекистан — Кыргызстан — Китай», построить международный железнодорожный коридор «Европа — Узбекистан — Китай».

Казахстан намерен стать одной из основных транзитных стран между Востоком и Западом, китайскими и европейскими рынками, а также основным логистическим оператором среди центральноазиатских стран. В этой связи в Астане большое значение придают морскому порту Актау, который является главной свободной экономической зоной страны и функционирует с 1 января 2003 г. Как часть международных коридоров ТРАСЕКА и Север — Юг, Актау считается «западными воротами» страны, которые обеспечивают доступ к Каспийскому, Черному, Средиземному и Балтийскому морям, к Персидскому заливу и Юго-Восточной Азии.

Особенностью казахстанского развития транспортно-транзитной сети является необходимость для госсектора взаимодействия и координации с рядом достаточно крупных частных транспортных компаний. В этой связи нельзя исключить наличие определенных трудностей координации взаимных действий по широкому ряду вопросов, включая выбор альтернативных маршрутов и обеспечение безопасности.

Со своей стороны Ашгабат планирует превратить Международный морской порт в г. Туркменбаши в «морские ворота» Центральной Азии, через которые грузы будут поставляться из Афганистана и Дальнего Востока в Азербайджан и далее к Черному морю и Европу. Одновре-

менно между Туркменистаном и Афганистаном намечается строительство 126-километровой железной дороги Атамурат — Ымамназар — Акина — Андхой. Планируется также объединить³⁴³ железные дороги Таджикистана и Туркменистана на территории Афганистана и завершить проект Узен — Горган, начатый в 2007 г. и ориентированный на соединение страны с европейскими и азиатскими транспортными линиями.

Туркменская энерготранспортная политика в наибольшей степени зависит от текущей геополитической конкуренции вокруг региона (Запад — Россия — Китай) и к тому же уязвима угрозе дестабилизации со стороны Афганистана. Отсюда некоторая доля неопределенности в перспективах развития транспортной системы Туркменистана, вызовы в вопросах ее согласования и координации с транспортными системами соседних стран.

Говоря в целом о регионе ЦА, некоторые эксперты обращают внимание³⁴⁴ на различия в таможенной и налоговой политике центральноазиатских государств, чрезмерной концентрации на развитии инфраструктуры в ущерб другим вопросам формирования транспортной сети в Центральной Азии. Вместе с тем, без эффективной инфраструктурной и логистической системы любые разговоры о пошлинах и таможенной политике непродуктивны. Интересы стабильности и потенциальная экономическая выгода уже вынудили государства ЦА начать процесс взаимного сближения. В частности, можно упомянуть меры, предпринятые Узбекистаном в отношении всех

³⁴³ «Ashgabad Supports Dushanbe's Initiative on Joining Railroads of Two Countries on the Territory of Afghanistan», <http://www.12news.uz/news/2013/03/13/>; «Infrastructural Projects of Turkmenistan Transform the Logistical Map of the Continent», June 25, 2013, http://turkmenistanembassy.am/index.php?option=com_content&task=view&id=2480&full=1.

³⁴⁴ Elena Kulipanova, «International Transport in Central Asia: Understanding the Patterns of (No)Cooperation», University of Central Asia, Institute of Public Policy and Administration, Working Paper No. 2, 2012, https://www.academia.edu/27704058/International_Transport_in_Central_Asia_Understanding_the_Patterns_of_Non-Cooperation.

центральноазиатских соседей, что является предпосылкой для будущей совместной работы над единой пошлинной и налоговой политикой.

Во всяком случае узбекские эксперты считают³⁴⁵, что любой транзитный коридор через регион ЦА может обеспечить наиболее благоприятные условия для доставки грузов посредством:

- решения бюрократических процедур на пограничных контрольно-пропускных постах на основе соглашений по совместному использованию железных дорог;
- образования единых транспортных положений для центральноазиатских государств;
- гарантирование связи между промышленными центрами, рынками и региональными портами;
- установления специального инвестиционного фонда по реализации региональных инфраструктурных проектов.

Казахские эксперты³⁴⁶ подчеркивают совпадение интересов центральноазиатских стран в вопросах построения и модернизации транспортно-логистической инфраструктуры и новый важный этап международного сотрудничества в Центральной Азии, когда использование транзитного потенциала может принести колоссальную экономическую и политическую прибыль не только центральноазиатским государствам. Следовательно, продолжение и углубление регионального и международного сотрудничества может завершить геополитическую борьбу в ее настоящей форме.

В целом, налицо общие интересы стран ЦА в формировании региональных сетей альтернативных маршрутов, при различии ресурсов и конкуренции за право стать основным международным транспортно-транзитным хабом в регионе.

³⁴⁵ «Transport Communications of Central Asia: Variants for their Maximum Usage», April 24, 2009, <http://cps.uz/ru/analitika-i-publikatsii/transportnye-kommunikatsii-tsa-varianty-maksimalnogo-ispolzovaniya-ikh-poten>.

³⁴⁶ Асет Ордабаев, «Геополитика транспортных коридоров в Центральной Азии», доклад, Институт мировой экономики и политики при Президенте Республики Казахстан, апрель 2015 г.

Здоровая конкуренция является, как известно, двигателем любого прогресса.

3.3. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Подводить итоги геополитических тенденций вокруг Центральной Азии, разумеется, рано с учетом хрупкости и нестабильности отдельных тенденций. Вместе с тем есть объективно обусловленные тенденции, характерные для региона ЦА, которые не вызывают сомнений. Ключевыми в развитии современной Центральной Азии являются, как показывает анализ, следующие:

- Устойчивые отношения с исламским миром — прежде всего, с Ираном и Турцией.

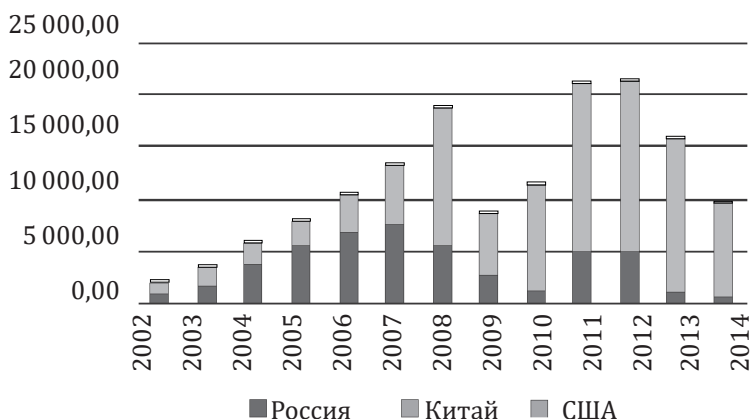
- Лидирующая роль евразийских государств — Россия и Китай.

Данные по внешнеторговому обороту двух ведущих государств региона ЦА в период 2002 по 2014 гг. доказывают достаточно красноречиво более благоприятное, по сравнению с США, положение в регионе Китая и России (см. рис. 3, 4). В период 2002—2015 гг. практически не было экспортных операций из Казахстана и Узбекистана в США.

Однако исторический опыт взаимоотношений Китая со странами ЦА слабее и менее однозначен, по сравнению с Ираном, Турцией и Россией. С учетом этого, а также осторожного подхода в регионе к китайским геополитическим и экономическим намерениям, представляется, что позиция Китая в перспективе менее прочная, по сравнению с Россией, Ираном и Турцией. В свою очередь, российско-китайская конкуренция будет определено влиять на ситуацию.

- Стабильные отношения на глобальном уровне со странами ЕС и США. Ситуация сложная и непредсказуемая, в связи с потенциальной политикой последних лет США.

Казахстан - экспорт, 2002—2014 (млн. долл США)

Казахстан - импорт, 2002—2014 (млн. долл США)

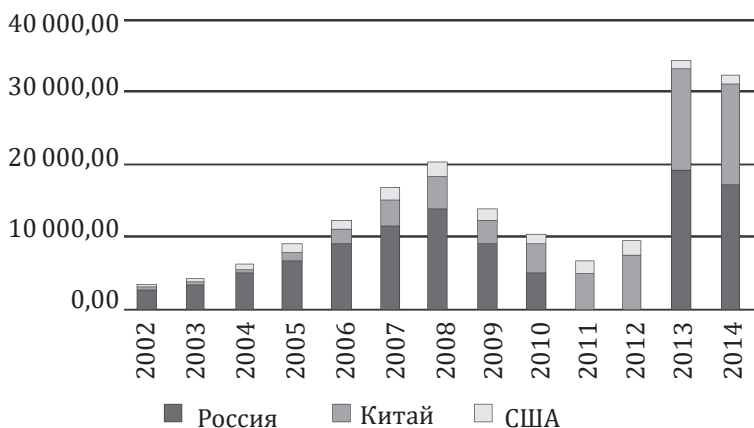
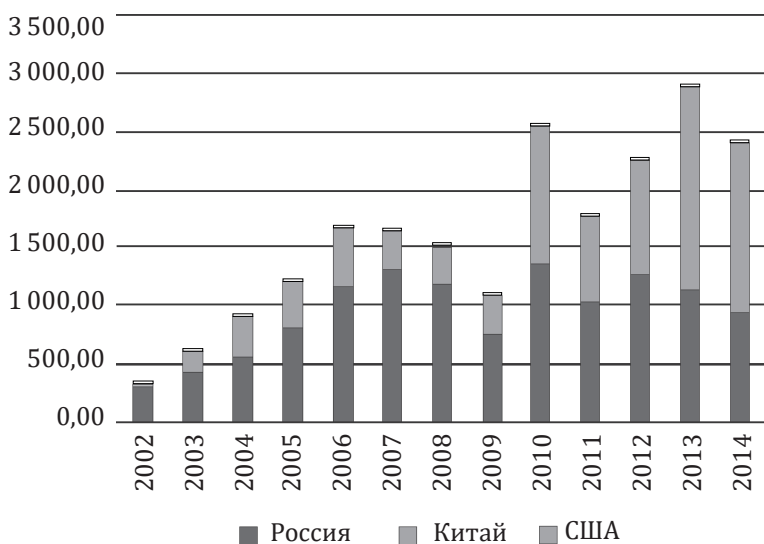

Рис. 3. Внешнеторговый баланс Казахстана, 2002—2014 гг.

Источник: Азиатский банк развития, «Key Indicators for Asia and the Pacific 2015», <http://www.adb.org>.

Идеалы либеральной демократии Запада, которые предположительно должны были стать основой строящейся транспортно-энергетической системы и рыночных отношений в ЦЮА, довольно часто сталкивались с сильной оппозици-

Узбекистан - экспорт, 2002—2014 (млн. долл США)

Узбекистан - импорт, 2002—2014 (млн. долл США)

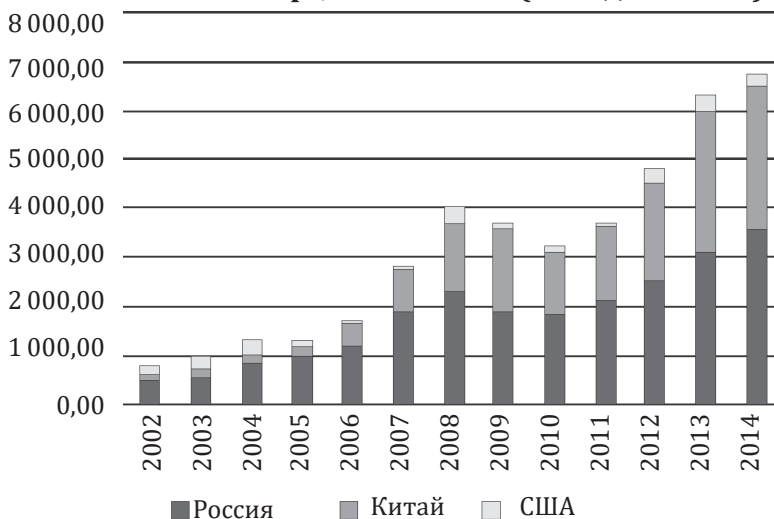

Рис. 4. Внешнеторговый баланс Узбекистана, 2002—2014 гг.

Источник: Азиатский банк развития, «Key Indicators for Asia and the Pacific 2015», <http://www.adb.org>.

ей местных государств, как неприемлемые их современной специфике развития. Но практика международной жизни достаточно отчетливо продемонстрировала широкое использование неолиберальных и реалистических принципов во внешней и внутренней политике и стратегии Центральной Азии. Справедливо поэтому утверждать, что центральноазиаты отличают универсальные нормы демократии и либеральные права (система коллективной безопасности, демократизация общественной жизни и совершенствование международного права, соблюдение международных норм и принципов внешней политики и пр.) от специфических культурных норм, морали и стандартов их жизни, которые составляют суть их идентичности и, следовательно, не могут быть видоизменены или трансформированы.

Обширная эмиграция центральноазиатов и их открытость внешнему миру отражает многовекторную политику и стремление к разнообразным внешним экономическим формам партнерства, подтверждают предрасположенность к глобальным тенденциям в отличие от антиглобальных тенденций в отдельных странах мира.

В этом смысле позиция США построить многостороннее региональное партнерство может быть оценена позитивно. Нельзя не признать влияния США на процесс прояснения спорных моментов в двусторонних отношениях, объединения евроатлантических союзников и начало долгожданных международных конструктивных переговоров по Ирану. Следовательно, была подготовлена почва для первых бизнес шагов в Иране, что было незамедлительно использовано европейскими и другими странами. Учитывая сложность международной обстановки и плюрализм вовлеченных интересов и сил, целесообразно расценивать эти усилия, как начало длительного процесса, а не полной неудачи. Особенно в связи с формированием афганского международного миротворческого процесса и началом бизнеса с Ираном, что подкрепляется растущим китайско-европейским партнерством с государствами ЦА. В то же время, все еще сохраняются тенденции, негативно влияющие на ситуацию в Центральной Азии:

- Угрозы и вызовы с территорий Сирии, Ирака и зоны «Афпак» остаются в силе и дополнены сунни-шиитским конфликтом.

- Сохраняется ирано-американское напряжение, следовательно, и устойчивые трудности привлечения иностранных инвестиций и реализации проектов в ближневосточном направлении.

- Политика Запада возобновить отношения с Россией обернулась санкциями, отношениями холодной войны и гонкой вооружения в 2015—2016 гг.

- Заявленный западный стратегический диалог с Китаем сменился жесткой конкуренцией и финансовой борьбой.

- Традиционное партнерство ЕС — США было ослаблено глубокими разногласиями по Ирану и торговыми проблемами.

- Западное партнерство и продвижение Турции в качестве модели для центральноазиатских государств обернулось разногласиями по вопросам терроризма и тактикой в Сирии.

В этом контексте центральноазиатские государства, в частности, Узбекистан, выбрали стратегию конструктивного равноудаленного партнерства с мировыми державами, что в политической теории означает сохранение баланса сил. Позиция центральноазиатского региона по ключевым международным вопросам сегодня все более проявляет себя в деятельности Казахстана в Совете Безопасности ООН и в организации международных переговоров по Сирии в Астане. Посредством таких международных институтов и форумов центральноазиатские страны защищают свои региональные интересы и участвуют в урегулировании злободневных глобальных проблем.

Что касается США, вопреки существующим барьерам, глобальная держава достаточно активна в регионе ЦА. Ее стратегия не претерпела радикальных перемен и все еще сфокусирована на трех основных стратегических интересах: безопасности, энергетике и постепенной модернизации региона ЦЮА, что подразумевает рост региональной торговли. В этом плане США не отказались от перспектив превращения Центральной Азии в хаб, соединяющий Центральную,

Южную, Юго-Западную Азию и Европу. Для осуществления поставленных задач с учетом также Сирии, Афганистана и других точек нестабильности, США готовы выполнять роль гаранта по региональной безопасности при сотрудничестве с другими региональными акторами. К примеру, американские эксперты подчеркивают необходимость для США, ООН и всех партнеров продолжить в процессе политического урегулирования оказание поддержки правительству Афганского национального единства. Вывод американских войск стимулировал процесс политического урегулирования отношений с талибами. «В случае осуществления, такое решение могло бы покончить с необходимостью присутствия зарубежных войск в Афганистане, и сократить объем внешней помощи, которую Афганистан получает сейчас, чтобы поддержать силы безопасности для того, чтобы справиться с кросс-пограничными мятежами»³⁴⁷. Решение крупных разногласий между внутренними влиятельными силами Афганистана могло бы стабилизировать весь регион и естественно поддерживается государствами ЦА, так как это обеспечивает мир и стабильность в их собственных странах и открывает новые экономические возможности в афганском направлении. С учетом всего этого можно утверждать, что закрытие офиса НАТО осенью 2016 года в Ташкенте не означает свертывание западного сотрудничества со странами ЦА. Но дальнейшее зависит от внешнеполитической линии США.

Совершенно очевидно, что Центральная Азия и Исламская Республика Иран значат слишком много как для обеспечения безопасности США, зависимой в определенном смысле от ситуации на Ближнем Востоке, в Южной и Центральной Азии, так и для реализации широких интересов американского бизнеса. Таковы реалии глобального мира. Без обеспечения

³⁴⁷ Barnett R. Rubin and Garnon Georgette, «The U.S. Presence and Afghanistan's National Unity Government: Preserving and Broadening the Political Settlement», Center on International Cooperation, August 2016, <http://cic.nyu.edu/>.

всеобщей безопасности, невозможно полное разрешение внутренних проблем, что является главной целью президента США.

Достаточно напомнить о трагедии 11 сентября 2001 года в Нью Йорке, организованной региональными радикальными силами. Дополнительно, администрация Обамы объявила об увеличении мигрантов до 110,000 в финансовом 2017 году. В 2015 году в США проживало приблизительно 83,000 человек, рожденных в Сирии, насчитывавших менее 0,2% всего населения в 43.3 миллиона, рожденного за рубежом³⁴⁸. Эти мигранты все еще служат признаком потенциального роста социально-экономических проблем и возможных вызовов безопасности американскому обществу.

В то же время в интересах американского бизнеса не уступать первенства европейским коллегам на иранском рынке. В этой связи ожидается политика пересмотра соглашений СВПД, жесткий американо-иранский диалог, медленный процесс снятия антииранских санкций и торговые споры с Европой по иранскому вопросу.

В целом, на современном этапе центральноазиатская стратегия США может быть частично пересмотрена. Думается, следующие факторы окажут влияние на процесс вовлечения Вашингтона в регион ЦЮА:

1. взаимосвязанность национальной безопасности США (миграция, преступность, наркотрафик и пр.) с процессами на Ближнем Востоке и в ЦЮА, включая Афганистан;
2. глобальные интересы американского бизнеса, столкнувшиеся сегодня с интересами здесь (Иран, Центральная Азия) Евросоюза;
3. влиятельное внешнеполитическое лобби в США и за рубежом, требующее продолжения стратегии в этой части мира. Вашингтону будет нелегко противостоять принятым многосторонним соглашениям СВПД по Ирану.

³⁴⁸ Jie Zong and Jeanne Batalova, «Syrian Refugees in the United States», Report from Migration Policy Institute, January 13, 2017, <http://reliefweb.int/report/united-states-america/syrian-refugees-united-states>.

По мнению части американских экспертов, практический опыт ведения крупного бизнеса самого президента Дональда Трампа может оказаться бесценным для всего американского бизнеса, рассчитывающего на переход от демагогии прежней администрации к конкретным региональным проектам.

По всей вероятности, следует ожидать возможно и несколько замедленной по понятным причинам (изучение, обсуждение, согласование и пр.), активности США в регионе ЦА.

Позиции в регионе евроатлантических союзников — стран Евросоюза недостаточно прочны с учетом текущего в ЕС кризиса. В последние годы сложные взаимоотношения Европы с США, когда «ЕС больше не рассматривается США в качестве наиболее важного региона мира, сигнализируют Европе, что она не может дальше полагаться только на американскую защиту»³⁴⁹; противоречия России с Европой по поводу энергетических вопросов, Украине и т.п.; текущая фрагментация ЕС и его разногласия с Соединенными Штатами по Ирану существенно препятствуют и тормозят осуществление европейских целей и задач.

В частности, лидером торгового оборота в Центральной Азии до недавнего времени являлся только Казахстан. Европейские инвестиции в экономику Казахстана были равны 106 миллиардам долларов в 2000—2014³⁵⁰.

В этой связи Европа пересматривает свою центрально-азиатскую политику и внешнеполитические инструменты в рамках этих планов в иранском направлении. Но отсутствие единого подхода к рыночному статусу Китая может ограничить европейские ресурсы и негативно сказаться на реализации будущей стратегии в Центральной Азии. Многосторонние проекты будут, очевидно, зависеть также от внутренних реформ в государствах ЦА, что является сложным процессом с

³⁴⁹ Stephen Walt, «Towards an EU Global Strategy. Consulting the Experts», October 2015–April 2016, European Union Institute for Security Studies, <http://www.iss.europa.eu>.

³⁵⁰ «Kazakhstan and EU», May 12, 2016, https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/14454/kazakhstan-i-es_ru.

учетом радикальных реформ, предпринятых в Узбекистане, и слабостью Таджикистана и Кыргызстана. Следовательно, в ближайшее время акцент, по всей видимости, будет сделан в основном на развитие двусторонних отношений со странами ЦА.

В свою очередь, европейские эксперты указывают на то, что «не всегда каждый должен действовать вместе с другими: чаще это вопрос сотрудничества в небольших группах, поддержанное другими или приспособленное в духе «конструктивного воздержания»³⁵¹. Среди ключевых партнеров они называют Китай, Индию, Японию, Корею и Малайзию. Их совместная экономическая мощь, на наш взгляд, внушает некоторый оптимизм в случае ограничения деятельности США в регионе ЦЮА.

Сочетание и переплетение указанных мер, интересов экономики и безопасности акторов ведет, предположительно, к постепенному слиянию трех основных моделей развития региона ЦА (см. рис. 6). Этому, как представляется, способствуют:

1. геополитическая безопасность государств ЦА, в силу чего они стремятся не допустить доминирование какой-либо из этих моделей. В этой связи, в частности, Узбекистан провозгласил принцип конструктивной равноудаленности от ведущих держав мира;

2. отсутствие единого признанного международного лидера среди государств, продвигающих данные модели;

3. принципы регионализма, заложенные в данных концепциях, что может обеспечить определенный баланс сил и интересов.

Реальная ситуация в данный момент представлена в следующей диаграмме:

³⁵¹ Nick Witney, «The Need for Realism» in: *«Towards an EU Global Strategy. Consulting the Experts.»*

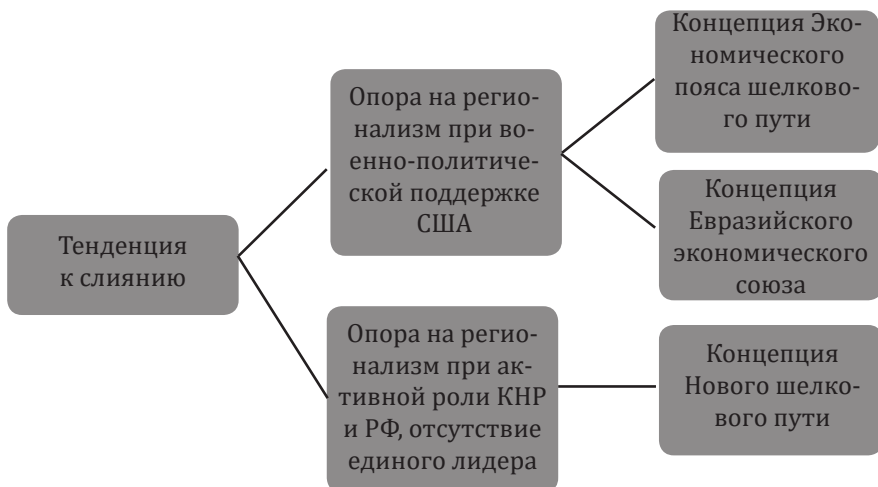

Рис. 5. Современные тенденции: концепции и реальность.

Таким образом, рост геоэкономических и геополитических угроз привел на практике к доминированию китайской инициативы «Одного Пояса и Одного Пути». Учитывая всестороннюю близость центральноазиатских стран к России и общее их стремление сбалансировать китайский фактор, можно утверждать, что Евразийский союз может стать в будущем отдельной, потенциально реформированной и расширенной организацией. В настоящее время, однако, данный союз должен тесно координировать свою деятельность в рамках китайского ОПОП. Реализация американо-спонсируемой стратегии Нового шелкового пути фактически ограничена только региональным военно-политическим сотрудничеством. Ее будущее зависит от логически последовательной, скоординированной и эффективной региональной политики США.

Рассмотренные тенденции свидетельствуют в пользу сбалансированных китайских, российских и западных позиций в Центральной Азии. Очевидно, что в условиях геополитической напряженности и возрастания глобальных угроз роль России и западных государств, как балансиров и теснейших союзников, останется приоритетом для региона ЦА.

В настоящее время взаимоотношения между акторами в Центральной Азии не могут быть полностью деструктивными, негативными или полностью позитивными вследствие их близости, взаимных интересов и разнородного потенциала. Все они перспективны в разной степени с точки зрения их близости. Следовательно, мы можем говорить только о различных формах сотрудничества — ограниченном, сложном, перспективном, т.д. Их приблизительное состояние представлено на рисунке 6.

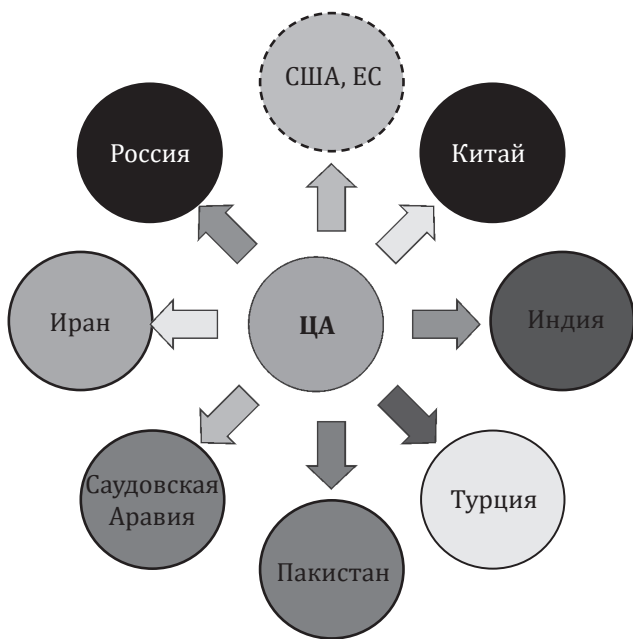

Рис. 6. Приблизительная оценка современного межгосударственного сотрудничества в Центральной Азии.

- — ограниченное сотрудничество, осложненное региональной конкуренцией и террористическими угрозами;
- — сложное сотрудничество;
- — перспективное сотрудничество;
- — ограниченное сотрудничество;

■ — перспективное, осложненное сегодня глобальной конкуренцией;

■ — широкомасштабное сотрудничество, но осложненное регионально-глобальной конкуренцией.

Что определяет на сегодняшний день центральноазиатские предпочтения?

Исторически культурно-религиозные (более 81% населения в Центральной Азии — мусульмане) и даже родственные связи народов Центральной Азии с Ираном и Турцией исчисляются не одним или двумя столетиями.

На современном этапе, однако, попыткам некоторых мусульманских стран реинтегрировать народы Центральной Азии под своей эгидой препятствует множество факторов, связанных с длительным в отрыве друг от друга историческим развитием государств. К ним можно отнести особенности их современной политической культуры и экономики, различные геополитические цели и задачи, сложный этнорелигиозный состав населения. Центральноазиатские государства вынуждены учитывать это, выстраивая свои отношения с мусульманским миром.

Несмотря на некоторые различия, Россия, Китай, Турция и Иран обладают стабильной, взаимодополняемой и динамично развивающейся экономикой, и военно-политическими ресурсами, способными поддерживать стабильность в регионе ЦА.

Роль США и ЕС объективно обусловлена самим статусом этих держав в системе международных отношений, их всесторонними ресурсами и технологическими возможностями. Европа имеет к тому же преимущество континентального расположения для более тесных контактов с центральноазиатским регионом.

Абсолютно ясно, что в условиях такого сложного международного окружения странам ЦА нужно в интересах безопасности и сохранения своей уникальной целостности, идентичности и самобытности покончить с существующим

дефрагментированным состоянием и ускорить процесс экономической интеграции. В первую очередь, между собой.

При этом, однако, следует учесть, **во-первых**, что прежний мир военно-политических объединений и блоковых союзов ушел в прошлое. **Во-вторых**, опора на Россию, Китай и Иран не означает закрытость центральноазиатских государств для других стран с учетом упомянутых культурно-цивилизационных факторов. **В-третьих**, достаточных средств противостоять мирной экспансии со стороны Китая нет ни у кого из стран региона, включая Иран и Россию, что означает использование в региональной внешней политике, прежде всего, принципа национальных интересов и баланса сил в регионе.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ III

Таким образом ясно, что в будущем не предвидится какой-либо доминирующей модели развития вследствие существующих противоречий между региональными акторами и региональной оппозицией доминированию какой-либо из моделей. Ожидается слияние этих моделей в сложный комплекс взаимодействующих государственных союзов: ЦА — Россия — Турция — Иран плюс Китай, ЕС — США и другие. В целом, мир, очевидно, будет развиваться под влиянием сбалансированного воздействия трех ведущих государств: США, России и Китая.

К данному моменту геоэкономические и геополитические угрозы Центральной Азии ведут к преобладанию китайской инициативы Одного Пояса и Одного Пути, как наиболее надежной, безопасной и выгодной модели экономического развития на ближайшую перспективу. Спонсируемый Россией хрупкий Евразийский экономический союз склонен к частичному слиянию с китайским проектом, в долгосрочной же перспективе способен стать отдельной, потенциально реформированной и расширенной организацией. Реализация американо-спонсируемого Нового шелкового пути на деле

ограничена военно-политическим сотрудничеством. Но уже в краткосрочной перспективе регион ЦА столкнется с усиленным американо-европейским вовлечением в регион, что позитивно скажется на социально-экономической ситуации.

В дополнение можно сказать следующее в пользу выдвигаемого тезиса и в качестве заключения к данной главе.

Энергетическая сфера:

1. На сегодняшний день большинство планируемых нефтегазовых проектов из территории Центральной Азии с участием Ирана не завершено, что связано в основном с итогами текущей геополитической борьбы, в том числе вокруг Ирана.

2. К барьерам на внешнем уровне относятся

— ирано-американские разногласия и сопутствующий им процесс окончательного снятия антииранских санкций может затянуться до неопределенного времени;

— сохраняется элемент недоверия в отношениях России и Ирана, низкий конкурентоспособный потенциал российской экономики, по сравнению с ЕС, Китаем и другими будущими партнерами ИРИ;

— опасения Центральной Азии быть втянутой в текущий сунни-шиитский конфликт между Ираном и Саудовской Аравией;

— проблемы правового статуса Каспийского моря;

— часть амбициозных китайских планов может в перспективе не состыковаться с растущими интересами Тегерана.

Комплекс внутренних барьеров на пути реализации энергетических планов Ирана включает такие факторы, как:

а. низкие инвестиционные возможности иранской экономики,

б. слабая инфраструктура нефтегазового сектора;

в. недостаточность нефтяных скважин;

г. высокий уровень потребления энергии в стране.

3. Длительное негативное воздействие антииранских санкций на уровень внешней торговли и социально-

экономического развития в Центральной Азии в конечном итоге ориентируют страны ЦА на Китай.

4. Большинство вовлеченных региональных государств сталкиваются с переходными трудностями, со схожими социально-экономическими проблемами и нуждаются в конструктивном региональном и глобальном партнерстве, что будет, несмотря на трудности, способствовать их сотрудничеству в нефтегазовой отрасли, как приоритетной сферой развития их стран.

5. Тегеран стремится интенсифицировать сотрудничество в сфере энергетики, включая устранение спорных проблем в зоне Каспия, выражает готовность сотрудничать с центральноазиатскими государствами в рамках китайского ОПОП и стремится заручиться поддержкой европейских компаний в будущих проектах.

6. Запад достиг определенного успеха в продвижении проекта TANAP. Однако правовой статус Каспийского моря будет определенно препятствовать реализации TANAP и ТКГ, содействовать обострению отношений между каспийскими государствами. Абсолютно ясно при этом, что проект ТАПИ будет иметь успех только в случае стабилизации зоны «Афпак», что зависит от согласованных действий всех региональных акторов и геополитической ситуации в целом. Будущее Турецкого потока в большой степени зависит от урегулирования российско-западных отношений, последовательности и эффективности современных российско-турецких отношений.

7. В целом, многое в эволюции нефтегазового партнерства в регионе ЦЮА зависит от урегулирования сирийского и украинского кризисов, окончательного снятия международных санкций с Ирана и формирования единой компромиссной модели партнерства с учетом интересов всех вовлеченных акторов.

Транспортный сектор. Трудности внутреннего порядка в регионе ЦА наряду с множеством организационно-технических задач, связанных с реализацией транспортных, инфраструктурно-логических проектов, а также приведения в соответствие национальной таможенной и иной политики будут,

естественно, сопровождать переходный период в формировании транспортной системы в Центральной Азии.

1. Наибольшим вызовом в развитии внешней транспортной сети Узбекистана является конкуренция транспортных маршрутов, идущих в обход Узбекистана. Упущенное для преодоления текущих препятствий (напр., ускорение иранских маршрутов) время может обернуться для экономики страны серьезными потерями.

2. Абсолютно ясно, что множество вовлеченных геополитических интересов в Центральной Азии будет также стимулировать трудности координации и согласования транспортной стратегии на уровне самого региона. Серьезную угрозу транспортно-транзитным планам в Центральной Азии представляют и возможные атаки афганских экстремистов и ИГ.

3. С другой стороны, страны ЦА сталкиваются с проблемой гармонизации национальной транспортной стратегии со стратегиями ведущих держав. В основном речь идет о создании маршрутов через страны ЦА из Азиатско-Тихоокеанского региона, главным образом из Китая в Европу. Вызовы относятся к проблемам соответствия местных маршрутных предпочтений планам той или иной спонсирующей строительство дорог державы.

4. Наиболее реальными на сегодняшний день выглядят геоэкономические проекты Чабахор и Гвадар с участием Ирана. Вызовом в их развитии является их конкурентность, в связи с вовлечением в эти проекты Индии (Чабахор), с одной стороны, и Пакистана с Китаем (Гвадар), с другой. Вместе с тем, формирование «китайского экономического коридора», объединяющего Иран, Пакистан и государства ЦА в рамках ОПОП, может отвечать интересам США.

5. Нельзя исключить при всем этом, что с началом функционирования транспортных маршрутов в Центральной Азии могут открыться новые маршруты наркотрафика, нелегальной миграции, преступности и коррупции. Очевидно, что переобучение и подготовка в странах ЦА и СНГ соответствующего

персонала, необходимого для работы в таких сложных международных условиях, займет длительный период.

6. Для ограничения существующих рисков и вызовов поэтому государствам ЦА следует ускорить экономическую интеграцию региона; усилить координацию и взаимодействие правоохранительных и иных структур; привлечь к активному участию в решении региональных проблем безопасности Иран, Турцию и Россию

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Анализ региональной системы международных отношений позволяет сделать следующее заключение:

1. Прежний мир геополитического дуализма сменяется сегодня растущей многополярностью и необходимостью распределения глобальной власти между тремя основными мировыми державами — США, Китай и Россия. Речь идет поэтому о возможном совмещении и взаимодействии их интересов, что на данном этапе труднодостижимо. В центре внимания поэтому остаются вопросы региональной и мировой безопасности.

2. Потенциальная угроза исламизации и радикализации региона ЦА определяет выбор светских правительств Центральной Азии в пользу отношений с Западом, Китаем и Россией, как балансиров в их взаимоотношениях с исламским миром.

3. Длительная нестабильность Центральной Азии, осложнившаяся радикализацией Ближнего Востока и потенциалом распространения зоны действия экстремистских сил, требует объединения мирового сообщества и совместного решения данных проблем. Очевидно, что глобальные социально-экономические и политические проблемы невозможно решить с помощью прежних механизмов блокового мышления, разобщенных и слабо координируемых союзов

государств, пользующихся устаревшими методами и средствами управления, решения конфликтных ситуаций.

4. Упорное нежелание отдельных геополитических акторов поступиться частью своих великодержавных амбиций в пользу региональной стабильности сохраняет в Центральной Азии геополитическую напряженность, продлевает или ставит под сомнение реализацию выдвигаемых проектов. В этих условиях высока вероятность дестабилизации Центральной Азии в силу близости Сирии, вовлеченности в кризис Саудовской Аравии и Турции, тесной связи их с Афганистаном и Пакистаном. Что в совокупности грозит также интересам безопасности Запада.

5. Представляется поэтому, что США вынуждены в интересах стабильности и обеспечения интересов Америки в ЦЮА и на Ближнем Востоке довести переговоры с Ираном до успешного, относительно приемлемого для всех сторон завершения. В случае прагматичного и взвешенного подхода США итоги переговоров Ирана с Западом могут гарантировать сохранение и неприкосновенность в ИРИ исламского режима. Более того, Тегеран способен со временем стать потенциально важным стратегическим партнером США в процессе мирной трансформации Афганистана.

6. Иран, Турция и Россия могут стать взаимодополняющими факторами в развитии Центральной Азии, способными ускорить процесс ее модернизации и интеграции всего региона в единую энергосистему с выходом в Европу. Однако политика Тегерана «И Восток и Запад» будет в определенной степени ограничивать российскую роль в экономике Ирана.

7. Российское присутствие в регионе ЦА будет, по всей вероятности, уравниваться присутствием более развитых и активных европейских держав и Китая. С одной стороны, сохраняется определенная несовместимость центральноазиатской культуры с китайской и потенциал быть экономически поглощенным «китайским драконом». С другой, угроза исламского экстремизма оправдывает российское присутствие в Центральной Азии и соответствует жизненно важным региональным интересам Москвы. Поэтому в средне-

срочной перспективе Россия способна восстановить и упрочить свое влияние в мире и регионе ЦА, что зависит от успешной мобилизации имеющихся в ее распоряжении ресурсов, эффективности ее внутренней и внешней политики.

Риски и вызовы: в целом, такая геополитическая ситуация, осложненная обострением геополитической борьбы будет, по всей вероятности, содействовать сохранению благоприятной почвы в Центральной Азии для продолжения закулисных игр с участием экстремистских сил, наркотрафика, организованной преступности, вспышек насилия, военных конфликтов, т.п.

Возможные сценарии развития геополитической ситуации вокруг Центральной Азии

Сценарий 1. До окончательного снятия антииранских санкций

- Между Европейским Союзом и новой администрацией США ожидается диалог и переговоры по Ирану и другим злободневным вопросам, в результате чего будет предпринята политика поэтапного, более жесткого, но рационального и прагматического вовлечения Ирана.

- Тенденции сближения центральноазиатских стран будут постепенно углубляться. Однако наиболее реалистичным будет преобладание двусторонних форм сотрудничества и постепенная реализация китайских многосторонних проектов с участием государств ЦА, Ирана и ЕС.

- На основе экономических и политических соображений будет заключен альянс Россия — Иран — Турция. Однако этот союз довольно хрупок с учетом таких факторов, как членство Турции в НАТО, китайское партнерство со всеми этими государствами и сдерживание процесса его усиления со стороны Саудовской Аравии. Тем не менее, у него есть будущее, поскольку союз балансирует региональные интересы других государств. И в принципе не противоречит интересам США, хотя и сохраняет напряжение в отношениях с ЕС по вопросам энергетики.

Сценарий 2. Неудача в завершении процесса снятия антииранских санкций — в большей степени маловероятна, но не исключена ввиду продолжения стратегии сдерживания со стороны администрации Трампа и других антииранских сил в США.

- Консолидация сотрудничества между Евросоюзом и центральноазиатскими странами при постепенном вовлечении Ирана в региональные проекты и спонсорстве азиатских держав.

- Дальнейшее усиление в интересах безопасности альянса Россия — Иран — Турция, поддерживаемое Китаем.

- Расширение и усиление Евразийского союза с вовлечением других стран ЦА, Ирана и, возможно, Индии для защиты интересов данных стран в сфере экономики и безопасности.

- Расширение зоны ирано-саудовского и сирийского конфликтов маловероятно ввиду действующих стратегий сдерживания региональных и глобальных держав, но не исключено в случае форс-мажорных обстоятельств на территории Афганистана, Пакистана и других государств. Что негативно скажется на текущих и потенциальных геэкономических проектах в Центральной Азии, будет негативно влиять на ирано-узбекские и ирано-таджикские отношения с учетом наличия центральноазиатской шиитской диаспоры и может осложнить ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке, Центральной и Южной Азии, в СНГ.

- В случае отсутствия просирийских и шиа-суннитских инцидентов, что в наибольшей степени вероятно с учетом доминирования в регионе прагматических соображений, государства Персидского Залива, включая Саудовскую Аравию, могут постепенно начать сотрудничество с Евразийским союзом.

Сценарий 3. После окончательного в долгосрочном плане снятия антииранских санкций.

- Ожидается переходный период для решения имеющихся проблем:

- Регулирование и координация позиций и действий между всеми участниками регионального процесса, включая конфликтные стороны, для устранения двусторонних и многосторонних проблем (включая турецкий фактор).

➤ Сохранение тактики косвенного и прямого исключения того или иного участника в планируемых геоэкономических проектах Центральной Азии, что сохранит геополитическое напряжение со всеми вытекающими последствиями.

➤ Острая геоэкономическая конкуренция энергетических и транспортных проектов.

➤ Трудности организационного плана: инфраструктурно-технические, кадровые, управленческие и иные организационные проблемы на уровне реализации проектов в силу недостаточной готовности развивающихся государств к глобальной экономической деятельности.

➤ Агрессивная политика по продвижению своих интересов и давление со стороны держав (США, Китай, Иран и др.), в вопросах продвижения ценовой, таможенной, инвестиционной и др. политик.

➤ Вызовы для центральноазиатских стран с территории Афганистана и Пакистана: угроза экстремизма и радикализма, наркоторговля вдоль строящихся и действующих энерготранспортных маршрутов. В первую очередь с территорий на границах с Афганистаном (Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан).

• В долгосрочной перспективе взаимоотношения вдоль оси США — ЕС — Иран — Китай — Турция будут постепенно усиливаться. При этом сотрудничество по линии Россия — Иран — Турция будет концентрироваться больше на взаимовыгодных экономических проектах и останется в качестве политического инструмента сдержек и противовесов для защиты собственных интересов.

• Не исключено конструктивное партнерство с расширенным в долгосрочной перспективе Евразийским союзом и построение прагматичных, рациональных отношений евроатлантического сообщества с Россией с концентрацией на ключевых региональных вопросах.

• ШОС, по всей вероятности, сохранится как региональный форум для обсуждения актуальных экономических проблем региона.

Некоторые возможные рекомендации для региональных государств:

Целесообразность поддержки международного сообщества программ всесторонних реформ, предпринимаемых центральноазиатскими правительствами, финансирование местной экспертизы и ограничение излишнего давления на деятельность некоторых трансформирующихся институтов.

Региональным акторам, вовлеченным в центральноазиатскую экономическую деятельность, следует

- координировать региональную налоговую и таможенную, а также законодательную политику для эффективной реализации центральноазиатских транзитных проектов;
- интенсифицировать обмен информацией, взаимопомощь и поддержку между заинтересованными правоохранительными органами по актуальным вопросам безопасности;
- усилить контроль на всех контрольно-пропускных, пограничных и транзитно-логистических пунктах.

Ведущим державам следует

- интенсифицировать всестороннее научно-образовательное сотрудничество с государствами Центральной Азии при подготовке необходимых кадров для работы в глобальной среде и осуществления своевременного анализа текущих проектов;
- организовать в Центральной Азии практические курсы по обмену опытом в транспортных, инфраструктурных, логистических и правоохранительных сферах;
- организовать рабочие группы для своевременного мониторинга и анализа вопросов функционирования проектов с последующей публикацией результатов в открытых средствах массовой информации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БТЖ — Баку-Тбилиси-Джейхан
БРИКС — группа из пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика
ВТО — Всемирная торговая организация
ДНЯО — Договор о нераспространении ядерного оружия
ЕАЭС — Евразийский экономический союз
ЕврАзЭС — Евразийское экономическое сообщество
ЕБРР — Европейский банк реконструкции и развития
ЖВНИ — Жизненно важные национальные интересы
ЗСТ — зона свободной торговли
ИБР — Исламский банк развития
КТК — Каспийский трубопроводный консорциум
МО — Международные отношения
МАГАТЭ — Международное агентство по развитию атомной энергетики
НАТО — Организация Североатлантического договора
НШП — Новый шелковый путь
NDN — Северная распределительная сеть
ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности
ОИС — Организация Исламского сотрудничества
ОМУ — Оружие массового уничтожения
ОПОП — Один Пояс и Один Путь
ОПЕК — Организация стран — экспортеров нефти
ОЭС — Организация экономического сотрудничества
ПАТТА — Пакистано-афгано-таджикское соглашение по торговле и транзиту
СБ ООН — Совет Безопасности ООН
СВПД — Совместный всеобъемлющий план действий
СНГ — Содружество Независимых Государств
СУАР — Синьцзян-Уйгурский автономный район
ТАНАР — Трансанатолийский трубопровод

ТАПИ — газовый трубопровод Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия

ТАСИС — Техническая помощь Содружеству Независимых Государств, программа Европейского союза

ТИКА — Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию при премьер-министре Турции

ТТИП — Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство

ТКГ — Транскаспийский газовый трубопровод

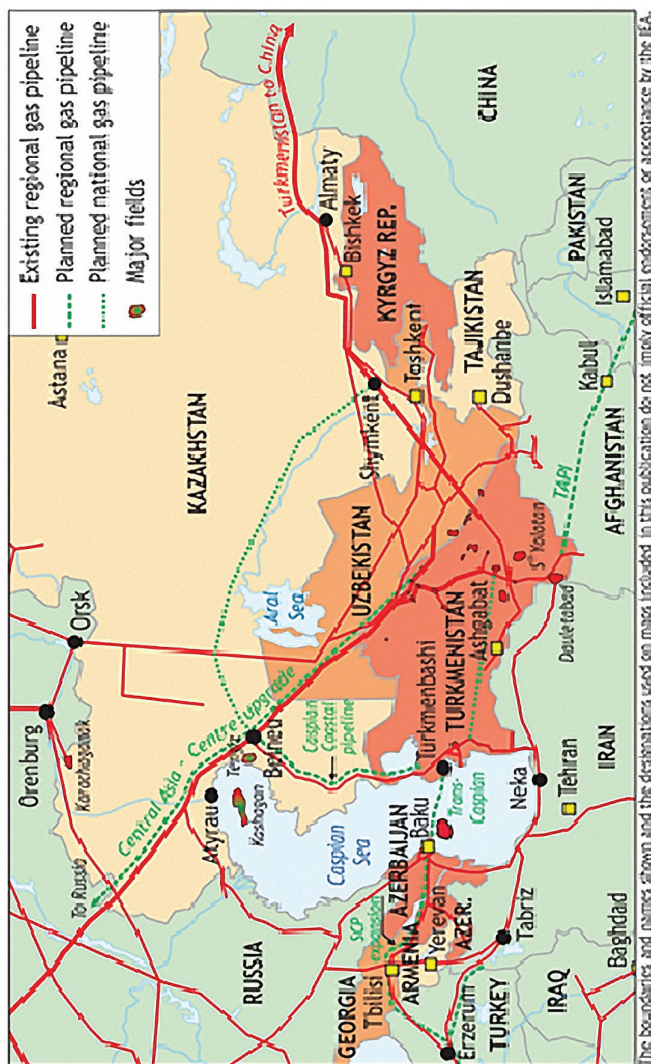
ТРАСЕКА — программа реализации транспортного коридора Европа-Кавказ- Азия

ЦА — Центральная Азия

ЦЮА — Центральная и Южная Азия

ШОС — Шанхайская организация сотрудничества

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ТРУБОПРОВОДЫ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

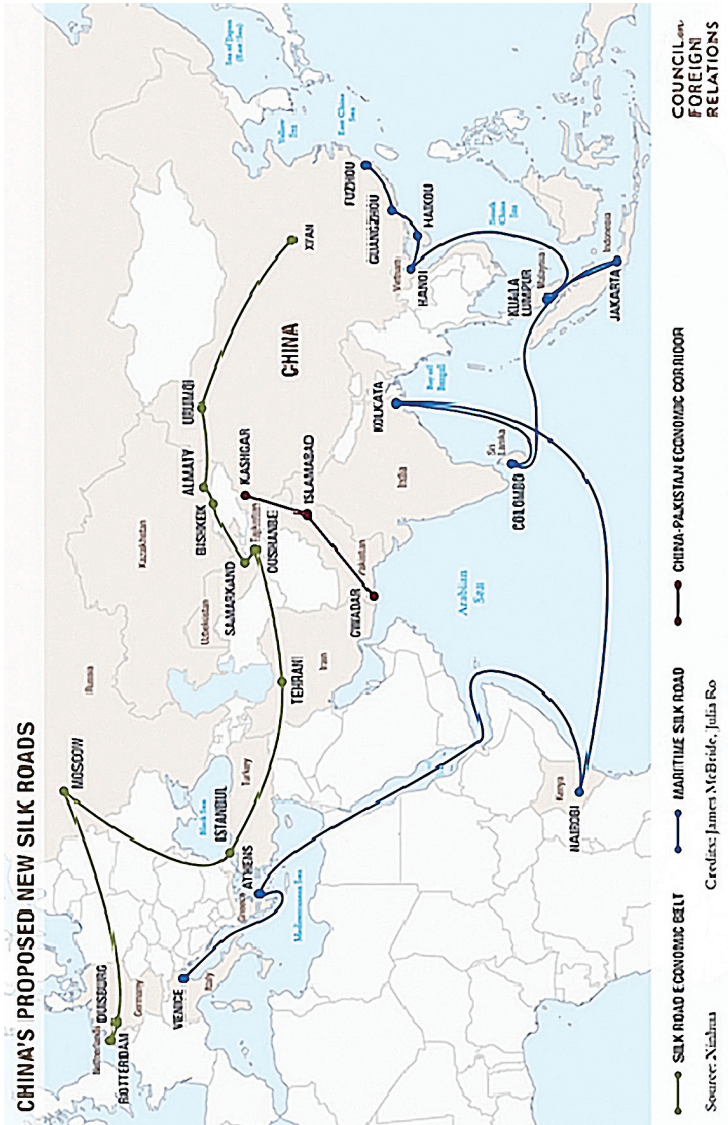

The boundaries and names shown and the designations used on maps included in this publication do not imply official endorsement or acceptance by the IEA.

Источник: © OECD/IEA 2010 World Energy Outlook, IEA Publishing.
Licence: www.iea.org/t&c

Данная карта беспристрастна к статусу или суверенитету какой-либо территории, делимитации международных рубежей и границ и к названию любой территории, города или пространства.

КАРТА ПРЕДЛАГАЕМОГО КИТАЕМ ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Источник: <http://www.cfr.org/content/publications/China-Silk-Road-Map-CFR-1300x846.jpg>

Авторское право (2017) Совета по Внешним Отношениям. Копия разрешена.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
I. Политика США и Ирана в Центральной Азии: историко-политические предпосылки	16
1.1. Политическая стратегия США в Центральной Азии.....	16
1.2. Иранский фактор в современной геополитике Центральной Азии	30
II. Геополитика Центральной Азии сквозь призму ирано-американских отношений	39
2.1. Политика США в Центральной Азии: современные подходы к Ирану (2007-январь 2017)	40
2.2. Иранский фактор в центральноазиатской стратегии ЕС.....	59
2.3. Россия в геополитических процессах вокруг Центральной Азии	67
2.4. Китай в геополитических процессах вокруг Центральной Азии	80
2.5. Политика Турции в Центральной Азии	97
2.6. Пакистано-саудовский фактор в Центральной Азии ..	118
2.7. Политика Индии в Центральной Азии	139
III. Экономические аспекты геополитических процессов в Центральной Азии	160
3.1. Политика энергетических коридоров в Центральной Азии	160
3.1.1. 1991—2006 гг.	160
3.1.2. Новые тенденции в региональной энергополитике.....	179
3.2. Формирование транспортно-транзитной сети в Центральной Азии: геополитические аспекты	201
3.3. Некоторые предварительные итоги геополитических тенденций для центральноазиатских государств	213
Заключение	229

Геополитические процессы в современной Центральной
Ю-31 Азии: Иран и США [Текст]/ Г. Юлдашева. – Ташкент: «Niso-
Poligraf», 2018. – 240 с.

ISBN 978-9943-5082-4-8

УДК 327(100)
ББК 66.4(0)

Гули Юлдашева

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИРАН И США

Редактор *А. Кременцова*
Художественный редактор *Ж. Гурова*
Технический редактор *Д. Салихова*
Компьютерная верстка *Т. Абкеримов*

Оригинал-макет изготовлен издательством «NISO POLIGRAF».
Ташкентский вилоят, Урта Чирчикский туман, ССГ, «Ок-Ота»,
махалля Машъал улица Марказий, дом 1.
Издательская лицензия AI № 265.24.04.2015.

Подписано в печать 25 декабря 2017 года. Формат 60×90¹/₁₆.
Гарнитура «Cambria». Кегель 11,5. Офсетная печать.
Условных печатных листов 15,0. Учетно-издательских листов 13,95.
Тираж 250. Заказ № 780.

Отпечатано в ООО «NISO POLIGRAF». Ташкентский вилоят,
Урта Чирчикский туман, ССГ, «Ок-Ота»,
махалля Машъал улица Марказий, дом 1.